

№ 2
●
2022

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ISSN 2412-9798

9 772412 979007

16+

№ 2
(30)

16+

2022

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 29.06.2022
Размещен в сети Интернет: 30.06.2022

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА

Рена Габиб кызы

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

АКАЕВ

Вахит Хумидович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

АЛЕКСЕЕВА

Галина Васильевна

доктор искусствоведения, профессор, руководитель образовательной программы «История искусств» школы искусств и гуманитарных наук департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация

АРАКЕЛОВА

Александра Олеговна

доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

БОЛААН

Маицео Мгадла

PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

ВЛАДИМИРСКИ

Ирена

PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль

ГАПУРОВ

Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация

ЕГОРОВ

Владимир Константинович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра государственной службы и управления, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, Краснодар, Российская Федерация

КИТОВ

Юрий Валентинович

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры, Москва, Российская Федерация

КУДРЯВЦЕВ

Александр Абакарович

доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация

КУМАР

Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Нью-Дели, Республика Индия

КУПЦОВА

Ирина Валентиновна

доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

МАКГАЛА

Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана

МАЛЫГИНА

Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Российская Федерация

МАТВЕЕВ

Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация

НЕРЕТИН

Олег Петрович

доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ

Марина Сергеевна

Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция

ОРЛОВА

Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша

ПАТИНЬО

Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА

Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия

РАТУШНЯК

Валерий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация

РАХАЕВ

Анатолий Измаилович

доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация

РЫБАК

Кирилл Евгеньевич

доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация

САЛАМЗАДЕ

Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика

СОКОЛОВА

Алла Николаевна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Краснодар, Российская Федерация

ХАНГЕЛЬДИЕВА

Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ШЛЫКОВА

Ольга Владимировна

доктор культурологии, профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

NO.2
(30)

2022

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 29 June 2022
Published online on 30 June 2022

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi

ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh.

AKAEV

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Galina V.

ALEKSEEVA

Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Head of the Educational Program "History of Art", School of Arts and Humanities, Department of Arts and Design, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Aleksandra O.

ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Maitseo M.M.

BOLAANE

PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Vladimir K.

EGOROV

Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Head, UNESCO Department; Chief Researcher, Center for Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation

Shakhrudin A.

GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Irina G.

KHANGELDIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Yuri V.	KITOV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation
Aleksandr A.	KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation
Kapil	KUMAR	Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies, New Dehli, Republic of India
Irina V.	KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Christian John	MAKGALA	MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana
Irina V.	MALYGINA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Head, Department of World Culture, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
Oleg V.	MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation
Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Olga V.	SHLYKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., UNESCO Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Alla N.	SOKOLOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»
(РЕДАКТОР А. А. ГУЦАЛОВ)**

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА	13
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	15
<i>С. Н. Астапов</i> Критика «бартианства» в религиозной антропологии Б. П. Вышеславцева	15
<i>Н. Г. Rogozинникова, Е. Ю. Третьякова</i> Русское языкознание в Национальном университете Узбекистана: история, традиции, наследие	24
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	47
<i>С. К. Зауст</i> Актуализация нарративных функций костюма в произведениях изобразительного искусства (на примере живописных полотен В. М. Васнецова)	47
MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	57
<i>А. С. Коренной</i> Государственно-частное партнерство в сфере охраны культурного наследия: восточноевропейский опыт и возможности его применения в России	57

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	68
<i>А. К. Сатубалдин</i> Функции современного музея: опыт историко-культурного анализа	68
<i>Н. В. Углева</i> Опыт атрибуции тронного кресла царя Алексея Михайловича Романова и «костяного трона» в XIX–XXI веках	80
<i>М. А. Лосева</i> История формирования русской нумизматической коллекции Государственного исторического музея в 1883–1917 годах	93
<i>Н. И. Горлова, А. Г. Демидов</i> Исследование процесса управления добровольческими ресурсами (волонтерского менеджмента) на базе российских музеев-заповедников	101
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ	110
<i>И. М. Федина</i> Поселенческий уклад и социальный быт славянского населения Кубани глазами иностранных ученых (конец XVIII – первая половина XIX века)	110

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
CULTURAL HERITAGE OF RUSSIAN ABROAD
(EDITED BY ALEKSANDR A. GUTSALOV)

FROM THE EDITORIAL COUNCIL.....	13
CULTURAL HERITAGE OF RUSSIAN ABROAD	15
<i>Sergey N. Astapov</i> Criticism of “Barthianism” in Boris Vysheslavtsev’s Religious Anthropology	15
<i>Nina G. Rogozinnikova, Elena Yu. Tretyakova</i> Russian Linguistics at the National University of Uzbekistan: History, Traditions, Heritage	24
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	47
<i>Sofia K. Zaust</i> Actualization of the Narrative Functions of the Costume in Works of Fine Art (On the Example of Paintings by Viktor Vasnetsov)	47
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	57
<i>Aleksandr S. Korennoy</i> Public-Private Partnership in the Field of Cultural Heritage Protection: Eastern European Experience and Possibilities of Its Application in Russia.....	57

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	68
<i>Abay K. Satubaldin</i> Functions of a Modern Museum: An Experience of a Historical and Cultural Analysis.....	68
<i>Natalia V. Ugleva</i> The Experience of Attribution of the Throne Chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov and the Ivory Throne in the 19th–21st Centuries	80
<i>Marina A. Loseva</i> The History of the Formation of the Russian Numismatic Collection of the State Historical Museum (1883–1917)	93
<i>Natalya I. Gorlova, Artem G. Demidov</i> A Study of Volunteer Management on the Basis of Russian Museum-Reserves	101
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES.....	110
<i>Natalia V. Fedina</i> Settlement Way of Life and Social Mode of Life of the Slavic Population of Kuban Through the Eyes of Foreign Scientists (Late 18th – First Half of the 19th Centuries).....	110

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

SPECIAL SECTION:
CULTURAL HERITAGE
OF RUSSIAN ABROAD

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORIAL COUNCIL

УДК: 930.85-051.74(470+571)
ГРНТИ: 13.09.00
ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.000

ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна
доктор философских наук, профессор кафедры теологии
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация
Nadezda Kh. ORLOVA

Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology,
and Philosophy of Culture), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University,
Veliky Novgorod, Russian Federation,
nadinor@mail.ru

Приглашая к разговору Inviting to the Talk

Осенью 1922 г. от берегов Невы отплыли пароходы «Пруссия» и «Бургомистр Хаген», вывозя из России ярких представителей российской науки и культуры общеевропейской известности. Позже это событие получит символическое название «философский пароход». Эта так называемая «эмиграция первой волны» была уникальна по своей численности, составу, зоне рассеяния и по тому значению, которое она имела для всей европейской культуры. Однако феномен русского зарубежья не исчерпывается ни списком пассажиров этих двух пароходов, ни одним лишь 1922 годом, ни понятием «эмиграция первой волны». Очевидно, что в год столетия «философского парохода» мы с особым вниманием всматриваемся в исторической ретроспективе в судьбы и творчество русского зарубежья, границы которого уже давно очерчиваются шире, чем четыре условные волны XX в. Достаточно серьезно изучаемая эмиграция первой волны после революции 1917 г., по мнению исследователей, была событием эпохального значения, но мы предлагаем более широкие исторические координаты. Например, для русских женщин в XIX в. мотивацией на эмиграцию было стремление к эмансипации и творческой самореализации.

зации (учёба в университетах, участие в научных сообществах, организация собственных издательств). Здесь мы откроем немало имен женщин, состоявшихся впоследствии как ученые, писательницы, общественные деятельницы. Учёные и писатели, педагоги и врачи, актёры и художники, офицеры и инженеры определяли состав исходов из страны в периоды драматических изломов в истории отечества: революции 1905 и 1917 гг., мировые войны, распад СССР. Имена и творчество многих из них порой лучше известны за рубежом, нежели в России.

Мы вновь и вновь видим свою миссию в актуализации творческого наследия русских эмигрантов в науке, искусстве, литературе, издательской и общественной деятельности – тем самым возвращаются в культурную память многие забытые имена. Огромное значение имеет развитие международного научного сотрудничества в области междисциплинарных исследований русской эмиграции в историческом, биографическом, философском, антропологическом, искусствоведческом и культурологическом аспектах. Важным итогом такого взаимодействия было бы создание научного и дискуссионного контекста для выхода на новый уровень систематизации и генерализации знаний о сценариях человеческих судеб в эмиграции; накопление и распространение опыта исследования эмиграции как антропологической и антропной практики.

Конечно, в постсоветские годы сложилась серьезная исследовательская и издательская традиция по эмигрантоведению, связанная как с общей историей эмиграции, так с именами и судьбами ее представителей. Активно издаются мемуары, воспоминания и эпистолярный жанр. Но еще немало документов остаются в архивах и частных коллекциях, ждут своих исследователей, которые расшифруют и введут их в культурную память, в золотой запас культурного наследия.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА СПЕЦИАЛЬНОЙ РУБРИКИ INTRODUCTORY REMARKS BY THE SPECIAL SECTION EDITOR

В конце 1910-х – начале 1920-х гг. большая часть ярких представителей русской культуры вынужденно оказалась за рубежом, в результате чего в мире возникла уникальная культурная среда, которую мы называем культурой русского зарубежья. Последующие эмигрантские потоки лишь дополняли ее, внося свои оттенки и краски. Крушение Советского Союза породило феномен самого большого в мире разделенного русского народа, представители которого против своей воли в одночасье оказались за границей, где из значимой консолидирующей силы вдруг стали одним из национальных меньшинств, что создало очевидные риски для сохранения и трансляции его культуры. Задача сбережения культурного достояния русского народа во всем мире является важной составляющей государственной культурной политики России.

Изучение культуры русской эмиграции не ограничивается фиксацией только внешних фактов и событий академической, научной, публицистической, литературной и художественной жизни. За внешними культурными фасадами скрывается напряженная внутренняя творческая работа с ее мыслительными глубинами, богатством идей, концептуальными подходами, словно цемент изнутри скрепляющими общее здание зарубежной русской культуры. Выброшенные якобы за вредностью и нарочито показной ненадобностью из родной гавани, оказавшиеся «среди чужой нации, в духовной пустоте, в мерзости нравственного запустения» (Б. П. Вышеславцев), ставшие не нужными и опасными для новой власти талантливые русские ученые и мыслители пытались уберечь от исчезновения ту культуру, которую они сами собой и олицетворяли, – культуру постижения фундаментальных вопросов бытия, места в мире не только русского человека, а человека вообще, предстояния его, маленького и тварного, перед всемогущим Богом. При такого рода вопрошании в западной традиции философствования в то время даже существование самого Бога зачастую ставилось под вопрос. Русские же мыслители встали на защиту такого понимания Бога, которое сохраняло его главенствующее значение и судьбоносный смысл. Без вдумчивого анализа напряженных и обостренных внешним социальным неустойчивым философских и художественных поисков русской интеллигенции за гранью того времени невозможно осознать их величие и глубину, равно как и сам феномен русской культуры за рубежом.

Статья С. Н. Астапова (Ростов-на-Дону) «Критика «бартианства» в религиозной антропологии Б. П. Вышеславцева» очень хорошо смогла передать дух этих жизненно значимых поисков, предложив раскрытие темы, не являвшейся до настоящего времени предметом отдельного анализа, – теологические взгляды русского мыслителя в годы эмиграции в связи с его критикой взглядов швейцарского теолога-кальвиниста К. Барта. Напомним, что в текущем году Б. П. Вышеславцеву исполнилось бы 145 лет.

Русское наследие за рубежом включает огромные пласты культурного достояния в странах, ставших после распада СССР в начале 1990-х гг. независимыми государствами. В этом свете летопись научно-академической жизни кафедры русского языкознания Национального университета Узбекистана, представленная в статье старшего преподавателя этой кафедры Н. Г. Рогозинниковой (Ташкент) и ее бывшей коллеги, ныне ведущего научного сотрудника Южного филиала Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева Е. Ю. Третьяковой (Краснодар) «Русское языкознание в Национальном университете Узбекистана», имеет большую культурологическую и научно-историческую значимость. Авторы подробно описали плодотворную научную и академическую жизнь преподавателей и исследователей русского и славянских языков в Узбекистане советского и постсоветского периодов. Статья изобилует многочисленными фактами, свидетельствующими о жизненном пути ученых, так или иначе связанных с этой кафедрой. Достоинством работы является внимание исследователей к судьбам значительного количества ученых и преподавателей, детальное прослеживание их биографических линий в других научных и академических структурах, причем не только связанных с Узбекистаном. Большая часть информации получена на основе изучения архива кафедры, личных бесед с ее работниками и выпускниками вуза, что означает введение в научный оборот множества значимых для истории науки фактов.

Редактор специальной рубрики А. А. Гузалов

АСТАПОВ Сергей Николаевич

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии религии и религиоведения
Института философии и социально-политических наук
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Sergey N. ASTAPOV

Dr. Sci. (Philosophy of Religion and Religious Studies), Assoc. Prof.,
Institute of Philosophy and Social and Political Studies,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation,
snastapov@sfedu.ru

УДК: [141.319.8+27]-051.74(470+571)
ГРНТИ: 02.71.00
ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.001

**Критика «бартианства»
в религиозной антропологии
Б.П. Вышеславцева**

**Criticism of “Barthianism”
in Boris Vysheslavtsev’s
Religious Anthropology**

В статье проанализирован сотериологический аспект религиозной антропологии Б. П. Вышеславцева, одного из представителей философии «русского зарубежья». Наиболее ярко этот аспект выступает в его критике диалектической теологии К. Барта, которой посвящены две статьи русского философа: «Образ Божий в грехопадении» и «Образ Божий в существе человека». Реконструирована логическая структура критики бартианства, оценена аргументация Б. П. Вышеславцева. Отдельно исследована антиномическая диалектика русского философа, ярко представленная в изученных статьях. Установлено, что критика бартианства Б. П. Вышеславцевым представляет собой пример межконфессиональной дискуссии между православной и протестантской позициями о тотальности греха. Автор заключает, что, несмотря на аргументацию, основанную на учении отцов Церкви, антропология Б. П. Вышеславцева выходит за догматические границы ортодоксального богословия.

Ключевые слова: К. Барт, Б. П. Вышеславцев, антиномия, вера, грех, благодать, диалектическая теология, личность, религиозная антропология, свобода.

Наступивший 2022 год отмечен не только столетием высылки из Советской России блестящей плеяды философов, но и 145-летием одного из представителей этой плеяды – Бориса Петровича Вышеславцева (1877–1954). Примечательно, что расцвет его твор-

чества пришелся именно на годы эмиграции. Высланный из России в 1922 г. в числе интеллектуалов, оказавшихся негодными советской власти, он стал преподавать в Религиозно-философской академии, основанной русскими эмигрантами в Берлине. Затем вместе

с академией переехал в Париж, работал других городах Европы, где образовались многочисленные русские общины. Здесь, в Германии и вообще в Европе, Б. П. Вышеславцев не чувствовал себя человеком, заброшенным на чужбину. В молодости он учился в Марбурге: посещал семинары П. Наторпа и Г. Когена, дружил с Н. Гартманом, изучал философию Канта и Фихте. Оказавшись в Германии вновь в 1920-е гг., он, размышлявший над проблемами современного религиозного сознания, с глубоким интересом знакомился с новыми книгами по философии религии и богословию. Разумеется, вне его внимания не могла остаться свежееизданная книга швейцарского теолога Карла Барта «Послание к Римлянам» (первое издание – 1919 г., второе, наиболее радикальное, – 1922 [1]), взорвавшая в те годы не только протестантскую теологию, но и всю европейскую религиозную мысль.

Эта книга была не столько богословским комментарием к одному из библейских текстов, сколько манифестом возврата к идеям Реформации и раннего протестантизма – напоминанием о *sola fide*¹ и *sola gratia*². К. Барт заявил, что Царство Божие – это не итог исторического процесса или нравственного совершенствования, оно конец всех человеческих царств, кризис, Божий суд над человечеством и каждым человеком в отдельности, на котором нет ни адвокатов, ни возможности привести доводы в свою защиту.

Несмотря на то, что бартовское «Послание к Римлянам» вышло в свет в то время, когда переживание кризиса было очевидным, у автора нашлось много оппонентов. Но если западные мыслители критиковали Барта за антиисторизм, за отделение христианства от культуры (А. Гарнак), за апофатическое понимание Откровения (К. Ясперс), за богословский эксклюзивизм, препятствующий пониманию проблемы современного мира (А. Юлихер), то критика Б. П. Вышеславцева была, на первый взгляд, направлена на бартианскую методологию, но в глубине своей – на лютеранско-кальвинистскую антропологию и сотериологию.

¹ Только верой (лат.).

² Только благодатью (лат.).

Критике «бартианства», то есть идей К. Барта и его последователей, Б. П. Вышеславцев посвятил статью «Образ Божий в грехопадении» (1938), хотя и в более ранних его работах: «Этика преображенного Эроса» (1931) и «Образ Божий в существе человека» (1935) можно увидеть обращение к идеям швейцарского теолога. Б. П. Вышеславцев нигде не анализирует его тексты так, как это принято в академической среде: с цитатами и ссылками. Единственная ссылка на «Послание к Римлянам» К. Барта содержится в «Этике преображенного Эроса» в одном из примечаний [6, с. 37]. Две другие названные статьи не содержат даже указания на этот источник. Они были опубликованы в известном эмигрантском журнале «Путь», одним из редакторов которого (наряду с Н. А. Бердяевым и Г. Г. Кульманом) являлся Б. П. Вышеславцев. Рассматриваемые работы написаны, скорее, в публицистическом стиле, чем в строго научном, что, однако, не делает их легковесными – прозрачность языка и отсутствие сложных для понимания смысловых конструкций являются характерными чертами авторского почерка мыслителя.

В. В. Зеньковский отнес Б. П. Вышеславцева к числу виднейших представителей религиозной и философской мысли, изгнанных из России [9, с. 690]. Однако его творческое наследие не столь обширно, как других философов из этого числа: С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. Л. Франка, Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского. Поэтому оно хорошо изучено в современной российской философской мысли и актуализировано исследованиями по философской антропологии [2] [7] [11] [16], этике [10] [14], философии права [8] [12] [15]. В отношении же теологических вопросов нельзя сказать, что они проанализированы детально, хотя и рассматриваются в контексте указанных тем. Объяснение этой ситуации имеется. Во-первых, Б. П. Вышеславцев не считал себя богословом и не утверждал, что *решает* какие-либо связанные с этой тематикой проблемы. Во-вторых, православные теологи признают некоторые выводы мыслителя ошибочными [3], а потому особого интереса к его творчеству не проявляют.

Предлагаемое исследование указанных статей Б. П. Вышеславцева имеет целью вы-

явление корректных способов межконфессиональной полемики. Работы мыслителя были опубликованы в русскоязычном журнале и ориентированы на православных читателей, каковыми, в основном, и были русские эмигранты. Поскольку жизнь на чужбине – это не только жизнь в другой социокультурной среде, предполагающая инкультурацию эмигрантов, но и в условиях иноконфессионального окружения, когда особо важными становятся толерантность к конфессиям страны проживания и в то же время резистентность к их религиозным идеологиям. Думается, что такое рассмотрение, с одной стороны, позволит шире раскрыть идейное богатство учения русского философа, а с другой – внести вклад в объемное представление о богословских позициях всей русской эмиграции. В этом ракурсе определение православной позиции Б. П. Вышеславцева в отношении протестантского «бартианства» приобретает статус межкультурного диалога европейской и русской цивилизаций. Новизна данной статьи заключается в целенаправленном внимании к этой малоизученной стороне творчества русского философа. Исследование проводилось с опорой на аналитический, синтетический, историко-философский, биографический и герменевтический методы.

Прежде чем рассмотреть критику Б. П. Вышеславцевым бартианских идей, следует обратиться к текстам самого швейцарского теолога, чтобы увидеть предмет критики. Комментируя стихи 16–17 первой главы Послания апостола Павла к римлянам, К. Барт делает радикальные заявления о человеке: «Человек – свой собственный господин. Его единство с Богом разорвано таким образом, что восстановление невысказано. Его творность – это его узы. Его грех – это его вина. Его смерть – это его судьба. Его мир представляет собой бесформенный, беспорядочно волнующийся хаос естественных, душевных и иных сил. Его жизнь – всего лишь видимость» [1, с. 11]. И о Боге: «Он утверждает себя самого, отрицая нас и мир такими, каковы мы и мир есть. Он сам себя открывает в качестве Бога по другую сторону нашего отпадения, по другую сторону времени, вещей и людей, открывается как Спаситель пленных и поэтому как

Смысл всего существующего, как Творец. Он говорит о своей ответственности за нас, создавая и сохраняя дистанцию между собой и нами. Он милует нас, заставляя нас преодолеть кризис и предавая нас суду» [1, с. 14].

Итак, для К. Барта как последователя богословия Ж. Кальвина человек – существо, бессильное обрести спасение от смерти, страданий и зла по причине своей греховности. Созданный по образу и подобию Бога человек утратил не только эти образ и подобие, но и способность найти Бога. Он для человека – это неизвестность, сокрытость, он *Deus absconditus*³, Совершенно Иной, как о нем писали Николай Кузанский в XV в. и Рудольф Отто в XX в. Теология, стремящаяся объяснить бытие Бога, его взаимоотношения с людьми, указать путь к Нему, описать опыт богообщения и т.п. – это теология не о Боге. У человека нет ни своего пути к Богу, ни способа общаться с Ним. И то, и другое есть только у самого Бога, и Он открывает их избранным своим. Задача человека – верить в то, что Бог не только судит, но и оправдывает, не только наказывает, но и спасает. В этом и состоит *sola fide* апостола Павла, Лютера и Кальвина. Сама вера является даром Божьей благодати Его избранным – это выражает принцип *sola gratia*.

Учение К. Барта получило название диалектической теологии. Диалектика мыслится здесь как единство противоположных суждений, как противоречивое выражение всего того, что высказывается о Боге. В работах швейцарского теолога Бог отрицает наш мир – мир греха и смерти – и преобразует его для спасения, судит его и оправдывает как свое творение, Бог трансцендентен этому миру и являет себя ему в Иисусе Христе. Вместе с тем, существует и более узкое понимание диалектической теологии К. Барта – в отношении откровения Бога: «Более конкретно, определение “диалектическая” указывает на то, что Откровение имеет диалектическую структуру, поскольку соединяет взаимоисключающие элементы: Бога и человека, вечность и время, откровение и историю. И потому богословские утверждения также формулируются в диалектических терминах: они

³ Сокрытый Бог (лат.).

утверждают и отрицают, выражаются в форме *да* и *нет*, корректируют *да* посредством *нет* и *нет* посредством *да*» [13, с. 17].

Но Б. П. Вышеславцеву эта теология представляется недиалектичной. А поскольку он считает единственно правильным способом высказываться о Боге и религии только антиномично, недиалектичная диалектическая теология К. Барта, по его мнению, не может дать истинное знание: «Всякая теология, односторонне утверждающая тезис или антитезис, не понимает того, что предельные понятия или таинственные глубины – всегда диалектичны. В отношении к образу и подобию “диалектическая” теология Барта особенно недиалектична: она просто утверждает тезис тварности и греховности человека и отрицает антитезис» [5, с. 66–67]. Здесь речь идет об образе Бога в человеке, присутствие которого Б. П. Вышеславцев выражает антиномией «человек тварен и нетварен»: «Великие отцы церкви ее отчетливо сознают: человек “вместе небесный и земной, изумительное творение – созданный бог”. “Человек есть тварь, но имеет повеление стать богом” (Гр. Богослов. Василий Великий). “Тварный бог” есть, конечно, совершенная антиномия» [5, с. 66].

Следует отметить, что отцы Церкви в таком виде – «человек тварен и нетварен» – о природе человека не высказывались. Так же как и не считали они, что обожение есть преодоление тварности, о чем заявляет Б. П. Вышеславцев: «Преодоление тварности, обожение есть основная идея христианства» [5, с. 68]. Такая «радикализация» святоотеческой мысли, даже в пылу полемики, для богословия неприемлема. Но, как уже было отмечено, русский мыслитель не считал себя богословом, а потому не видел необходимости вести свои рассуждения в строгих границах догматической мысли. К тому же в анализируемом тексте сразу после таких заявлений следует богословски вполне корректная мысль: «Одним словом: в человеке существует потенция совершенства, потенция обожения, потенция Богосыновства. И эта потенция благодатна и нетварна и божественна. И в ней-то именно лежит разрешение антиномии тварности». А затем опять идет богословски сомнительное: «Ибо тварность антиномична и только потому должна

быть преодолена в обожении» [5, с. 68]. Одно дело – потенция совершенства и обожения, другое – актуальное противоречие между тварным и нетварным. Одно дело – актуализация этой потенции, другое – разрешение противоречия через уничтожение тварности. Согласно православному богословию, человек обоживается в сущности своей оставаясь тварью, то есть его тварная сущность преобразуется; согласно же Б. П. Вышеславцеву, тварность преодолевается, из чего можно заключить, что сущность человека станет иной. Однако сам философ не делает такого заключения, он тоже пишет о преобразении человека, и главное его сочинение носит название «Этика преобразенного Эроса».

Б. П. Вышеславцев видит антиномию тварности и нетварности в самой природе человека и заявляет о том, что такая позиция находится в русле русской религиозной философии, ссылаясь на В. И. Несмелова, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова [5, с. 67]. Названные мыслители далеко не одинаково решали данный вопрос. Возможно, Б. П. Вышеславцев таким образом демонстрирует разные, не исключающие, а дополняющие друг друга аспекты понимания природы человека, причем сам он тоже предлагает один из них.

Русский мыслитель свою антропологию в целом строит на противоречиях, точнее антиномиях. Он не дает определения этого понятия, не разъясняет его природу, но логика рассуждений философа позволяет утверждать, что антиномия – это объективное противоречие, которое фиксируется в процессе познания, но логически не разрешимо; его разрешение происходит не в сфере познания и даже не в сфере рациональной деятельности, а в сфере сверхрационального бытия, к которому человек причастен постольку, поскольку является образом Бога.

В разных работах Б. П. Вышеславцев формулирует разные антиномии: рациональности и иррациональности человеческих поступков, долженствования и свободы, организации (системности) и бесконечности личности, служебности власти и ее господства и др. Особенную сферу антиномического выражения представляют, по его мнению, отношения человека с Богом. В сфере этих отношений

главной антиномией он называет противоречие между трансцендентностью Божества и его присутствием в мире. Производными от нее оказываются невидимость и зримость Бога, его неизобразимость и изобразимость, неименуемость и именуемость, а также тварность и нетварность человека, утрата и сохранение им в результате грехопадения образа Бога. Критика бартианства связана в основном с последней антиномией.

Указывая на учения Григория Нисского и Иоанна Дамаскина, Б. П. Вышеславцев отмечает важное для христианской сотериологии различие в природе человека между образом (*eikōn, imago*) и подобием (*omoiōsis, similitudo*) Бога: если подобие Богу человек утратил в результате грехопадения, то образ сохранил. Этой доктрине следуют православие и католицизм. Согласно же протестантской «Формуле согласия», человек до грехопадения – *imago Dei seu iustitia originalis*⁴. В грехопадении праведность была потеряна, весь человек оказался испорченным грехом и весь образ Божий в нем уничтожился: «Сознание греховности составляет основное переживание и пафос протестантского человека. Если “мир весь во зле лежит”, то и человек всецело лежит в грехе. Он насквозь грешен. Нельзя сказать, что он отчасти грешен, отчасти безгрешен. В грехопадении не сохраняется никакой светлой искры в душе» [4, с. 29].

Б. П. Вышеславцев положительно оценивает бартовский пафос «бездны греха» и ставит в заслугу его теологии то, что она «принципиально выясняет значение греха в антропологии»: «Если существуют “разбойники” и грешники, в которых в последнюю минуту на кресте может вспыхнуть и воссиять образ Божий, то существуют и такие “разбойники”, которые до конца остаются насквозь разбойниками и преступниками; которые потеряли не только образ Божий, но как бы и образ человеческий, которые даже совсем не обладают сознанием греха и пребывают, если не в спокойствии совести, то поистине в спокойствии бессовестности, в некоторой “демонической эвдемонии”. <...> Антиномия здесь выступа-

ет ясно: это люди, которые уже не суть люди; это души, который лишены души» [4, с. 30]. Но, по мнению русского мыслителя, это только тезис «антиномии греха». Ему противостоит не менее сильный антитезис: «образ и подобие Божие никогда не могут исчезнуть, даже и в величайшем грехе» [4, с. 30].

В пользу антитезиса у Б. П. Вышеславцева есть два довода. Первый состоит в том, что грех предполагает «онтологическое богоподобие» человека: только свободное и разумное существо может грешить, только личность, а значит, даже самый отъявленный грешник сохраняет качества богоподобия: личностное начало, свободу и разум. Точнее говоря, это те качества, которые составляют образ Бога, поэтому очень важна святоотеческая диалектика образа и подобия, недоступная протестантскому сознанию. Второй довод сам выражается антиномией – «потерянное в сущности всегда присутствует» [4, с. 31]. Следовательно, утрата не означает уничтожения, хотя кажется таковым. Об утраченном остаются воспоминания и сожаление утраты, а значит, остается образ утраченного. Б. П. Вышеславцев так пишет об этом: «Грех есть трещина, человек как бы разбит грехом (*gebrochener Mensch*), но он никогда не разбит настолько, чтобы не быть в состоянии в каждом осколке своего существа узнать и угадать прообраз цельности и “целомудрия”. В этом и состоит трагизм и противоречие греха: образ потерянного рая, потерянного богоподобия присутствует и мучит непрерывно» [4, с. 31]. По мысли философа, образ Бога в человеке, в зависимости от глубины греховности, выражается либо в форме отчетливого сознания своей греховности, либо в форме бессознательной вины, либо в форме сатанинского «духа противоречия», но и в нем сохраняется отображение праведности как того, чему этот дух противоречит.

Из приведенных рассуждений не следует, что, обратив внимание на святоотеческое различение образа и подобия, Б. П. Вышеславцев логически решает построенную им «антиномию греха». Он, наоборот, указывает, что решение антиномии при помощи различных значений образа и подобия было бы слишком легким и упрощенным, а такое решение «всегда подозрительно, ибо оно показывает, что настоящей

⁴ Образ Божий, или первичная праведность (лат.).

антиномии в сущности и не было» [4, с. 35]. Как уже отмечалось выше, Б. П. Вышеславцев видит решение антиномий не логическим путем, «диалектическим фокусом», а экзистенциальным: логически мы можем лишь фиксировать перетекание одной антиномии в другую: антиномия тварности перетекает в антиномию богоподобия, антиномия богоподобия – в антиномию греха, антиномия греха – в антиномию «данного» и «заданного» в человеке. И все эти антиномии есть грани главной антиномии: конечного и абсолютного в человеке.

Экзистенциальный путь – это путь достижения совершенства в уподоблении Богу. Такое совершенство, как отмечает мыслитель, ссылаясь на Оригена, может быть достигнуто только самим человеком посредством собственного усилия в подражании Богу. Здесь мысль Б. П. Вышеславцева вступает в полемику с протестантским принципом *sola gratia*, так как последний противоречит православному учению о синергии – сотрудничестве человека с Богом в деле своего спасения. Бартианский и в целом протестантский тезис о бессилии человека в этом аспекте русский философ объясняет отождествлением в протестантской мысли *imago Dei* и *justitia originalis*. Для Б. П. Вышеславцева это две стороны антиномии «образ и подобие» [4, с. 37] или две грани одной богочеловеческой антиномии «онтологический и этический» [4, с. 28], но не тождество, сводящее онтологически данный образ Бога в сущности человека к этически заданной праведности.

Однако нельзя сказать, что Б. П. Вышеславцев уверен в продуктивности усилий человека в преодолении греха. Он не отрицает ведущее значение божественной благодати: «...Человек не может преодолеть реальных противоречий, не уподобляясь совершенству божественной личности и не получая высшую

силу от божественной самости, от Пантократора, как благодать и искупление» [4, с. 40]. В ряде работ русский мыслитель подчеркивает трагизм человеческого бытия, состоящий в отталкивании человеком себя от Бога и поисках Его, стремлении к добру, но бессилии осуществить его в поступке, конфликтах «между телом и душой, между сознательным и бессознательным, между одержимостями души и ее здоровым содержанием» [4, с. 40]. В этом моменте теология К. Барта, с точки зрения Б. П. Вышеславцева, намного полезнее для христианского сознания, чем все те объяснения взаимоотношений человека и Бога, предлагаемые в философии и либеральной теологии, которые стремятся «найти упокоение в легком, но иллюзорном логическом выходе из этого безвыходного трагизма» [4, с. 32].

Таким образом, теология К. Барта послужила для Б. П. Вышеславцева достойным поводом еще раз выразить свое антиномичное учение о человеке, в этом случае для решения сугубо теологических, более конкретно – сотериологических, проблем. Несмотря на то, что ряд своих аргументов Б. П. Вышеславцев основывает на учении отцов Церкви, движение его философской мысли переходит догматические границы ортодоксального богословия. Но это не препятствует читателю его сочинений видеть, что русский автор осуществляет критику бартианства как конфессиональной мысли с позиций другой, православной, конфессии. Эта критика являет собой показательный пример межконфессионального диалога по ключевым богословским проблемам без каких-либо обвинений в ереси, точнее говоря, пример позиции в диалоге, где объектом критики выступают идеи, а не вероучительные принципы, религиозные чувства или символы, несмотря на то, что эти идеи логически вытекают из основ вероучения.

Sergey N. ASTAPOV

Dr. Sci. (Philosophy of Religion and Religious Studies), Assoc. Prof.,
Institute of Philosophy and Social and Political Studies,
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation,
snastapov@sfnu.ru

Criticism of “Barthianism” in Boris Vysheslavtsev’s Religious Anthropology

Abstract. The article examines the soteriological aspect of the religious anthropology of Boris Vysheslavtsev, who was one of the most prominent representatives of religious and philosophical thought expelled from Soviet Russia in 1922. Vysheslavtsev most clearly expressed this aspect in his two articles, “The Image of God in the Fall” and “The Image of God in the Being of Man”, that criticized Karl Barth’s dialectical theology. The study was based on analytical, synthetic, historical philosophical, biographical, and hermeneutic methods. The author reconstructs the logical structure of Vysheslavtsev’s criticism of Barthianism and evaluates his argumentation. The author emphasizes that Vysheslavtsev considers Barthian theology a non-dialectical doctrine, since he sees the assertion of the thesis of the created nature and sinfulness of man and the negation of the antithesis in the theology. Vysheslavtsev positively assesses Barth’s pathos about the “chasm of the sin” and credits his theology with the fact that it fundamentally clarifies the meaning of the sin for anthropology. However, according to Vysheslavtsev, it is only the thesis of the “antinomy of the sin” opposed by an equally strong antithesis: “the image and likeness of God can never disappear, even in the greatest sin”. Vysheslavtsev gives two arguments for the antithesis: (1) even the most impenitent sinner retains the qualities of God-likeness (personality, freedom and reason); (2) a person retains the image of the lost God-likeness in the form of a clear awareness of one’s sinfulness, or unconscious guilt, or the satanic “spirit of contradiction” that preserves the image of righteousness, which is what this spirit contradicts. The author notes that Barth’s theology has served a worthy reason for Vysheslavtsev to express again his antinomic teaching about man, to solve purely theological problems in this case. Despite the fact that Vysheslavtsev bases his several arguments on the Church Fathers doctrine, his philosophical thought crosses the dogmatic boundaries of the Orthodox theology. However, this does not prevent Vysheslavtsev’s criticism of Barthianism as a confessional thought from the positions of another, the Orthodox, doctrine. The author concludes that this criticism is a very good example of an interconfessional dialogue on key theological issues without any accusations of heresy; more precisely, it is an example of a position in the dialogue when the subject of criticism is ideas, not doctrinal principles, religious feelings or symbols – although ideas logically stem from the foundations of the religious doctrine.

Keywords: Karl Barth, Boris Vysheslavtsev, antinomy, faith, sin, grace, dialectical theology, personality, religious anthropology, freedom.

Использованная литература:

1. Барт К. Послание к Римлянам / пер. с нем. В. Хулапа. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005.
2. Виноградова И.Б. Богочеловеческая проблема в философии Б.П. Вышеславцева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 2 (6). С. 75-80.
3. Вышеславцев // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/161127.html> (дата обращения: 10.04.2022).
4. Вышеславцев Б. П. Образ Божий в грехопадении // Путь. 1938. №55. С. 24-40.
5. Вышеславцев Б. П. Образ Божий в существе человека // Путь. 1935. №49. С. 48-72.
6. Вышеславцев Б. П. Этика преображённого Эроса. М.: Республика, 1994.
7. Гаврюшин Н. К. Б. П. Вышеславцев и его «философия сердца» // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 55-62.
8. Герасименко А. П. Б. П. Вышеславцев о религиозных корнях права // Религиоведение. 2020. № 1. С. 101-113.

References:

1. Barth, K. (2005) *Poslanie k Rimlyanam* [The Epistle to the Romans]. Translated from German by V. Khulap. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyana.
2. Vinogradova, I.B. (2008) *Bogochelovecheskaya problema v filosofii B.P. Vysheslavtseva* [The God-Human Problem in B.P. Vysheslavtsev’s Philosophy]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 2 (6). pp. 75–80.
3. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. (2022) *Vysheslavtsev*. [Online] Available from: <https://www.pravenc.ru/text/161127.html> (Accessed: 10.04.2022).
4. Vysheslavtsev, B.P. (1938) *Obraz Bozhii v grekhopadenii* [The Image of God in the Fall]. *Put’*. 55. pp. 24–40.
5. Vysheslavtsev, B.P. (1935) *Obraz Bozhii v sushchestve cheloveka* [The Image of God in the Essence of a Human Being]. *Put’*. 49. pp. 48–72.
6. Vysheslavtsev, B.P. (1994) *Etika preobrazhennoy Erosa* [The Ethics of the Transformed Eros]. Moscow: Respublika.
7. Gavryushin, N.K. (1990) *B.P. Vysheslavtsev i ego “filosofiya serdtsa”* [B.P. Vysheslavtsev and His “Philosophy of

9. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001.
10. Канунов А. Е. О понятии «хаос» в русской экзистенциально-персоналистической этике: Б.П. Вышеславцев и Л. Шестов // Вече. 2019. № 31. С. 244-252.
11. Кондратьев В. Ю. Б. П. Вышеславцев И Л.С. Выготский: два взгляда на психоанализ З. Фрейда // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 108-116.
12. Куляскина И. Ю. Антитеза закона и благодати. христианский взгляд на право как на регулятивную систему (на материале философского наследия Б. П. Вышеславцева и С. Л. Франка) // Религиоведение. 2020. № 4. С. 129-136.
13. Реати Ф. Э. Бог в XX веке: человек – путь к пониманию Бога. (Западное богословие XX века) / пер с ит. Ю.А. Ромашева. СПб.: Европейский Дом, 2002.
14. Самойлов Д. В. Б. П. Вышеславцев и И. Кант: благодатная сублимация против нормативной этики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5-1 (19). С. 153-159.
15. Симачева И. Ю. Проблема новой теодицеи на страницах журнала «Путь» (Н. А. Бердяев, Б. В. Вышеславцев) // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 70-72.
16. Столярова Е. А. О некоторых аспектах проблемы свободы воли в русской философии: Б. Вышеславцев и Н. Лосский // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 10 (132). С. 83-87.
- the Heart”]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 55–62.
8. Gerasimenko, A.P. (2020) B.P. Vysheslavtzeff on Religious Roots of Law. *Religiovedenie*. 1. pp. 101–113. (In Russian).
9. Zen'kovskiy, V.V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Raritet.
10. Kanunov, A.E. (2019) On the Concept of “Chaos” in Russian Existential-Personalistic Ethics: B.P. Vysheslavtsev and L. Shestov. *Veche*. 31. pp. 244–252. (In Russian).
11. Kondrat'ev, V.Yu. (2012) B.P. Vysheslavtsev i L.S. Vygotskiy: dva vzglyada na psikhoanaliz Z. Freyda [B.P. Vysheslavtsev and L.S. Vygotsky: Two Views on Freud's Psychoanalysis]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 108–116.
12. Kulyaskina, I.Yu. (2020) The Antithesis of Law and Grace. Christian View of Law as a Regulatory System (Based on the Philosophical Heritage of B.P. Vysheslavtsev and S.L. Frank). *Religiovedenie*. 4. pp. 129–136. (In Russian).
13. Reati, F.E. (2002) *Bog v XX veke: chelovek – put' k ponimaniyu Boga*. (*Zapadnoe bogoslovie XX veka*) [God in the 20th Century: Man Is the Path to Understanding God. (Western Theology of the Twentieth Century)]. Translated from Italian by Yu.A. Romashev. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.
14. Samoylov, D.V. (2012) B.P. Vysheslavtsev i I. Kant: blagodatnaya sublimatsiya protiv normativnoy etiki [B.P. Vysheslavtsev and I. Kant: Blessed Sublimation Against Normative Ethics]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5-1 (19). pp. 153–159.
15. Simacheva, I.Yu. (2012) The Problem of New Theodicy in the Magazine Put' Pages (N.N. Berdyaev, B.V. Vysheslavtsev). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: Filologiya. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 70–72.
16. Stolyarova, E.A. (2014) On Some Aspects of the Problem of Freedom of Will in Russian Philosophy: B. Vysheslavtsev and N. Lossky. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie – RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*. 10 (132). pp. 83–87. (In

Полная библиографическая ссылка на статью:

Астапов, С. Н. Критика «бартианства» в религиозной антропологии Б.П. Вышеславцева / С. Н. Астапов // Наследие веков. – 2022. – № 2. – С.15-23. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.001

Full bibliographic reference to the article:

Astapov, S.N. (2022) Criticism of “Barthianism” in Boris Vysheslavtsev’s Religious Anthropology. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 15-23. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.001

РОГОЗИННИКОВА Нина Германовна

старший преподаватель кафедры русского языкознания
Национального университета Узбекистана,
Ташкент, Республика Узбекистан

Nina G. ROGOZINNIKOVA

National University of Uzbekistan,
Tashkent, Republic of Uzbekistan,

nina.rogozinnikova@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник

отдела комплексных проблем изучения культуры
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

Elena Yu. TRET'YAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Russian Research Institute

for Cultural and Natural Heritage, Southern Branch,
Krasnodar, Russian Federation,

drevo_rechi@mail.ru

УДК: [811.16:378.096]:93/94(575.1)

ГРНТИ: 12.09.09

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.002

**Русское языкознание
в Национальном университете
Узбекистана:
история, традиции, наследие**

**Russian Linguistics
at the National University
of Uzbekistan:
History, Traditions, Heritage**

Исследование призвано комплексно оценить вклад в лингвистику и методику преподавания русского языка, который внес научно-педагогический коллектив кафедры русского языкознания Национального университета Узбекистана (САГУ, ТашГУ, НУУз) за 80 лет ее истории (с 1942 г.). Источниками при этом явились данные архива НУУз, документы Кабинета славяноведения при кафедре русского языкознания, записи бесед с сотрудниками и выпускниками филологического факультета, сведения о биографиях ученых и педагогов – уроженцев различных регионов России, посвятивших себя делу сохранения русского языка в инокультурной среде. Дана оценка наиболее значимых достижений сотрудников, способствовавших развитию веду-

щих отраслей языкознания второй половины XX в., созданию известных в 1970–80-х гг. научных школ. Сделан вывод о перспективности выработанных на кафедре академических традиций применительно к новым задачам и современным условиям научной, образовательной, просветительской деятельности в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: Туркестанский народный университет, Ташкентский государственный университет, Национальный университет Узбекистана, кафедра русского языкознания, историческая русистика, синхроническое языкознание, славяноведение, сравнительное языкознание, преподавание русского языка в инокультурной среде, Русский культурный центр Узбекистана.

При наличии научно-популярных книг о ташкентской интеллигенции [6] [29], работ о ранних этапах становления Ташкентского государственного университета (ТашГУ) [32] [33] и изданной в 1990 г. монографии о ТашГУ [30] кажется парадоксальным отсутствие работ по истории кафедральных научно-педагогических коллективов главного высшего учебного заведения республики – Национального университета Узбекистана имени М. Улугбека (НУУз), носившего в разные периоды названия Среднеазиатский государственный университет (САГУ), Ташкентский государственный университет (ТашГУ).

Становление традиций преподавания русского языка и русского языкознания в Национальном университете Узбекистана – тема малоизученная. Однако эти традиции более века вбирали и концентрировали языковые процессы, неразрывно сопутствовавшие цивилизационному выбору на путях культурного развития всего Среднеазиатского региона. Чтобы понять и описать многогранное содержание этих процессов, важно помнить об их участниках и подвижниках. Цель нашей статьи – комплексно, на основе историко-описательного, культурно-сопоставительного, социологического, биографического методов представить историю одного из структурных подразделений, выявить вклад в русскую лингвистику научно-педагогического коллектива кафедры русского языкознания НУУз, которая отмечает в 2022 г. свое 80-летие. Статья подготовлена с опорой на материалы из архива университета, Кабинета славяноведения при кафедре русского языкознания, а также сведений устной истории (круг респондентов

составили сотрудники и выпускники филологического факультета ТашГУ разных десятилетий, начиная с 1960-х гг.).

Проследив наиболее динамично и плодотворно развивавшиеся направления исследований, мы дополним картину портретами ярких личностей, привлекая сведения о биографии, научном творчестве, педагогической и просветительской деятельности сотрудников кафедры. Уроженцы различных регионов России, они немало сделали для изучения русского языка, беззаветно служили развитию русскоязычного научного и просветительского пространства, упрочению его позиций в инокультурной среде, способствовали созданию особого анклава русской культуры, который до сих пор служит тесному межкультурному взаимодействию между народами России и Узбекистана. Заявленная нами тема важна для более полного освещения этапов развития республиканской науки, ее международных связей.

Целостная оценка результатов работы педагогического коллектива кафедры русского языкознания в контексте развития различных отраслей лингвистической науки весьма своевременна в связи с актуализацией сферы прикладных задач, решаемых в рамках недавних правительственных постановлений, в том числе и принятого Кабинетом министров Республики Узбекистан постановления (№ 34 от 19.01.2022) о надбавке 50% к зарплате преподавателей русского языка в национальных классах школ [43]. Это свидетельствует о стремлении высшего руководства Узбекистана сохранить место русской культуры и языка, активно преумножать ее вклад

в современное развитие республиканского и мирового общественного пространства, повысить качество обучения русскому языку как языку межнационального общения. В настоящий момент предусмотрено освоение этого предмета в программе младших классов национальной школы (2 ч. в неделю), средних классов (4 ч. в неделю). Изучается русский язык и в составе общеобразовательного цикла дисциплин средних и высших учебных заведений.

Распространение русского языка в Туркестане активно шло уже во второй половине XIX столетия. Именно тогда по инициативе прогрессивных представителей русской и местной интеллигенции начали создаваться первые учебники, словари и разговорники для коренных жителей края. В рамках деятельности Ташкентского отделения Общества востоковедов организовывались бесплатные языковые курсы для взрослых. Изучение русского языка поощряли не только работники органов администрации, за это ратовали предприниматели и купцы, в силу своей деятельности желавшие как можно свободнее овладеть им. В этом смысле показателен состав слушателей курсов русского языка 1902–1907 гг.: половина из них были торговцами, остальную часть составляли учащиеся медресе, ремесленники, служащие. Ташкентский купец Саид-Азим-бай Махаммадбаев писал: «Только язык, письменность и школа отделяют русских от туземцев, так как и русские и сарты живут рядом, ведут торговлю и поддерживают дружбу между собой» (Цит. по: [25, с. 14]).

На этой волне возникли начальные школы-интернаты, где обучали детей местных жителей – в том числе и русскому языку наряду с другими образовательными дисциплинами. Имелся опыт создания русских начальных училищ, которые были призваны «направить усилия к возможно более совершенному усвоению туземцами русской речи и достижению наибольшего навыка в употреблении обыденного разговорного языка» [7, с. 15]. Естественно, процесс имел свои сложности, однако о популярности изучения русского языка говорило открытие не только мужских, но и женских училищ (одно из пер-

вых появилось в Самарканде, как чуть позже и женская русскоязычная гимназия).

С ростом числа образованных людей (выпускников гимназий в Ташкенте и Самарканде, Ташкентского реального училища, учительской семинарии в Ташкенте и других средних учебных заведений) закономерно назрела необходимость в открытии университета, который бы отвечал самым передовым требованиям времени. Усилиями общественности и администрации края необходимые для этого документы были собраны к 1914 г. Первая мировая война отодвинула реализацию начинания на три года, решение об открытии высшего учебного заведения в Ташкенте было принято III Краевым съездом Советов Туркестана, проходившим в Ташкенте 15–22 ноября 1917 г. СНК Туркестанского края 9 марта 1918 г. постановил организовать народный университет, 16 марта последовал соответствующий приказ Совнаркома. Началась запись желающих учиться в университете, был определен состав педагогического персонала, и 21 апреля 1918 г. состоялось торжественное открытие Туркестанского народного университета. День, когда в старогородской части Ташкента открылась его мусульманская секция, 12 мая, согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 28 января 2000 г., признан датой основания Национального университета Узбекистана (НУУз), являющегося прямым преемником Туркестанского народного университета.

Туркестанский государственный университет был организован в 1920 г. декретом СНК РСФСР на базе Народного университета и с помощью коллектива ученых, приехавших из России. Специальный эшелон доставил в Ташкент группу преподавателей, в том числе и для историко-филологического факультета, готовившего гуманитарные кадры. Тогда на факультете имелось два отделения: словесное и историческое. При реорганизации университета в конце 1921 г. словесное отделение стало одной из трех структурных частей педагогического факультета, имевшего также естественно-историческое и математическое отделения. Сохранился и открытый в 1920 г. рабочий факультет, где наряду с физикой, математикой и естествознанием изучали русский язык.

В июле 1923 г. по постановлениям Средазбюро ЦК ВКП(б) и ТуркЦИКа университет был переименован в Среднеазиатский государственный университет (САГУ), что отражало его роль в культурной жизни всех среднеазиатских республик. Такое наименование университет сохранял до 1959 г.

К 1928 г. САГУ состоял из семи факультетов, в числе которых был и восточный, имевший два отделения – педагогическое и этнолого-лингвистическое, готовившее преподавателей местных языков для европейских школ и преподавателей русского языка для национальных школ Средней Азии. С конца 1930-х в САГУ существовала межфакультетская кафедра русского языка, ответственная за подготовку студентов всех факультетов к слушанию лекций и чтению учебной литературы на русском языке. Ее преподаватели вели прикладную и теоретическую разработку ряда перспективных тем, дополняя учебный процесс работой научных обществ при университете: Научного педагогического общества, Общества социологии, истории и филологии, – так была создана основа для серьезной подготовки профессиональных филологов-русистов.

В годы Великой Отечественной войны немало педагогов ушло на фронт, но коллектив и в это нелегкое для страны время продолжал развиваться, пополняя свой состав эвакуированными из Москвы, Ленинграда и других городов учеными. В их числе были такие выдающиеся филологи, как В. М. Жирмунский, К. К. Пиксанов, В. Ф. Шишмарёв. Образованная в 1942 г. кафедра русского языкознания выросла из межфакультетской кафедры русского языка. В последующем, решая актуальные задачи, стоявшие перед высшим филологическим образованием республики в разные годы и десятилетия, на базе кафедры русского языкознания создавались и становились самостоятельными такие профильные подразделения, как кафедра современного русского языка, кафедра истории и диалектологии русского языка, кафедра методики преподавания русского языка и литературы. Межфакультетская кафедра русского языка, оказавшись снова отдельной и самостоятельной, специализировалась на вопросах преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Менялись названия университета (САГУ, ТашГУ, НУУз), но не менялось главное – в центральном вузе Узбекистана русский язык как учебная дисциплина, профессиональная подготовка филологов-русистов всегда занимали прочные позиции.

История кафедры русского языкознания, как и судьбы ее преподавателей, тесно связаны с историей страны. В моменты военных испытаний и послевоенного строительства, в непростой период после распада Советского Союза формировавшиеся десятилетиями качественные традиции преподавания русского языка на фоне языковой политики в новых условиях не прерывались в деятельности кафедры ни на год.

На кафедре работали выдающиеся ученые, чьи имена известны далеко за пределами республики. Многие из них – уроженцы отдаленных небольших поселков со всех концов России и Узбекистана, выходцы из простых семей, добившиеся значительных успехов в науке благодаря своему таланту и трудолюбию, непреодолимому стремлению к знаниям.

Основные направления работы кафедры русского языкознания в значительной мере способствовали развитию таких отраслей лингвистики, как история русского языка, история славянской книжности, русская диалектология, лексикология, словообразование, грамматика, синтаксис современного русского языка.

Начало изучению исторической русистики на кафедре русского языкознания САГУ положил профессор Степан Дмитриевич Никифоров (1891–1951), приехавший в Узбекистан в 1942 г. Именно он стал первым заведующим кафедрой русского языкознания. Выпускник МГУ С. Д. Никифоров преподавал языковедческие дисциплины в Московском пединституте и в других вузах. На основе накопленного богатого опыта он организовал в САГУ чтение цикла лекций по современной и исторической лингвистике. Под его руководством деятельность кафедры приобрела теоретическую направленность. Его глубокий интерес к вопросам истории русского языка способствовал тому, что на кафедре выделились в качестве отдельного блока дисциплины историко-лингвистического цикла, сфор-

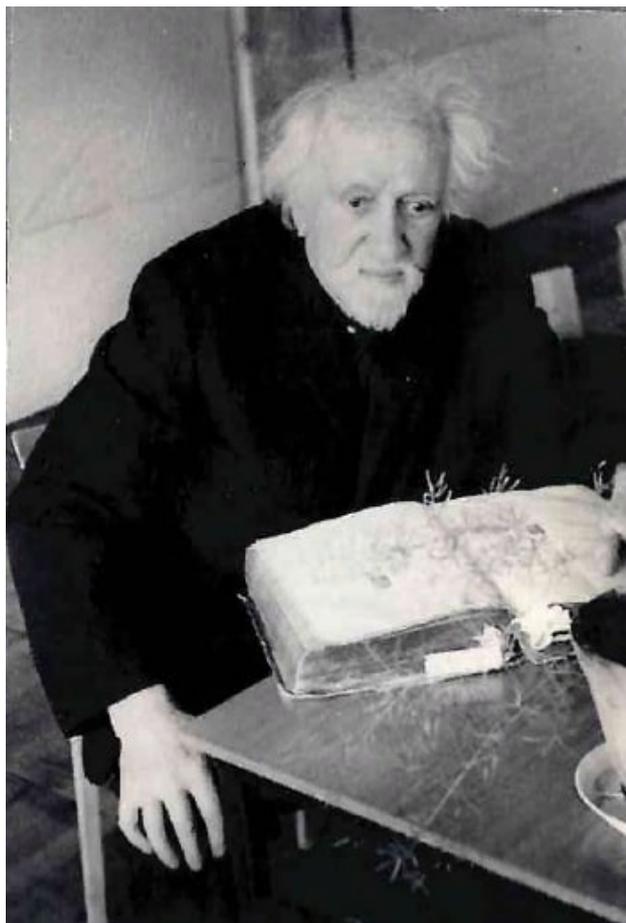

Фото 1. Профессор Г. И. Коляда (1896–1977).

Фото из личных архивов авторов

Photo 1. Professor G.I. Kolyada (1896–1977).

Photo from the authors' personal archives

мировался круг авторитетных ученых, разрабатывающих данную проблематику, а также вопросы методики вузовского преподавания этих дисциплин. Им самим были разработаны вузовские курсы по истории русского языка и старославянскому языку, созданы вузовские учебники [22][23][24] и монографии, наиболее известная из которых «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» [21].

Формированию и развитию традиций изучения исторической русистики во многом способствовала деятельность еще одного крупного ученого-слависта с мировым именем – Григория Ивановича Коляды (1896–1977) (Фото 1). Он родился на Украине, в Полтавской области, окончил Московский университет (1917) и Киевский институт народного хозяйства (1926). До приезда в Ташкент преподавал

давал в Киевском педагогическом институте (1945), в Саратовском (1945–1949) и Таджикском (1949–1954) университетах. Г. И. Коляда – автор исследований о начале кириллического книгопечатания, о деятельности Ивана Федорова, преподобного Памвы Берынды, Гавриила Дорофеевича и других сподвижников славянского просвещения.

Григорий Иванович Коляда работал на кафедре русского языкознания с 1954 г., а с 1962-го ею заведовал на протяжении 10 лет. Он разработал лекционные курсы по исторической грамматике русского языка, усовершенствовал курс старославянского языка. Первым в Узбекистане начал преподавать родственные славянские языки – украинский и болгарский. Это послужило серьезной базой для введения сравнительного языкознания в круг изучаемых студентами дисциплин. Как вспоминают его ученики (В. А. Низинская, И. Г. Соколова и др.), он был человеком широчайшей научной эрудиции, образцом беззаветного служения науке. И от своих учеников требовал такой же самоотдачи в профессии. Уже будучи на пенсии, Григорий Иванович способствовал работе университетского Общества книголюбов, знакомя аудиторию с редкими книгами из своей библиотеки. В личном архиве одного из авторов статьи со студенческой поры сохранился снимок, на котором участники заседания Общества книголюбов сфотографированы в зале научной библиотеки ТашГУ вместе с профессором Г. И. Колядой, рассказывавшим о найденном им рукописном Евангелии (Фото 2).

Научные интересы Г. И. Коляды касались истории письма и книгопечатания в России и на Украине, его докторская диссертация «Иван Федоров первопечатник (московский период его деятельности)» была одной из первых в СССР, посвященных истории книги, наряду с работами Б. В. Сапунова, В. А. Истрина.

Труды профессора публиковались в отечественных и зарубежных журналах, в сборниках международных симпозиумов и конференций. В совокупности это более 70 научных работ по истории книгопечатания, истории русского языка. В том числе: «Труды и дни “Друкаря книг пред тым невиданных”» (ТашГУ, 1954), «Новое в языке первопечатного

Фото 2. На заседании Общества книголюбов (1975 г.). В первом ряду первый слева доцент С. И. Зинин, второй – профессор Г. И. Коляда; во втором ряду первая слева Е. Ю. Третьякова, вторая – Н. Г. Рогозинникова. Фото из личных архивов авторов

Photo 2. At a meeting of the Society of Book Lovers (1975). In the first row, Associate Professor S.I. Zinin is first and Professor G. I. Kolyada second from the left; in the second row, E.Yu. Tretyakova is first and N.G. Rogozinnikova second from the left. Photo from the authors' personal archives

“Апостола”» (журнал «Slavia», Прага, 1966), «Из истории южно-восточнославянских книгопечатных связей в XVI–XVII веках» (журнал «Славяноведение», 1964, № 4).

В продолжение этой традиции кафедра русского языкознания инициировала разработку вопросов русской палеографии и древнерусской книжности на основе изучения подлинных икон из собрания Государственного музея искусств Узбекистана, рукописей из фондов Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои, Научной библиотеки НУУз. Эта проблематика вошла в учебные курсы «История славянской книжности», «Русская палеография» бакалавриата и магистратуры, для которых изданы учебные пособия [1] [28] [37] [38] [39] и монография профессора А. Г. Шереметьевой «Палеографические этюды» [40].

В области истории русской деловой письменности специализируется и старший преподаватель кафедры Феруза Шакировна Фаизова, изучающая статейные списки XVII в. русских посланников в Бухарское и Хорезм-

ское царства [31]. Введенные ею в научный оборот рукописные материалы из Архива древних актов РФ стали основой авторского спецкурса «Лингвистическое источниковедение» для студентов университета.

Историческая русистика как особое направление научных исследований на кафедре многим обязана трудам Ефима Шаевича Мирочника (1927–2003). Ефим (Фроим) Шаевич Мирочник (Фото 3) родился в Молдавии, учился в ферганской средней школе, высшее образование получил на русско-славянском отделении филологического факультета Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. Проработал несколько лет преподавателем в Андижанском пединституте и сотрудником научно-методического кабинета Минпроса (Минвуза) Узбекистана, затем прошел путь от преподавателя-почасовика кафедры русского языкознания ТашГУ до заведующего этой кафедрой. Удостоен звания Заслуженный учитель Узбекистана (1981).

Е. Ш. Мирочник разрабатывал сложные проблемы древнерусской морфологии и славлитики. Свои оригинальные взгляды он изложил в кандидатской диссертации «Формы словоизменения имен существительных в древнерусской письменности XI века». Его всегда интересовали вопросы методики преподавания историко-лингвистических дисциплин в вузе, особенно в условиях иноязычного окружения. Он был известен в республике и как активный популяризатор русского языка, русской филологической науки в иноязычной среде. Журнал «Русский язык и литература в узбекской школе»

Фото 3. Доцент Е. Ш. Мирочник (1927–2003). Фото из личных архивов авторов

Photo 3. Associate Professor E.Sh. Mirochnik (1927–2003). Photo from the personal archives of the authors

опубликовал немало его статей о культуре русской речи, русских словарях и энциклопедических изданиях, о деятельности выдающихся русских ученых В. И. Даля, А. Х. Востокова.

В 1960-х гг. Е. Ш. Мирочник вошел в авторский коллектив первого в Узбекистане учебника по старославянскому языку [3]. Его курс лекций по введению в славянскую филологию, составленный и опубликованный в 2000 г. в соавторстве с Н. Г. Рогозинниковой [4], был признан лучшим вузовским учебным пособием на республиканском конкурсе. Он также является автором первого в Узбекистане учебного пособия «История русского литературного языка» (2005, в соавторстве с А. Г. Шереметьевой) [18]. В соответствии со сложившимися на кафедре принципами и методикой преподавания историко-лингвистических дисциплин недавно создано и учебное пособие «Славистика» [27], рекомендованное к использованию всеми вузами республики.

Вопросами исторического словообразования занималась доцент Валентина Александровна Низинская (Фото 4), автор кандидатской диссертации «Словообразовательная структура существительных адъективного

Фото 4. Доцент В. А. Низинская (1980-е гг.). Фото из личных архивов авторов
Photo 4. Associate Professor V.A. Nizinskaya (1980s). Photo from the authors' personal archives

типа склонения в русской деловой письменности XV–XVII вв.» и ряда работ о процессе субстантивации прилагательных. Она родилась на Украине в 1934 г., в военные годы семья переехала в Ташкент. Здесь В. А. Низинская после школы окончила филологический факультет ТашГУ, аспирантуру и проработала на кафедре русского языкознания большую часть жизни. Богатейший опыт преподавания дисциплин историко-лингвистического цикла она применила в серии методических пособий

по старославянскому языку [19] и исторической грамматике [20].

Многие поколения выпускников факультета русской филологии помнят Валентину Александровну как чрезвычайно требовательного преподавателя, отмечая ее высокий профессионализм и способность изложить доступно самый сложный учебный материал. Личный пример и авторитет такого наставника помогает ведущим преподавателям многих филологических вузов Узбекистана в их педагогической деятельности, способствуя высокому уровню профессиональной деятельности в духе традиций, сложившихся на кафедре русского языкознания университета.

Доцент Ирина Георгиевна Соколова разрабатывала проблемы исторического развития видо-временной и акциональной системы русского глагола. Ученица профессора Г. И. Колляды, она под его руководством подготовила кандидатскую диссертацию «Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV века». Ирина Георгиевна родилась в 1937 г. в Москве, окончила филологический факультет ТашГУ, затем – аспирантуру при кафедре русского языкознания. Читала курсы по исторической грамматике и диалектологии, создала ряд методических пособий для студентов филологических факультетов, проходящих специализацию по направлению «Русский язык и литература в иноязычных группах».

Доцент Софья Юнатовна Кураева (1945 г.р.) читала лекционные курсы «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского языка», «Русская диалектология», спецкурсы по словообразованию. Ее отец – Кураев Юнатан Иосифович – видный деятель культуры республики, писатель, автор произведений, вошедших в учебники для бухарско-еврейских школ, редактор иранского канала на радио Узбекистана. Софья Юнатовна окончила ТашГУ, затем аспирантуру под руководством профессора А. Н. Тихонова. Опубликовала учебно-методическое пособие по старославянскому языку и исторической грамматике [17], регулярно выступала с докладами на республиканских и международных лингвистических форумах. Сейчас живет и работает в США.

В середине 1980-х гг. по инициативе заведующего кафедрой Е. Ш. Мирочника значительно расширился круг преподавания современных славянских языков. Сам Ефим Шаевич блестяще владел чешским. В разные годы на кафедре, помимо украинского и болгарского, преподавались также польский (кандидат филологических наук Нелли Владимировна Шатковская), македонский (кандидат филологических наук Дания Алтмишбаевна Осильбекова). Н. Г. Рогозинникова подготовила единственный в Узбекистане учебник современного болгарского языка. Чешский язык преподавала кандидат филологических наук Ольга Павловна Казакова, написавшая учебник «Современный славянский язык. Чешский язык» [12]. Она вела кружок по изучению чешского языка «Прага» с участием студентов и магистрантов НУУз и ТГПУ (педагогического университета), которые выпускали газеты, готовили театрализованные представления на основе чешских народных сказок. В настоящее время О. П. Казакова проживает и работает в Российской Федерации.

В 1960–1990-е гг. изучение русской диалектологии на факультете русской филологии имело практическую направленность: студенты ежегодно выезжали на фольклорно-диалектологическую практику в села Центральной России. Кандидат филологических наук Дмитрий Дмитриевич Ильин (1904–1967) (Фото 5) разработал для этих целей специальную программу по сбору и анализу диалектного материала, сам руководил диалектологической выездной практикой.

Дмитрий Дмитриевич родился в Казани. С 13 лет вынужден был работать, так как его детство совпало с тяжелыми и голодными годами революции и гражданской войны. В 1920–30-х гг. принимал участие в публичных поэтических вечерах вместе с поэтами-авангардистами (В. В. Маяковский и др.). В 1937 г. переехал в Среднюю Азию, окончил Ашхабадский пединститут. В МГУ защитил диссертацию на тему: «Лексический состав произведений М. В. Исаковского». Несколько лет заведовал кафедрой русского языкознания ТашГУ, внося весомый вклад в русское языкознание как славист, специалист по теоретической грамматике и стилистике, создавший

собственную схему лингвистического анализа художественного текста. Значительной по объему была его редакторская работа, а также поэтическая деятельность.

Дети Д. Д. Ильина продолжили филологические традиции семьи. Сын Николай Дмитриевич Ильин – кандидат педагогических наук, доцент, известный поэт и переводчик, автор научных публикаций по истории и теории литературы, методике преподавания, редактор отдела республиканского научно-методического журнала «Преподавание языка и литературы». Дочь – Татьяна Дмитриевна Ильина – много лет проработала в НУУз на межфакультетской кафедре русского языка.

Ныне студенты используют пособие (конспект лекций) по русской диалектологии, изданное А. Г. Шереметьевой, накопившей немалый опыт в преподавании этого сложного предмета. В отрыве от реальной русской диалектной среды после 1991 г., когда прекратились выездные диалектологические практики в села России, вопрос знакомства студентов университета с русскими диалектами усложнился: использовались архивы фольклорных практик прежних годов – записи диалектной речи, в определенной мере отражающие особенности русской языковой стихии. Чтобы полнее осваивать ее разнообразие, кафедра наладила сотрудничество с МГУ и Институтом русского языка АН РФ. Получаемые в результате взаимодействия с этими учреждениями записи диалектных текстов использовались на занятиях по диалектологии, а также как материал для курсовых и выпускных квалификационных работ.

Фото 5. Доцент Д. Д. Ильин (1904–1967).
 Фото из личных архивов авторов
 Photo 5. Associate Professor D.D. Ilyin (1904–1967).
 Photo from the authors' personal archives

При наличии в республике не только узбекско-русского билингвизма важным и полезным шагом стало открытие нового направления для филологов-русистов – подготовка преподавателей русского языка для школ с нерусским (узбекским, казахским, туркменским, каракалпакским и др.) языком обучения. Направление очень востребовано на фоне языковой ситуации последних двух десятилетий. Абитуриенты – выпускники нерусских школ с разным уровнем владения русским языком. Для эффективных занятий в студенческих группах коллектив кафедры создал комплект новых пособий по историко-лингвистическим дисциплинам.

Сегодняшнее поколение преподавателей кафедры продолжает традиции изучения и преподавания историко-лингвистических дисциплин, заложенные старшими коллегами. В этом плане показателен и блок дисциплин синхронического языкознания.

В 1960–1980-е гг. научный потенциал сотрудников кафедры русского языкознания ТашГУ как неотъемлемая часть лингвистической науки всей страны значительно возрос, внося свой вклад в круг актуальных концепций и новейших достижений в области современной русистики и сравнительного языкознания.

Это, в частности, касается развития фонетики и фонологии. Многочисленные статьи и диссертация кандидата филологических наук Рапогат Абдубакиевны Абдусаматовой (1937–2005) (Фото 6) «Интерференция русского и узбекского языков на уровне фонологических единиц» наметили перспективы изучения этой темы, что плодотворно отразилось на дальнейшем развитии и русского, и узбекского языкознания.

Р. А. Абдусаматова родилась в Ташкенте, окончила филологический факультет ТашГУ, аспирантуру под руководством профессора В. В. Решетова. В 1979–1982 гг. работала в Афганистане, руководила кафедрой русского языка Кабульского университета. Свой опыт воплотила в пособии «Современный русский язык. Лексикология: курс лекций для афганцев» (Кабул, 1981), составила в соавторстве с коллегами «Русско-афганский словарь» (Кабул, 1980). Круг ее научных интересов был свя-

зан, прежде всего, с проблемами общего языкознания, методики преподавания языков, языковой интерференции. Около 10 лет она заведовала кафедрой методики преподавания русского языка и литературы факультета русской филологии ТашГУ, затем – кафедрой русского языкознания. Р. А. Абдусаматова была инициатором и участником многих республиканских и международных конференций.

Сотрудникам кафедры русского языкознания принадлежит еще одна уникальная заслуга: впервые в истории лингвистики были исследованы особенности русской речи корейцев, живущих в республике Узбекистан. Этим мы обязаны научным трудам Ольги Михайловны Ким (1932–1990). Ее кандидатская диссертация «Особенности русской речи корейцев Узбекистана» вызвала горячие споры в корейской общине, тема остается актуальной и в наши дни.

Семья Ольги Михайловны приехала в Ташкент с Дальнего Востока. Окончив филфак САГУ, Ольга Михайловна преподавала в школе, в Бухарском педагогическом институте. Став аспиранткой кафедры русского языкознания САГУ, в поисках руководителя отправилась в Москву к выдающемуся русскому лингвисту А. А. Реформатскому. После месячного испытательного срока пораженный необыкновенным трудолюбием и способностями аспирантки он без тени сомнения дал согласие на руководство ее научной работой. Пройдя в своей карьере все стадии профессионального роста от лаборанта кафедры до профессора, О. М. Ким возглавила кафедру русского языкознания (Фото 7).

Фото 6. Доцент Р. А. Абдусаматова (1970-е гг.). Фото из личных архивов авторов

Photo 6. Associate Professor R.A. Abdusamatova (1970s). Photo from the authors' personal archives

Фото 7. Кафедра современного русского языка (нач. 1980-х гг.). Сидят слева направо: доцент Л. Ф. Шильникова, доцент И. Б. Шатуновский, профессор О. М. Ким, старший преподаватель И. Р. Хакимова; лаборант Е. Ким; стоит доцент А. М. Зализняк. Фото из личных архивов авторов

Photo 7. Department of Modern Russian Language (early 1980s). Sitting from left to right: L.F. Shilnikova, associate professor; I.B. Shatunovsky, associate professor; O.M. Kim, professor; I.R. Khakimova, senior lecturer; E. Kim, assistant. Standing: A.M. Zaliznyak, associate professor. Photo from the authors' personal archives.

Как автор научной теории, нашедшей немало последователей, О. М. Ким внесла существенный вклад в разработку проблем межуровневой грамматической омонимии. Начало этому положили докторская диссертация и монография «Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке» (Ташкент, 1978). В сферу ее научных интересов входили также проблемы языковых контактов и языковой интерференции.

Под редакцией О. М. Ким вышел учебник «Современный русский язык» (Ч. I. Ташкент, 1992), остающийся и ныне одним из самых востребованных в республике вузовских пособий по этой дисциплине. При ее участии появились «Учебный словарь синонимов» (1-е изд.: Ростов-на-Дону, 1997; 2-е изд.: М., 2001) и «Словарь грамматических омонимов» (М., 2001). Она первый доктор филологических наук не только среди кореянок Советского Союза, но и среди корейцев вообще. Ее имя внесено в Энциклопедию корейцев Узбекистана. В общей сложности ее перу принадлежит свыше 80 научных работ, некоторые опубликованы в Польше, Болгарии, Швейцарии.

Под руководством О. М. Ким защитила диссертацию Елена Петровна Долгополова («Способы выражения орудийности в современном русском языке»), читавшая на кафедре курсы по словообразованию, морфологии, синтаксису, спецкурс по теории речевых актов. Сейчас она работает редактором республиканского литературно-художественного журнала «Звезда Востока».

В настоящее время это единственный «толстый журнал» на русском языке в Узбекистане. Его история насчитывает 90 лет, с момента основания литературно-художественного журнала Союза писателей Узбекской ССР в 1932 г. Тогда он назывался «Советская литература Средней Азии» (с 1935 г. – «Литературный Узбекистан», с 1937 г. – «Литература и искусство Узбекистана», с 1946 г. и поныне – «Звезда Востока»). В 2006 г. работа журнала была временно приостановлена и возобновлена в 2007-м. При реорганизации в 2009 г. создана единая редакция для двух журналов – на русском («Звезда Востока») и на узбекском («Шарк Юлдузи») языках, ставшая, таким образом, площадкой реализации двуязычного культурного проекта. Из других печатных СМИ, выходящих на русском языке, можно назвать газеты «Народное слово», «Правда Востока», «Вечерний Ташкент», «Ташкентская правда», «Новости Узбекистана», «Туркестан», «XXI век» и др. Среди сотрудников русскоязычных изданий много выпускников НУУз, таким образом, кафедра русского языкознания сохраняет и расширяет общее русскоязычное пространство культуры Узбекистана.

Предметом научной разработки на кафедре были и остаются актуальные проблемы русской лексикологии, семасиологии и ономазиологии. В русле этих

Фото 8. Профессор Л. Л. Ким (1927–1991). Фото из личных архивов авторов
Photo 8. Professor L.L. Kim (1927–1991). Photo from the authors' personal archives

направлений синхронического языкознания вел исследования Лемар Лукич Ким (1927–1991) (Фото 8).

Лемар Лукич родился в Приморском крае в семье служащего, во время войны поступил на филфак САГУ, работал в школе, учился в аспирантуре филфака с 1952 по 1955 г., защитил диссертацию «Лексические средства сатиры Маяковского» (1956). Вузовское преподавание начал осваивать в Андижанском и Ферганском пединститутах. Последующая его жизнь была связана с Ташкентским государственным университетом, с кафедрами русского и общего языкознания. Должностные ступени – от доцента до заведующего кафедрой, заместителя декана – выявили в нем умелого организатора и талантливого ученого. Вот как вспоминают о нем выпускники университета – вузовский преподаватель Любовь Тиллябаева и поэт, член Союза писателей Узбекистана Марта Ким: «Он умел прятать огромность за простотой, интеллигентностью и добродушным юмором. Никогда не выпячивал и не демонстрировал своей глубочайшей образованности. Его одаренность сказывалась во всем: вскользь оброненных замечаниях, рассуждениях, научных статьях, всегда очень лаконичных, точных и изящных. Многие его идеи еще и сейчас ищут своего воплощения» [9].

Лемар Лукич – автор более 50 научных трудов, один из создателей широко востребованного в педагогической практике вузовского учебника «Современный русский язык. Лексикология» [14]. Он одним из первых не только в Узбекистане, но и в Центральной Азии начал пропаганду идей структурной лингвистики на этапе ее вхождения в широкий научный обиход. Сферу его исследовательского внимания составляло значение русского слова как в традиционном для русской лингвистики семасиологическом аспекте, так и с точки зрения ономастиологии, испытавшей бурный всплеск во второй половине XX столетия. Идеи самого исследователя и научные работы его учеников способствовали развитию современных представлений о лингвистической номинации.

Л. Л. Ким 15 лет был бессменным секретарем Спецсовета по защитах докторских диссертаций при ТашГУ. Благодаря его кропотли-

вой, энергичной и целенаправленной деятельности подготовлены десятки высококвалифицированных кадров в различных областях языкознания. Имя ученого также внесено в «Энциклопедию корейцев Узбекистана».

Защитившая под его руководством кандидатскую диссертацию («Составные номинации типа “цветовое прилагательное плюс существительное” в семасиологическом аспекте») Лия Вольфовна Кац (1948 г.р.) разрабатывала проблематику, связанную с лексикологией, фразеологией, лексикографией. Она выпустила «Курс лекций по лексикологии современного русского литературного языка для студентов-иностранцев, специализирующихся по русской филологии» (Ташкент, 2002), блистательно читала спецкурс «Лингвистический анализ текста», разработала курс «Основы научных исследований» для бакалавриата и на его основе вузовский учебник «Азбука лингвистического исследования» в двух частях [13]. Живое общение по актуальным проблемам лингвистики происходило в рамках Ташкентского городского филологического семинара, одним из вдохновителей и организаторов которого много лет являлась Л. В. Кац (Фото 9).

Близкой проблематике посвящены талантливые исследования доцента Натальи Николаевны Малаховой (1948–2016). Ее научные интересы касались семантики и лексикологии русского языка, русской паремиологии. Выпускница филологического факультета ТашГУ, Наталья Николаевна начинала с работы по распределению в Сырдарьинском пединституте имени Г. Гуляма. Затем, уже на кафедре русского языкознания ТашГУ, вела

*Фото 9. Доцент Л.В. Кац (2000-е гг.). Фото из личных архивов авторов
Photo 9. Associate Professor L.V. Katz (2000s). Photo from the authors' personal archives*

практикумы по современному русскому языку, курс «Синтаксис современного русского языка». Окончила аспирантуру при Институте русского языка Академии наук (Москва), защитила кандидатскую диссертацию «Эмотивная лексика в русском языке». В течение многих лет являлась редактором республиканского научно-методического журнала «Преподавание языка и литературы» [42].

Широта и многогранность научных интересов отличала ученого с мировым именем – Илью Борисовича Шатуновского (1949–2019), также прошедшего путь от студента ТашГУ до заведующего кафедрой русского языкознания. Вопросы грамматики, словообразования, лексической и синтаксической семантики, прагматики, коммуникативного синтаксиса, теория текста, теория речевых актов – трудно определить, что больше интересовало этого талантливого лингвиста. Во все перечисленные области он внес свое оригинальное видение и нестандартный подход.

Родился Илья Борисович в 1949 г. в Ташкенте в «филологической» семье. Его отец, Борис Миронович Шатуновский, был журналистом, главным редактором газеты «Ташкентская правда», а дядя, Шатуновский Илья Миронович, – писателем-фельетонистом и сатириком.

Илья Борисович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблемы словообразовательной транспозиции» (научный руководитель Н. Д. Арутюнова) и докторскую – «Семантика предложения и нерелевантные слова». Около 20 лет заведовал кафедрой лингвистики Международного университета природы, общества и человека «Дубна», а также был почетным профессором Хэйлунцзянского университета (Харбин), членом Европейского лингвистического общества и Общества славянской лингвистики. И. Б. Шатуновский – автор свыше 90 научных публикаций, в том числе трех монографий [34] [35] [36]. Филологическую династию продолжил и его сын Глеб Ильич Шатуновский, филолог-славист, журналист.

С 2000-х гг. на кафедре русского языкознания НУУз проводятся исследования в области корпусной лингвистики. Ольга Алексеевна Кукатова защитила кандидатскую дис-

сертацию «Ролевая семантика актантов конверсивных пар эмотивных глаголов русского языка» [16] и издала монографию по этой теме, изучала проблемы речевых стратегий и тактик институционального дискурса. В 2005–2020 гг. она вела ряд базовых курсов бакалавриата и магистратуры, подготовила «Сборник упражнений по морфологии современного русского языка» для бакалавров.

Специфика тюрских заимствований в русском языке стала предметом научных изысканий доцента Ольги Павловны Казаковой, автора кандидатской диссертации «Семантика узбекских заимствований в русскоязычных художественных произведениях писателей Узбекистана», защищенной под руководством доктора филологических наук И. Г. Югая. Ныне О. П. Казакова работает в Южно-Российском государственном политехническом университете имени М. И. Платова (Новочеркасск).

Кафедра всегда уделяла внимание вопросам русской ономастики. В частности, это направление разрабатывал известный ученый, неутомимый популяризатор науки и русского языка в Узбекистане Сергей Иванович Зинин (1935–2013) (Фото 10), шесть лет заведовавший кафедрой. В его учебном пособии «Введение в русскую антропонимию» [11] прослежено формирование русской антропонимической формулы на различных временных срезах истории этого процесса. Пособие обобщило богатый фактический материал – рукописные списки из фондов Разрядного приказа, ревизские сказки,

Фото 10. Профессор С. И. Зинин (2000-е гг.). Фото из личных архивов авторов
Photo 10. Professor S.I. Zinin (2000s). Photo from the authors' personal archives

переписные списки XVII–XVIII вв. более десятка городов различных диалектных зон России.

С. И. Зинин в статьях «Имена собственные и лексикография», «О словнике “Словаря русских фамильных прозваний XVII века”», «Словари русских личных имен», «Создадим словарь современных русских фамилий» поднимал вопросы методики отбора, семантизации, презентации ономастического материала. Ведя кропотливую систематизаторскую работу, он выпустил библиографический указатель «Антропонимика» [10], включающий около 500 источников на русском языке с начала XIX в. Выявлению границ и структуры ономастического пространства художественного произведения служили его работы «Антропонимия “Войны и мира” Л. Н. Толстого», «Антропонимический мир Гринландии (Имена собственные в произведениях А. Грина)», «Русская антропонимия “Записок охотника” И. С. Тургенева», «О личных именах в произведениях Д. И. Фонвизина», «О “Словаре личных имен художественной литературы XVIII века”» и пр.

С. И. Зинин способствовал процессу распространения знаний о русской культуре и языке в других странах: читал лекции по русскому языку и культурологии в Египте (1975–1976 гг.), в Японии (1981–1982 гг.).

Делу популяризации русско-узбекских филологических и культурных связей служили статьи ученого о Кирилле и Мефодии, В. И. Дале, Д. И. Фонвизине, С. А. Есенине, Е. Д. Поливанове, Алишере Навои, о первом переводе рассказа Л. Н. Толстого на узбекский язык, первых книгах на русском языке об Алишере Навои, Низами и др. в журналах «Русская речь», «Русский язык в школе», «Русский язык в национальной школе», «Звезда Востока» и газетах «Правда Востока», «Вечерний Ташкент», «Народное слово», «Сырдарьинская правда», «Печать Узбекистана», «Ташкентский университет».

Еще одним полюсом интересов этого разностороннего человека было коллекционирование книжных знаков (экслибрисов). Он их увлеченно собирал, систематизировал, устраивал выставки, посвящал им заседания Общества книголюбов ТашГУ, организатором и руководителем которого являлся много лет.

Авторитет общественного деятеля закрепил за ним ответственные должности в Верховном Совете (затем в Олий Мажлисе) Узбекистана. Он работал заместителем председателя Комитета по вопросам межнациональных отношений, секретарем Комитета по вопросам науки, образования и культуры, принимал непосредственное участие в принятии законов «О государственном языке», «Об образовании», «О вывозе и ввозе культурных ценностей», «Об архивах».

Во главе учебно-методического совета по подготовке учебников русского языка для средних школ Узбекистана он в соавторстве с методистами и учителями разрабатывал учебники, соответствовавшие языковой ситуации в республике и реалиям 1980–1990-х гг. Созданное по его инициативе Ташкентское общество преподавателей русского языка и литературы и ныне способствует распространению передового опыта среди учителей школ, преподавателей средних специальных и высших учебных заведений. С. И. Зинин не упускал из виду и вопросы преподавания в высшей школе, в частности, стал одним из авторов единственного в республике учебника по курсу «Введение в славянскую филологию».

Долгое время С. И. Зинин руководил Русским культурным центром (РКЦ Уз), который сейчас имеет подразделения почти во всех крупных городах Узбекистана и объединяет людей, интересующихся русской культурой.

Любовь к поэзии Сергея Есенина выразилась не только в изучении его творчества, но и в кропотливой краеведческой работе, сборе биографического материала о пребывании поэта, членов его семьи и друзей [15] в Туркестанском крае. Логическим продолжением этой работы стало создание в Ташкенте музея С. Есенина, который охотно посещают жители Узбекистана и гости республики.

По своим качествам Сергей Иванович Зинин был энергичный, инициативный, вместе с тем простой в общении, всегда готовый рассказать о своих научных и краеведческих находках широкой аудитории, хороший организатор. Награждения его медалью «Шухрат», другими правительственными наградами республики воспринимались коллегами как справедливая оценка его труда [8].

Фото 11. Профессор А. Н. Тихонов читает спецкурс по словообразованию (1970-е гг.).

Фото из личных архивов авторов

Photo 11. Professor A.N. Tikhonov is reading a special course on word formation (1970s). Photo from the authors' personal archives

Ученым кафедры русского языкознания принадлежит особая заслуга в разработке вопросов русского словообразования: в 70-х годах XX в. сформировалась научная школа русского словообразования Узбекистана со своим подходом к проблемам синхронной и исторической дериватологии. Основоположником этой научной школы, объединившей ученых Ташкента и Самарканда, явился известный ученый-дериватолог и лексикограф Александр Николаевич Тихонов (1931–2003) (Фото 11).

Факты его биографии интересны и поучительны. Ребенок, рожденный в одном из отдаленных поселков Башкирии (отец – чуваш по этническому происхождению, мать – из двуязычной чувашско-русской семьи, соседями были татары), свободно владел тремя и даже четырьмя языками (учитывая башкирский). Это помогло позднее выучить таджикский и узбекский. В сложные послевоенные годы из-за денежных затруднений юноша не смог сразу после школы продолжить учебу. Его дядя, учитель русского языка, приехав в отпуск из Таджикистана, посоветовал поехать в Среднюю Азию. В горном таджикском кишлаке (300 км от Самарканда) в 16 лет Александр Николаевич начал преподавать русский язык. Это потребовало, естественно, выучить родной язык своих подопечных – та-

джикский. А. Н. Тихонов окончил филологический факультет Самаркандского государственного университета (СамГУ), работал преподавателем русского языка и литературы в сельской таджикско-узбекской школе. Возможно, тогда и зародился его глубокий интерес к методике преподавания русского языка как неродного.

Он углубленно изучал тюркологию, занимался переводами на русский с чувашского и узбекского языков, стал преподавателем кафедры русского языкознания СамГУ. Затем учился в аспирантуре МГУ и защитил под руководством Е. А. Земской кандидатскую диссертацию «Глаголы с чистовидовыми приставками в современном русском языке».

Идеи своей докторской диссертации «Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде» он положил в основу большой лексикографической работы, создав гнездовой «Словообразовательный словарь русского языка» (1985). Это было выдающееся событие для лингвистики второй половины XX столетия. В подготовке и составлении этого двухтомного словаря и его мини-версии – «Школьного словообразовательного словаря русского языка» – принимала участие вся кафедра, от доцентов до студентов. Многие из тех, кто в студенческие годы собирал материал и систематизировал карточки (Л. Адинаева, Т. Баркова, С. Капкаева, Д. Осильбекова, Т. Попова и др.), пройдя хорошую школу исследовательской работы, стали учеными и преподавателями вузов Узбекистана и России: Любовь Мирзаевна Адинаева – кандидат филологических наук, доцент Узбекского государственного университета мировых языков; Татьяна Петровна Баркова – старший преподаватель кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета; Дания Алтмишбаевна Осильбекова – доктор филологических наук, профессор Московского государственного педагогического университета.

Возглавив в 1976 г. кафедру русского языкознания ТашГУ, А. Н. Тихонов работал над учебниками для вузов (им написаны раздел «Морфология» в учебнике «Современный русский язык» для педагогических институтов, раздел «Морфемика» и часть раздела «Мор-

фология» в учебнике «Современный русский язык» для национальных республик и др.). В рамках спецкурса «Основы словообразовательного анализа» он разрабатывал принципы построения гнездового антонимического словаря, гнездового толкового словаря русского языка. По его инициативе была проведена первая республиканская научная конференция по словообразованию и учебной лексикографии.

В 1978 г. А. Н. Тихонов был избран заведующим сектором изучения русского языка как средства межнационального общения Института русского языка Академии наук (Москва). Однако Александра Николаевича больше волновали практические вопросы: отсутствие хороших грамматик и словарей русского языка для нерусских учащихся, а также надежных и информативных пособий для преподавателей национальных школ. Перед ним встал вопрос: каким должен быть словарь русского языка для преподавателя национальной школы? Хотелось исполнить свою давнюю учительскую мечту – иметь один словарь, в котором для работы над словом были бы собраны все необходимые сведения о нем, чтобы изучение слова по такому словарю завершалось правильным употреблением его в речи. Так родилась идея создания комплексного словаря русского языка – одновременно толкового, орфографического, орфоэпического, грамматического, морфемного, словообразовательного, фразеологического, синонимического, антонимического, тематического, сочетаемостного.

«Комплексный словарь русского языка» под редакцией А. Н. Тихонова вышел в издательстве «Русский язык» в 2001 г. Учебная лексикография пополнилась еще одним новым типом словаря, в котором благодаря оригинальной системе подачи материала раскрыта семантика 40 000 слов и 1 500 фразеологических оборотов, размещенных в 15 тыс. словарных статей. Словарь дает всестороннюю комплексную характеристику слова и фактически включает в себя 15 аспектных словарей одновременно. «Комплексный словарь» на XIV Московской международной книжной выставке-ярмарке (2001) признан лучшим изданием в номинации «Энциклопедист».

В течение ряда лет Александр Николаевич работал ведущим научным сотрудником отдела современного русского языка Института русского языка, затем главным научным сотрудником Института языков народов России, главным научным сотрудником научно-учебного центра «Языки и культуры Северной Евразии (СНГ и Балтии)» Московского государственного лингвистического университета. За это время им написаны монографии «Лексическое гнездо в современном русском языке», «Словообразовательное гнездо в современном русском языке», «Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования».

Научные интересы этого периода в основном направлены на лексикографию: выходят «Учебный фразеологический словарь русского языка» (издательство «Астрель»), «Орфографический словарь русского языка» и «Школьный орфографический словарь русского языка» (издательство «Цитадель»), «Морфемно-орфографический словарь русского языка» (издательство «Астрель»), «Русский язык. Словарь-справочник: Правописание. Произношение. Ударение. Словообразование. Морфемика. Грамматика. Частота употребления слов» (издательство «Цитадель»), «Словарь русских личных имен» (издательство «Школа-Пресс») и др.

А. Н. Тихонов удостоен почетных званий «Заслуженный деятель науки Узбекистана» (1981), «Заслуженный деятель науки Чувашии» (1990) и «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1997).

Научные идеи А. Н. Тихонова продолжали разрабатывать и другие преподаватели кафедры. В частности, доцент Анна Михайловна Зализняк (1944–2019) защитила под руководством О. М. Ким кандидатскую диссертацию «Структурно-семантический анализ словообразовательного гнезда *бить*». В 1992–1994 гг. она заведовала кафедрой современного русского языка (кафедра русского языкознания тогда была разделена на две – современного русского языка, истории и диалектологии русского языка). А. М. Зализняк читала лекции по всем разделам дисциплины «Современный русский язык», однако основной круг ее научных интересов был связан с морфологией и словообразованием

русского языка, позже – с проблемами общего языкознания, типологического и контрастивного языкознания. Она является соавтором вузовских учебников «Современный русский язык» (Ч. I), «Общее языкознание», автор учебных пособий по словообразованию и морфологии современного русского языка. Находясь на пенсии, А. М. Зализняк продолжала научную деятельность (стала соавтором учебного пособия «Общее языкознание», вышедшего в 2012 г.), руководила соискателями и докторантами.

Другая последовательница и ученица А. Н. Тихонова Анна Геннадьевна Шереметьева (род. в 1954 г. в Ташкенте) окончила ТашГУ, училась в аспирантуре и докторантуре, начала свой трудовой путь лаборантом кафедры, став в 2001 г. ее заведующей (по 2014 г.) и председателем Научного совета по защите докторских диссертаций НУУз. Тема ее кандидатской диссертации – «Словообразовательное варьирование глагольных основ в русском языке» (1983), тема защищенной в 2001 г. докторской диссертации – «Лексико-грамматическая вариантность в русском языке (синхронно-диахронический аспект)».

Она опубликовала содержащую ряд новаторских идей монографию «Основы общей и русской вариологии» [39], учебники и учебные пособия по русскому словообразованию и общему языкознанию. В традициях основанной А. Н. Тихоновым школы русского словообразования под руководством А. Г. Шереметьевой успешно защищены кандидатские диссертации Ш. Р. Рамазановой (Институт искусств имени М. Уйгура), Е. О. Зинина (Наманганский госуниверситет), Д. В. Попова (Андижанский госуниверситет), Р. Р. Атаевой [1] (НУУз) и многочисленные магистерские диссертации в НУУз и ТГПУ им. Низами. В настоящее время по инициативе А. Г. Шереметьевой возобновлена работа ежегодного Республиканского научно-практического семинара «Актуальные проблемы русского словообразования». Она достойно представляет русистику Узбекистана на крупных международных конференциях, конгрессах, руководит Центром русского языка Русского культурного центра Узбекистана (РКЦ РУз), организует работу по повышению квалификации преподавателей-руси-

Фото 12. В кабинете славяноведения при кафедре русского языкознания (2020-е гг.) Слева направо: преп. Е. В. Ветлугина, доцент Н. Н. Щитка, доцент О. А. Кукатова, профессор А. Г. Шереметьева, старший преподаватель Н. Г. Рогозинникова, доцент Э. А. Алиева, доцент Р. Р. Атаева, старший преподаватель Ф. Х. Халилов. Фото из личных архивов авторов

Photo 12. . In the Office of Slavic Studies at the Department of Russian Linguistics (2020s). From left to right: E.V. Vetlugina, lecturer; N.N. Shchitka, associate professor; O.A. Kukatova, associate professor; A.G. Sheremetyeva, professor; N.G. Rogozinnikova, senior lecturer; E.A. Aliyeva, associate professor; R.R. Atayeva, associate professor; F.Kh. Khalilov, senior lecturer. Photo from the authors' personal archives

стов республики, проведению Дней славянской письменности и культуры, Пушкинских дней в Узбекистане. Награждена орденом «Дустлик» в связи с 90-летием НУУз (2008), медалью имени А. С. Пушкина (2010), юбилейной медалью имени А. П. Чехова (2010), Почетной медалью за вклад в развитие русской культуры Узбекистана (2019) в связи с 25-летием РКЦ РУз.

В настоящее время кафедрой заведует кандидат филологических наук Неля Николаевна Щитка. Выпускница Ферганского педагогического института, она работала на межфакультетской кафедре русского языка НУУз, училась в аспирантуре кафедры русского языкознания, защитила под руководством А. М. Зализняк диссертацию по теме «Внутренняя форма производных слов (на материале окказионализмов)». По ее инициативе на кафедре разрабатывается актуальная научная проблематика (отражение внеязыковой действительности

в языке и тексте, лингвометодические основы преподавания русского языка как неродного, проблемы становления языковой нормы русского языка, ортологии и пр.). Н. Н. Щитка является экспертом в составе Комиссии Государственного Центра тестирования при Кабинете министров Узбекистана по признанию дипломов иностранных граждан о высшем образовании и рецензентом научно-методической литературы по русистике.

Синтаксис русского языка – предмет исследования в трудах В. И. Забурдяевой, Л. Ф. Шильниковой, Э. А. Алиевой.

Валентина Ивановна Забурдяева (Ноненмахер) родилась в 1945 г. в Казахстане, куда перед войной переселили ее семью. Окончила ТашГУ, училась в аспирантуре, защитила под руководством профессора Института русского языка Академии наук И. И. Ковтуновой кандидатскую диссертацию «Ритм и синтаксис русской художественной прозы конца XIX – первой трети XX века». Она автор вузовских учебно-методических и учебных пособий по синтаксису современного русского языка, исследователь орнаментальной и сказовой прозы конца XIX – начала XX в. (Н. Лесков, А. Белый, Ю. Тынянов, К. Федин и др.).

В русле синтаксической проблематики вела исследовательскую работу Людмила Федоровна Шильникова, автор кандидатской диссертации «Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке» [41], в которой рассматриваются репризные построения синтаксических конструкций и их актуальное членение.

Экспрессивные возможности синтаксических конструкций в художественных произведениях изучает Эльвина Аметовна Алиева. Ее кандидатская диссертация «Вопрос в художественно-прозаическом монологе», выполненная под руководством В. И. Забурдяевой, получила продолжение в монографии «Семантико-функциональные особенности вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале русской художественной прозы первой трети XX века)». Э. А. Алиева – автор учебного пособия «Современный русский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения». Ею подготовлены также учебные пособия с использованием инновацион-

ных технологий «Современный русский язык. Фонетика» и «Современный русский язык. Лексикология». Она неоднократный победитель конкурсов на лучшие дидактические материалы республиканского журнала «Преподавание языка и литературы».

С учетом языковой билингвальной ситуации в республике немаловажен такой аспект научной деятельности кафедры, как разработка вопросов контрастивной лингвистики и теории перевода. По этой тематике работает Фархад Халилович Халилов (род. в 1955 г.), автор более 70 научных и научно-методических работ. Он выпускник Каршинского государственного педагогического института, долгое время работал старшим преподавателем кафедры русского языка Центра языковой подготовки для иностранных граждан при Министерстве высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан. Изучает функционирование технической (в частности, авиакосмической) терминологии русского и узбекского языков, активно занимается переводческой деятельностью.

Проблемы современной методики и инновационных технологий преподавания русского языка на разных ступенях образования отражены в исследованиях Н. Ф. Зуевой, Х. И. Шигабудиновой, К. К. Юсуповой, Л. Ш. Муллабаевой.

Большой вклад в развитие кафедры внесли авторитетные преподаватели, долгое время проработавшие в университете. Это доценты Мария Викторовна Крылова, Зинаида Сергеевна Логинова, Наталья Филипповна Зуева, Людмила Валерьевна Вахрушева, старшие преподаватели Халима Исхаковна Шигабудинова, Ирина Рахимовна Хакимова, Татьяна Павловна Попова и др.

Обобщая сказанное, отметим, что научная проблематика кафедры на протяжении всей ее деятельности соответствовала ведущим тенденциям русистики и отражала особенности функционирования русского языка в Республике Узбекистан.

При начавшихся в 1992 г. переменах отнюдь не всё в культурно-языковой динамике было положительным. В 2019 г., когда отмечалось 25-летие Русского культурного центра, группа авторитетных представителей твор-

ческой и научной интеллигенции выступила с призывом вернуть русский язык в сферу общения на официальном уровне. Пафос опубликованного и поддержанного многими деятелями культуры открытого письма был выражен утверждением: «Русский язык нам не чужой». Необходимость провести переоценку ситуации и вернуться к признанию исторически сложившегося высокого статуса русского языка в Узбекистане признал президент Ш. М. Мирзиёев. Уже в 2018 г., озвучивая решение создать к 75-летию Победы мемориальный парковый комплекс в Ташкенте, он сообщил, что в республике планируется издать на узбекском языке серию «Шедевры русской классики», и подчеркнул: «Великая русская культура всегда была и будет неотъемлемой частью духовной жизни узбекского общества» [5].

Движению к сбалансированной культурно-языковой политике в значительной мере способствовал подписанный 11 октября 2021 г. меморандум о сотрудничестве между Министерством народного образования Узбекистана и Министерством просвещения Российской Федерации, а также совместный образовательный проект «Зўр!» («Класс!»), который информационно и финансово поддерживает благотворительный фонд А. Усманова «Искусство, наука и спорт». «Для фонда большая честь быть партнером такого стратегически важного проекта. Русский язык – это мост, объединяющий миллионы людей во многих странах мира, в том числе в Узбекистане и России. ...Это не просто поддержка образования, это поддержка наших общих традиций, наших талантов. Мы рады быть причастны к проекту, который направлен на инвестиции в человека», – высказалась об этом начинании заместитель директора фонда Фатима Мухомеджан [26]. По результатам этой договоренности Узбекистан посетили специалисты российских вузов, давшие в рамках гуманитарного проекта «Русский учитель за рубежом» оценку текущего уровня владения русским языком. Проведенный ими мониторинг языковых компетенций преподавателей и учащихся местных школ послужил базой для выработки конкретных рекомендаций. Одним из авторов школьных учебников, созданных совместно

в рамках данного проекта коллективом преподавателей-методистов России и Узбекистана, является уроженка Ташкента и выпускница ТашГУ Елизавета Александровна Хамраева – доктор педагогических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Неизменной площадкой конструктивного обсуждения языковых проблем с целью поддержки положительной динамики культурного выбора всегда были организуемые кафедрой русского языкознания НУУз республиканские научные, научно-практические конференции и семинары, регулярно публикуемые кафедрой сборники докладов, обсужденных на этих мероприятиях. Традиционной стала ежегодная Республиканская научно-практическая конференция «Русский язык и литература в Узбекистане», объединяющая преподавателей всех звеньев образовательной системы от школы до вуза. Отдавая дань памяти и уважения, кафедра организует Круглые столы, посвященные выдающимся ученым, с именами которых связаны знаковые моменты ее становления в период 1970–2000-х: к 80-летию А. Н. Тихонова, к 80-летию О. М. Ким, памяти С. И. Зинина.

Кафедра является разработчиком государственных образовательных стандартов и другой нормативной учебно-методической документации по направлениям бакалавриата и магистратуры для всех профильных вузов республики. Постоянно действующие научный и методический семинары кафедры предоставляют возможность обсуждения новых научных и методических разработок преподавателей, обмена мнениями по актуальным проблемам русистики и вопросам методики преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе. Молодые ученые, одаренная студенческая молодежь публикуют результаты своих исследований в сборнике материалов конференции «Молодая филология Узбекистана».

Укрепляются научные контакты кафедры с вузами, научно-исследовательскими и просветительскими учреждениями республики. Заключены договоры о сотрудничестве с СамГУ, Андижанским университетом, ТГПУ

Фото 13. Сотрудники кафедры русского языкознания НУУз в посольстве Болгарии на праздновании Рождества (2005 г.). Фото из личных архивов авторов

Photo 13. Employees of the Department of Russian Linguistics of the National University of Uzbekistan at the Embassy of Bulgaria at the celebration of Christmas (2005). Photo from the authors' personal archives

имени Низами, УзГУМЯ, академическими лицеями, образовательными школами, библиотеками и музеями, посольствами славянских стран и национальными культурными центрами. Совместно с Русским культурным центром Узбекистана кафедра участвует в проведении всемирной акции «Тотальный диктант», а также в организации многочисленных культурно-просветительских и методических мероприятий. Плодотворно и многолетнее сотрудничество с филологическими факультетами МГУ, Тульского государственного педагогического института, Псковского педагогического университета, Калмыцкого государственного университета. Регулярно проводятся совместные мероприятия с Российским центром науки и культуры в Узбекистане (Россотрудничество), образованным в октябре 2005 г.

Используются возможности дистанционных форм международного корпоративного сотрудничества: преподаватели ведущих российских вузов читают лекции и проводят онлайн-занятия по предметам историко-лингвистического цикла, культурологии для студентов и магистрантов НУУз, организуют онлайн-курсы повышения квалификации для преподавателей кафедры. Все больше студентов НУУз принимают участие в международных мероприятиях, направленных на популяризацию русского языка за рубежом: летние языковые школы, «Русские субботы», международные онлайн-олимпиады и студенческие конференции, диктанты, конкурсы эссе и др. В свою очередь, и преподаватели кафедры русского языкознания НУУз читают циклы лекций для студентов филологических специальностей российских вузов. Новой интересной формой знакомства с достижениями близкопрофильных кафедр различных зарубежных вузов стали совместные заседания кафедр, онлайн-участие в защитах докторских диссертаций, рецензирование научной и учебной продукции, совместные публикации.

Кафедра русской филологии НУУз прошла большой путь, накопив научный потенциал, который способствует решению актуальных задач современного образовательного процесса и подготовке новых поколений филологов. После распада СССР кафедра сохранила свою роль одного из наиболее авторитетных научных и академических центров обучения, исследования и популяризации русской литературы и русского языка в независимом Узбекистане, успешно продолжая традиции, заложенные предшественниками. Ее деятельность стала частью общего наследия русской культуры в мире. Уже этим оправдано наше обращение к истории кафедры, которое в формате научной статьи осуществляется впервые.

Nina G. ROGOZINNIKOVA

National University of Uzbekistan,
Tashkent, Republic of Uzbekistan,
nina.rogozinnikova@mail.ru

Elena Yu. TRETYAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof.,
Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Southern Branch,
Krasnodar, Russian Federation,
drevo_rechi@mail.ru

**Russian Linguistics at the National University of Uzbekistan:
History, Traditions, Heritage**

Abstract. The study is designed to comprehensively assess the contribution the scientific and pedagogical staff of the Department of Russian Linguistics of the National University of Uzbekistan made to linguistics and methods of teaching the Russian language during the 80 years of the history of the department (since 1942). The sources for the study were data from the archive of the National University, documents from the Office of Slavic Studies at the Department of Russian Linguistics, records of conversations with employees and graduates of the Faculty of Philology, information about the biographies of scholars and professors. The research was carried out on the basis of historical descriptive, cultural comparative, sociological, and biographical methods. The authors comprehensively analyze the research work of the department during eight decades, the most important information about the life and professional path of the department's staff (G.I. Kolyada, E.Sh. Miroshnik, V.A. Nizinskaya, D.D. Ilyin, L.L. Kim, A.N. Tikhonov, and others). Many of the staff members were natives of various regions of Russia and devoted themselves to the preservation of the Russian language, the development of the Russian-speaking scholarly space, which still serves as a fruitful intercultural cooperation between Uzbekistan and Russia and all countries where the positions of the Russian language are traditionally strong. The authors emphasize that it was the Department of Russian Linguistics that initiated the establishment of strong and long-term scientific ties with higher educational institutions in Russia, and the foundations of this interaction were formed back in the Soviet period. The authors characterize scholars' participation in the formation of the leading directions of the 20th-century linguistics (historical Russian studies, synchronic linguistics, Slavic studies, comparative linguistics); note the attention the staff of the department pay to the study and teaching of modern Slavic languages; assess the most significant achievements, including the original theories that contributed to the creation of scientific schools, well-known in the 1970s–1980s; analyze various forms of research and teaching activities of the staff of the department at the current stage of its history. The authors of the article conclude that the academic traditions developed at the department are promising in relation to new tasks and modern conditions of scientific and educational activities in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: Turkestan People's University, Tashkent State University, National University of Uzbekistan, Department of Russian Linguistics, historical Russian studies, synchronic linguistics, Slavic studies, comparative linguistics, teaching Russian in foreign cultural environment, Russian Cultural Center of Uzbekistan.

Использованная литература:

1. Атаева Р. Р. Поливершинные словообразовательные гнезда в русском языке. Автореф. дис... PhD по филологии. Ташкент: Академия ноширлик маркази, 2020.

References:

1. Ataeva, R.R. (2020) *Polivershinnye slovoobrazovatel'nye gnezda v russkom yazyke* [Polyvertext Word-Formation Families in Russian]. Abstract

2. Атаева Р. Р., Шереметьева А. Г. Современный русский язык. Словообразование: Сборник упражнений и лабораторных работ. Ташкент: Изд-во Нац. ун-та Узбекистана, 2017.
3. Бурдин С. М., Вradiй А. А., Мирочник Е. Ш. Старославянский язык. Ташкент: Учитель, 1966.
4. Введение в славянскую филологию: Курс лекц. / Сост. Е. Ш. Мирочник, Н. Г. Рогозинникова. Ташкент: Изд-во Нац. ун-та Узбекистана, 2000.
5. В Узбекистане построят парковый комплекс в память о Великой Победе // Ситуационный центр РСРП [Текст: электронный] URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/197211487> (Дата обращения 12.05.2022)
6. Голендер Б. А. Мои господа ташкентцы. История города в биографиях его знаменитых граждан. Ташкент: Infocom Uz, 2007.
7. Граменицкий С. М. Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. Ташкент: [б.и.], 1916.
8. Давшан А. Н. Памяти Сергея Ивановича Зинина // Звезда Востока. 2013. № 2. С. 128–129.
9. Диалог поколений [Текст: электронный] // Узбекистан. День в истории. URL: <https://uz2002.ru/dialog-pokolenij/amp> (дата обращения: 12.05.2022).
10. Зинин С. И. Антропонимика: Библиографический указатель литературы на русском языке. Ташкент: Изд-во Ташкент. гос. ун-та, 1968.
11. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию (Пособие для студентов-заочников). Ташкент: [б.и.], 1972.
12. Казакова О. П. Современный славянский язык. Чешский язык. Ташкент: Фан, 2012.
13. Кац Л. В. Азбука лингвистического исследования: В 2 ч. М.: Онега, 1994.
14. Ким Л. Л. Современный русский язык. Лексикология. Ташкент: Укитувчи, 1991.
15. Костетский В. А. Последняя книга С. И. Зинина («А. В. Ширяевец – поэт российский и туркестанский») // Звезда Востока. 2013. № 2. С. 130–132.
16. Кукатова О. А. Ролевая семантика актантов конверсивных пар эмотивных глаголов русского языка. Автореф. дис. ... PhD по филологии. Ташкент: Университет, 2012.
17. Кураева С. Ю. Методические указания и материалы по курсу «Историческая грамматика русского языка». Ташкент: Университет, 1987.
18. Мирочник Е. Ш., Шереметьева А. Г. История русского литературного языка: в 2 т. Ташкент: Университет, 2005.
19. Низинская В. А. Методические указания и контрольные работы по старославянскому языку. Ташкент: Университет, 1993.
20. Низинская В. А. Методические указания и материалы по курсу «Историческая грамматика». Ташкент: Университет, 1990.
21. Никифоров Д. С. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: [б.и.], 1952.
22. Никифоров Д. С. История русского литературного языка. М.: [б.и.], 1947.
23. Никифоров Д. С. Старославянский язык. М.: [б.и.], 1952.
- of a PhD Diss. (Philology). Tashkent: Akademiya noshirik markazi.
2. Ataeva, R.R. & Sheremet'eva, A.G. (2017) *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie: Sbornik uprazhneniy i laboratornykh rabot* [Modern Russian Language. Word Formation: A Collection of Exercises and Laboratory Tasks]. Tashkent: National University of Uzbekistan.
3. Burdin, S.M., Vradiy, A.A. & Mirochnik, E.Sh. (1966) *Staroslavjanskiy yazyk* [Old Slavonic Language]. Tashkent: Uchitel'.
4. Mirochnik, E.Sh. & Rogozinnikova, N.G. (2000) *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu: Kurs lekt.* [Introduction to Slavonic Philology: Course of Lectures]. Tashkent: National University of Uzbekistan.
5. REGNUM. (2018) *V Uzbekistane postroyat parkovyy kompleks v pamyat' o Velikoy Pobede* [A Park Complex in Memory of the Great Victory Will Be Built in Uzbekistan]. [Online] Available from: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/197211487> (Accessed: 12.05.2022).
6. Golender, B.A. (2007) *Moi gospoda tashkenttsy. Istoriya goroda v biografiyakh ego znamenitnykh grazhdan* [My Gentlemen From Tashkent. The History of the City in the Biographies of Its Famous Citizens]. Tashkent: Infocom Uz.
7. Gramenitskiy, S.M. (1916) *Polozhenie inorodcheskogo obrazovaniya v Syr-Dar'inskoy oblasti* [The Situation with Foreigners' Education in the Syr-Darya Region]. Tashkent: [s.n.].
8. Davshan, A.N. (2013) *Pamyati Sergeya Ivanoviicha Zinina* [In Memory of Sergei Zinin]. *Zvezda Vostoka*. 2. pp. 128–129.
9. Tillyabaeva, L. & Kim, M. (2002) *Dialog pokoleniy* [Dialogue of Generations]. [Online] Available from: <https://uz2002.ru/dialog-pokolenij/amp> (Accessed: 12.05.2022).
10. Zinin, S.I. (1968) *Antroponimika: Bibliograficheskiy ukazatel' literatury na russkom yazyke* [Anthroponymy Studies: Bibliographic Index of Literature in Russian]. Tashkent: Tashkent State University.
11. Zinin, S.I. (1972) *Vvedenie v russkuyu antroponimiyu (Posobie dlya studentov-zaochnikov)* [Introduction to Russian Anthroponymy (A Guide for Correspondence Students)]. Tashkent: [s.n.]. 1972.
12. Kazakova, O.P. (2012) *Sovremennyy slavyanskiy yazyk. Cheshskiy yazyk* [Modern Slavic Language. The Czech Language]. Tashkent: Fan.
13. Kats, L.V. (1994) *Azбука lingvisticheskogo issledovaniya: V 2 ch.* [The ABC of Linguistic Research: In 2 Parts]. Moscow: Onega.
14. Kim, L.L. (1991) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksikologiya* [Modern Russian Language. Lexicology]. Tashkent: Ukituvchi.
15. Kostetskiy, V.A. (2013) *Poslednyaya kniga S. I. Zinina ("A. V. Shiryaevets – poet rossiyskiy i turkestanskiy")* [The Last Book by S.I. Zinin ("A.V. Shiryaevets – a Russian and Turkestan Poet")]. *Zvezda Vostoka*. 2. pp. 130–132.
16. Kukatova, O.A. (2012) *Rolevaya semantika aktantov konversivnykh par emotivnykh glagolov russkogo yazyka* [Role Semantics of Actants of Convertive Pairs of Emotive Verbs of the Russian Language]. Abstract of a PhD Diss. (Philology). Tashkent: Universitet.
17. Kuraeva, S.Yu. (1987) *Metodicheskie ukazaniya i materialy po kursu "Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka"* [Methodological Guidelines and Materials for the His-

24. Никифоров Д. С. Старославянский язык. М.: [б.и.], 1955.
25. Остроумов Н. П. Сарты. Ташкент: [б.и.], 1896.
26. Подписан Меморандум о взаимодействии России и Узбекистана по изучению русского языка за рубежом // Минпросвещения России [Текст: электронный] URL: <https://edu.gov.ru/press/3005/podpisan-memorandum-o-vzaimodeystvii-rossii-i-uzbekistana-po-izucheniuyu-russkogo-yazyka-za-rubezhom/> (дата обращения 12.05.2022)
27. Рогозинникова Н. Г. Славистика. Ташкент: Tafakkur avlodi, 2020.
28. Русская диалектология: Конспект лекций / Сост. А. Г. Шереметьева. Ташкент: Университет, 2002.
29. Россияне в Узбекистане / Авт.-сост. В. А. Костетский. Ред. кол.: С. И. Герасимова и др. Ташкент: Нихол, 2008.
30. Ташкентский государственный университет имени В. И. Ленина. Ташкент: Университет, 1990.
31. Фаизова Ф. Ш. Статейные списки российских посланников в Среднюю Азию XVII в. как лингвистический источник: Автореф. дис. ... PhD по филологии. Ташкент: [б.и.], 2022.
32. Флыгин Ю. С. Как рождался Университет в Ташкенте [Текст: электронный] // ЦентрАзия. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1555967280> (дата обращения: 12.05.2022).
33. Флыгин Ю. С. Ранние страницы истории Национального университета Узбекистана // Звезда Востока. 2013. № 2. С. 139–144.
34. Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.
35. Шатуновский И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Языки славянских культур, 2016.
36. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Языки славянских культур, 1996.
37. Шереметьева А. Г., Атаева Р. Р. Интерактивное словообразование: Методич. пособие для фил. ф-тов. Ташкент: Изд-во Нац. ун-та Узбекистана, 2018.
38. Шереметьева А. Г. Методические материалы и контрольные работы по палеографии и истории русского языка. Ташкент: Университет, 1995.
39. Шереметьева А. Г. Основы общей и русской вариологии. Ташкент: Изд-во Нац. ун-та Узбекистана, 2012.
40. Шереметьева А. Г. Палеографические этюды. Ташкент: Изд-во Нац. ун-та Узбекистана, 2015.
41. Шильникова Л. Ф. «Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: [б.и.], 1976.
42. Til va adabiyot ta'limi. Преподавание языка и литературы. Language and literature teaching [Текст: электронный] // Tilvaadabiyot.uz. URL: <https://ru.tilvaadabiyot.uz/> (дата обращения: 31.05.2022).
43. Хорижий тилларни ўрганишни такомиллаштириш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг қарори, 19.01.2022 йилдаги 34-сон [О дополнительных мерах по совершенствованию изучения иностранных языков. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 19.01.2022 № 34] [Электронный ресурс] // Ўзбекистон Республикаси қонунчилик маъторical Grammar of the Russian Language Course]. Tashkent: Universitet.
18. Mirochnik, E.Sh. & Sheremet'eva, A.G. (2005) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t.* [History of the Russian Literary Language: In 2 Volumes]. Tashkent: Universitet.
19. Nizinskaya, V.A. (1993) *Metodicheskie ukazaniya i kontrol'nye raboty po staroslavianskomu yazyku* [Methodological Guidelines and Tests on the Old Slavonic Language]. Tashkent: Universitet.
20. Nizinskaya, V.A. (1990) *Metodicheskie ukazaniya i materialy po kursu "Istoricheskaya grammatika"* [Methodological Guidelines and Materials for the Course "Historical Grammar"]. Tashkent: Universitet.
21. Nikiforov, D.S. (1952) *Glagol, ego kategorii i formy v russkoy pis'mennosti vtoroy poloviny XVI veka* [Verb, Its Categories and Forms in Russian Writing in the Second Half of the 16th Century]. Moscow: [s.n.].
22. Nikiforov, D.S. (1947) *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [History of the Russian Literary Language]. Moscow: [s.n.].
23. Nikiforov, D.S. (1952) *Staroslavianskiy yazyk* [Old Slavonic Language]. Moscow: [s.n.].
24. Nikiforov, D.S. (1955) *Staroslavianskiy yazyk* [Old Slavonic Language]. Moscow: [s.n.].
25. Ostroumov, N.P. (1896) *Sarty* [Sarts]. Tashkent: [s.n.].
26. RF Ministry of Education. (2020) *Podpisan Memorandum o vzaimodeystvii Rossii i Uzbekistana po izucheniuyu russkogo yazyka za rubezhom* [A Memorandum of Cooperation Between Russia and Uzbekistan on the Study of the Russian Language Abroad Was Signed]. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/press/3005/podpisan-memorandum-o-vzaimodeystvii-rossii-i-uzbekistana-po-izucheniuyu-russkogo-yazyka-za-rubezhom/> (Accessed: 12.05.2022).
27. Rogozinnikova, N.G. (2020) *Slavistika* [Slavistics]. Tashkent: Tafakkur avlodi, 2020.
28. Sheremet'eva, A.G. (2002) *Russkaya dialektologiya: Konspekt lektsiy* [Russian Dialectology: Lecture Notes]. Tashkent: Universitet.
29. Kostetskiy, V.A. (2008) *Rossiyane v Uzbekistane* [Russians in Uzbekistan]. Tashkent: Nihol.
30. Anon. (1990) *Tashkentskiy gosudarstvennyy universitet imeni V. I. Lenina* [Tashkent State University Named After V.I. Lenin]. Tashkent: Universitet.
31. Faizova, F.Sh. (2022) *Stateynye spiski rossiyskikh poslannikov v Srednyuyu Aziyu XVII v. kak lingvisticheskiy istochnik* [Lists of Russian Envoys to Central Asia in the 17th Century as a Linguistic Source]. Abstract of a PhD Diss. (Philology). Tashkent.
32. Flygin, Yu. (2019) *Kak rozhdalsya Universitet v Tashkente* [How the University in Tashkent Was Born]. [Online] Available from: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1555967280> (Accessed: 12.05.2022).
33. Flygin, Yu.S. (2013) *Rannie stranitsy istorii Nacional'nogo universiteta Uzbekistana* [Early Pages of the History of the National University of Uzbekistan]. *Zvezda Vostoka*. 2. pp. 139–144.
34. Shatunovskiy, I.B. (2009) *Problemy russkogo vida* [Problems of the Russian Aspect]. Moscow: Yazyki slavyanski-kh kul'tur.
35. Shatunovskiy, I.B. (2016) *Rechevye deystviya i deystviya mysli v russkom yazyke* [Speech Actions and Actions of Thought in Russian]. Moscow: Yazyki slavyansk. kul'tur.

лумотлари миллий базаси [Национальная база данных законодательной информации Республики Узбекистан]. URL: <https://lex.uz/pdfs/5831978> (дата обращения: 12.05.2022).

36. Shatunovskiy, I.B. (1996) *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova* [Sentence Semantics and Non-referential Words]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

37. Sheremet'eva, A.G. & Ataeva, R.R. (2018) *Interaktivnoe slovoobrazovanie: Metodich. posobie dlya fil. f-tov* [Interactive Word Formation: Methodological Guide for Faculties of Philology]. Tashkent: National University of Uzbekistan.

38. Sheremet'eva, A.G. (1995) *Metodicheskie materialy i kontrol'nye raboty po paleografii i istorii russkogo yazyka* [Methodological Materials and Tests on Paleography and the History of the Russian Language]. Tashkent: Universitet.

39. Sheremet'eva, A.G. (2012) *Osnovy obshchey i russkoy variologii* [Fundamentals of General and Russian Variology]. Tashkent: National University of Uzbekistan, 2012.

40. Sheremet'eva, A.G. (2015) *Paleograficheskie etyudy* [Paleographic Studies]. Tashkent: National University of Uzbekistan.

41. Shil'nikova, L.F. (1976) *Printsipy organizatsii segmentirovannykh tekstov v sovremennom russkom yazyke* [Principles of Organizing Segmented Texts in Modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

42. Tilvaadabiyot.uz. (2022) *Til va adabiyot ta'limi. Prepodavanie yazyka i literatury. Language and literature teaching*. Journal Website. [Online] Available from: <https://ru.tilvaadabiyot.uz/> (Accessed: 31.05.2022). (In Uzbek).

43. Lex.uz. (2022) *On Additional Measures to Improve the Study of Foreign Languages. Decree of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan of January 19, 2022, No. 34*. [Online] Available from: <https://lex.uz/pdfs/5831978> (Accessed: 12.05.2022). (In Uzbek).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Рогозинникова, Н. Г. Русское языкознание в Национальном университете Узбекистана: история, традиции, наследие / Н. Г. Рогозинникова, Е. Ю. Третьякова // Наследие веков. – 2022. – № 2 – С. 24-46. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.002

Full bibliographic reference to the article:

Rogozinnikova, N.G. & Tretyakova, E.Yu. (2022) Russian Linguistics at the National University of Uzbekistan: History, Traditions, Heritage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 24-46. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.002

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ЗАУСТ София Константиновна

кандидат искусствоведения,
доцент кафедры педагогики и психологии профессионального
образования Института экономики и социальных технологий,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Sofia K. ZAUST

Cand. Sci. (Art History),
Institute of Economics and Social Technologies,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
Saint Petersburg, Russian Federation
zaust00@bk.ru

УДК: [391:75]:7.046"188" (470+571)
ГРНТИ: 18.31.31
ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.003

**Актуализация нарративных
функций костюма в
произведениях
изобразительного искусства
(на примере живописных полотен
В. М. Васнецова)**

**Actualization of the Narrative
Functions of the Costume
in Works of Fine Art
(On the Example of Paintings
by Viktor Vasnetsov)**

Статья посвящена выявлению и описанию нарративной функции костюма и его деталей в четырех сказочных сюжетных полотнах В. М. Васнецова. Картины рассмотрены в качестве примеров удачных визуальных нарративов, соответствующих нарративу устному (сказке). Охарактеризованы сюжетные и композиционные особенности полотен, подробно описаны костюмы изображенных персонажей. Значительное внимание уделено элементам одежды, раскрыто их внутреннее смысловое содержание в контексте изображенных сюжетов. Установлено, что актуализация нарративной функции костюма позволила выдающемуся русскому художнику обеспечить динамику живописного изображения, более рельефно выразить конфликт, лежащий

в основе сюжета, способствовать погружению зрителя в столь характерное для русских волшебных сказок состояние «саспенса» – неопределенности, напряжения и тревожности перед встречами с таинственным.

Ключевые слова: В. М. Васнецов, русская живопись, функции костюма, волшебная сказка, костюм в живописи, нарратив, визуальный нарратив, нарративная функция, сказочный цикл В. М. Васнецова.

В настоящее время российское общество нуждается в идеях, обладающих социоинтегративным потенциалом, при этом совершенно очевидно, что неиссякаемым источником таких идей является богатейшая русская культура, имеющая многовековую историю. При этом объединяющую роль играют, как правило, идеи, выраженные посредством образов и символов, знакомых и понятных большинству соотечественников. Эти идеи и связанные с ними символы обретают визуальную форму, становясь предметом творчества художников, и именно поэтому изучение национальной живописи с точки зрения семиотики является важным звеном поиска оснований общероссийской социокультурной идентичности, формирование и укрепление которой во многом обеспечивает стабильное поступательное развитие общества.

По выражению К. Леви-Стросса, живопись, как и каждый язык, «состоит из особого кода, элементы которого порождены комбинацией менее многочисленных единиц, которые сами восходят к более общему коду» [8, с. 34]. Таким образом, любое живописное полотно в семиотическом аспекте можно понимать как имеющий многоуровневую природу текст, систему знаков, художественных образов, посредством которых эмоциональные переживания автора доносятся до воспринимающих его произведение зрителей. В этом пространстве коммуникации художественные образы представляют собой закодированные сообщения, или визуальный нарратив, который «обладает при прочтении многогранными возможностями для понимания» [3, с. 28].

Нарратив – научная междисциплинарная категория, по своему смысловому содержанию близкая к понятию «рассказ» (повествование) и поначалу применявшаяся почти исключи-

тельно в языкознании и литературоведении. В подобном прочтении термин «нарратив» схож по значению с описанием и изображением, но, как правило, отождествляется с сюжетом, акцентируя при этом внимание на событиях.

Первыми знак равенства между нарративом и сюжетом поставили русские формалисты (представители отечественной формальной школы; существовала с 1916-го по 1930-е гг.), которые считали нарративом текстовый способ изложения фабулы – фактической стороны повествования с событиями, случаями, действиями. При этом фабула и сюжет соотносились так же, как материал и прием [11, с. 34] [13, с. 81], то есть как не имеющая автора анонимная история и авторская индивидуальная работа по ее изложению. Таким образом, сюжет рассматривался как полностью авторская привилегия.

Однако отечественное литературоведение анализирует сюжетно-повествовательные тексты не только с помощью методов формализма, но также на основе концепции структурализма – междисциплинарного течения в социальных науках XX в., наибольшая популярность которого наблюдалась в 1950–60-е гг. во Франции. Именно структуралисты причислили к нарративу не только словесные произведения и художественный текст, но и кинофильм, а также балет, скульптуру, картину и т.д. (то есть любые произведения, так или иначе описывающие изменение состояний их героев). В постмодернистском (по большей части постструктуралистском) прочтении нарратив выступает понятием, фиксирующим «процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного (или, по Р. Барту, “сообщающего”) текста» [4, с. 327]. Именно нарратив, согласно Р. Барту, определяет смысл произведения, становясь

историей, в которой связанные между собой события распределяются во времени: «темпоральность и каузальность (которые на самом деле никогда не встречаются в повествовании в чистом виде) обеспечивают своего рода естественность, понятность, удобочитаемость рассказа» [1, с. 458]. В результате такого распределения формируются и сюжет, и смысл в сознании читателя, по мысли постструктуралистов [5, с. 12].

Столь выразительный пример устного нарратива, как сказка, представляет собой прежде всего материал для исследования фольклористов, имеющих дело не со структурой, но с содержанием. Между тем во всяком нарративе рано или поздно обнаруживает себя рассказчик, то есть опосредованное произведением авторское сознание. Нарратив же становится для автора средством фиксации смысла и формирования целостного образа, например, картины, сюжет которой относится к определенному историческому периоду, бытовой или фантастической истории. Для того чтобы рассказать о событии, необходимо, чтобы оно сбылось, поэтому в таком тексте обычно доминируют глаголы прошедшего времени совершенного вида. Если же речь идет о сюжетной живописи, доминантами становятся образы, которые позволяют «расслышать» нарратив картины. Советский и российский лингвист В. Н. Топоров, классифицируя нарративы согласно их сакральности и несакральности, а также сказочности и несказочности, причислял сказку к несакральному нарративу [15, с. 572].

Кроме того, значительной составляющей повествования для нарратологии является функция (то есть сами действия персонажей) [12, с. 20]. Для нашего исследования важен тот факт, что основной сюжетный источник полотен одного из ведущих ретрансляторов «сказочного лепета далеких столетий» [10, с. 141] В. М. Васнецова – это миф и сказка.

Отметим, что в визуальном нарративе (к нему причисляют и станковую живопись) функции всегда дополняются атрибутами, которые часто становятся ведущими. Эти атрибуты или вещи уподобляют живопись анаграмме, способствуя ее дешифровке. Вещь, понимаемая В. Н. Топоровым как память

и материализованное время существования каждого из нас [14, с. 17], в контексте изобразительного искусства способна создавать многоуровневую повествовательность [7, с. 51]. Вещи или элементы картины способны рассказывать о чем-то, образуя довольно сложные нарративные конструкции – сюжетные картины. При этом каждая из вещей становится персонажем с собственным «голосом», включенным в эту конструкцию. Таким образом, пространственное искусство (живопись) присвоило себе коммуникативный механизм искусства словесного, так что мы можем определить композицию сюжетной картины как тайнопись с обилием скрытых смыслов. Костюм как значимый элемент сюжетной картины может быть рассмотрен в качестве одной из таких «говорящих» вещей. Исследовать костюм и его детали в составе сюжетной картины так, как глаголы прошедшего времени совершенного вида в тексте о событии, значит описывать его нарративную функцию.

Таким образом, цель исследования – на примере нескольких живописных полотен В. М. Васнецова выявить художественные задачи, которые могут решаться посредством актуализации нарративной функции одежды изображенных персонажей и ее атрибутов. Источниками при этом послужили сами изучаемые картины, а также результаты смежных исследований, предпринятых искусствоведами и культурологами.

Методология научной работы базируется на уже описанных выше подходах, присущих структурализму и постструктурализму и позволяющих воспринять произведение живописи не только как закодированное сообщение, но прежде всего как некую структуру, элементы которой находятся во взаимосвязи и взаимозависимости и при этом могут относиться к разным структурным уровням. Такой подход помогает «осмыслить все многообразие реально данных культурных текстов как единую, структурно организованную систему» [9, с. 465].

Несмотря на важность религиозного начала для творчества В. М. Васнецова, его сказочные полотна имели светский характер, что позволяет нам рассматривать их в качестве несакрального визуального повествования.

Особенное значение в данном случае приобретает «слышимость» – эффект, присущий картинам васнецовского сказочного цикла. Вероятно, именно его имели в виду критики конца XIX в., когда описывали особенное качество работ В. М. Васнецова, благодаря которому произошло возвращение «культурной публики и отечественного изобразительного искусства к национальным корням» [2, с. 254].

Напомним, что «костюм в исторической картине начала XX в. становится ретранслятором смысла, сообщенного ему “языком картины”. Этот язык, формируемый за счет цветовых и композиционных эффектов, не предполагает грамматического прочтения, но позволяет воспринимать произведение – объект герменевтического истолкования – на уровне эстетического переживания» [6, с. 113]. Между тем язык полотен В. М. Васнецова, в основе которых лежат сказочные сюжеты, по нашему мнению, подразумевает именно грамматическое прочтение, то есть отдельную интерпретацию всех элементов картины, участвующих в нарративе, изложении сказочного сюжета.

Достижение целей исследования будет способствовать более глубокому научному постижению творческого метода В. М. Васнецова, а также некоторым образом расширит представления о содержательной роли и семантическом значении костюма изображаемых персонажей и его атрибутов в русской живописи конца XIX – начала XX вв.

Одним из наиболее известных сказочных сюжетов в живописи В. М. Васнецова считается полотно «Аленушка» (1881) (Рис. 1), на котором, на первый взгляд, не изображено ничего сказочного или фантастического. Современники художника, первые зрители картины, утверждали, что разгадать ее сюжет сходу было непросто: перед ними предстала «простая босоногая девочка в стареньком, кое-где порванном платье... Она одиноко сидит на камнях у лесного озера, всецело погруженная в свои детские мечты» [5, с. 184]. Критики, впервые увидевшие полотно, сетовали, что лицо васнецовской Аленушки вовсе не детское и даже не народно-бытовое: «это лицо “вообще”, лицо, находящееся даже в противоречии с остальной фигурой... Зритель ожидает встретить у Аленушки другое лицо»

Рис. 1. В. М. Васнецов «Аленушка», 1881. Государственная Третьяковская галерея
Fig. 1. Alyonushka, 1881, by Viktor Vasnetsov. State Tretyakov Gallery

[5, с. 185]. Маленьким сюжетом на большом полотне назвал «Аленушку» С. В. Флеров, увидевший в героине девочку 11–12 лет: «Девочка босоногая и босоголовая, в плохом платьишке, с растрепанными, безобразно написанными рыжими волосами» (Цит. по [2, с. 267]). Эту картину С. В. Флеров прямо именуется шарадой, упоминая, что, по одной из версий, художник нарочно изобразил деревенскую дурочку. Однако эту версию критик тут же опровергает, отмечая, что автор не наделил свою героиню соответствующими чертами лица. Между тем первоначально картина действительно называлась «Дурочка Аленушка», а ее появление было связано со встречей автора с поразившей его воображение, полной тоски и одиночества простоволосой девушкой. Это случилось в деревне Ахтырка, чьи виды художник много писал. Для нас же важно, что В. М. Васнецов изобразил костюм Аленушки так, как того

требует сказочный нарратив, хотя ассоциации со сказкой о сестрице, отправившейся искать братца, унесенного гусями-лебедями, возникли у зрителей намного позже. Что же послужило основой для подобных ассоциаций?

Васнецовская Аленушка, чья фигура представляет собой своеобразный иероглиф, повторяющийся от эскиза к эскизу, одета в черный, как вода в пруду, глухой сарафан, по которому, будто пожелтевшие листья на воде, разбросаны пестрые цветы. Юбка сарафана разорвана в одном месте, и художник демонстрирует эту важную деталь, которая напоминает нам о том, что безутешная героиня, вероятно, долго бродила по лесу в поисках брата. Простая белая нижняя юбка-понева заметна сквозь прореху, а из-под ее кромки видны босые, коричневатые от загара и пыли ступни девочки. Сарафан, перевязанный на талии плетеным, со сложным узором (а не просто крученым, каким подпоясывали детей) поясом, надет поверх серой, пятнистой, очевидно плотной, возможно, утепленной блузы с многократно закатанными рукавами.

Художник не одел героиню в традиционный русский народный костюм с домотканой белой вышитой рубахой, не сделал ее статной крестьянкой, не изобразил аккуратную геометрию складок на сарафане, а на эскизах к картине мы и вовсе видим девочку-подростка в домашнем синем платье и белом фартуке. Закономерным кажется вывод: Аленушка В. М. Васнецова – живая русская девочка конца XIX в., одетая в соответствии со временем года, возрастом и социальным статусом. Главное качество, объединяющее весь костюм, – небрежность, даже хаос. То есть костюм здесь – это движение, действие, история, нарратив. Цветовая гамма одежды, волос, кожи девочки сочетается с пейзажем, что делает Аленушку частью природы. Она будто нарочно замерла и склонила голову, чтобы спрятаться возле темной воды, на фоне темного, написанного не сказочным, но вполне реалистичным, унылого леса. Детали костюма, которые подметил или специально придумал художник, изменили первоначальный замысел картины, вмешавшись в композицию, изложив сюжет русской народной сказки «Гуси-лебеди» там, где таковой не подразумевался.

Междутем первыми полотнами, написанными В. М. Васнецовым на основе каноничных сказочных текстов, стали два из трех масштабных живописных панно, предназначенных для интерьеров здания Правления Донецкой железной дороги. Донецко-Мариупольская железная дорога С. И. Мамонтова была запущена в 1882 г., связав Донецкий угольный бассейн с Мариупольским портом. Перспективы новой магистрали промышленник-меценат задумал отразить в картинах-символах. По его заказу В. М. Васнецовым были написаны три панно, в основу двух легли сказочные сюжеты: «Ковер-самолет» (1880) – символ новой скоростной магистрали и «Три царевны подземного царства» (1881) – символ богатства донецких недр.

«Ковер-самолет» (Рис. 2) – картина, демонстрирующая триумф скорости, силу движения и безусловную победу национального начала. Сюжетная основа полотна – народные волшебные сказки о сияющей птице с золотыми и серебряными крыльями, на поиски которой отправляется Иван-царевич, в данном случае, возвращаясь с победой на цветном летающем ковре. Сюжет картины понятен и узнаваем, для его прочтения, казалось бы, не требуется детальной дешифровки. Однако нарративная функция изображенного здесь мужского древнерусского костюма расширяет зрительское представление о сказке и ее герое: не абстрактном и вымышленном, но конкретном, живом человеке, который существует и действует в предложенных обстоятельствах так, как действовал бы актер, надев тот или иной театральный костюм.

Дорогой распахнутой верхний кафтан, полы которого развеивает ветер, демонстрирует нижний кафтан царевича. Щеголеватый кафтан с высоким воротником (kozyрем), подпоясанный узорным широким красным кушаком, В. М. Васнецов снабдил декоративными длинными рукавами, характерными для другой разновидности верхней мужской одежды допетровского времени – охабени. Обычно такие рукава достигали 120 сантиметров в длину и руку в них продеть было невозможно, поэтому использовались специальные проймы. Между тем, художник изображает Ивана-царевича держащимся за ножны своего меча

Рис. 2. В. М. Васнецов «Ковер-самолет», 1880.
 Нижегородский Государственный художественный музей
 Fig. 2. The Flying Carpet, 1880, by Viktor Vasnetsov.
 Nizhny Novgorod State Art Museum

полностью продетой в длинный рукав рукой, тогда как на плече героя хорошо видна окантованная пройма. Другой рукой, уже продетой в пройму, герой держит клетку с Жар-птицей, а узкий рукав развеивается по ветру за его спиной. Так, наглядно продемонстрировав зрителю способ носить старинную одежду, художник «оживил» костюм, описал с его помощью историю о путешествии Ивана-царевича, позволил нам самим представить, как собирался он в путь, как охотился за Жар-птицей, не жалея себя, и как он, решительно глядя вперед, и впредь будет жить согласно законам сказочного нарратива.

Наибольший интерес для настоящего исследования, как нам кажется, представляет панно «Три царевны подземного царства» (Рис. 3), написанное годом позже. Основой его стала сказка о том, как крестьянский сын Иван спустился под землю, нашел там три царства (золота, драгоценных камней и меди) и вывел наверх трех их царевен. Сюжет этой не столь известной сказки невозможно прочесть, глядя на картину, знание текста здесь необходимо, однако и оно не дает ощущения событийно-

сти. Единственным рассказчиком оказывается костюм, которому художник уделил много внимания, искусно и детально проработал. Оказалось, что рассматривать статичные фигуры трех царевен в их роскошных убранствах – единственный способ зрителя читать зашифрованную в картине сказку «Подземные царства».

Три величественные героини расположены на красно-черном фоне предзакатных гор. В левой части полотна изображены две царевны (золотого царства и царства драгоценных камней), их фигуры симметричны, силуэты схожи и лишь взгляды разнонаправлены. Обе облачены в женские боярские одеяния XVII в. (летники) с характерными длинными рукавами, представляющими единое целое с подолами. Парчовые распашные, расшитые жемчугом, золотом и драгоценными камнями верхние тяжелые платья двух царевен сверху завершаются оплечьями (бармами) – круглыми широкими воротниками. Костюмы героинь отличаются друг от друга цветом нижних и верхних платьев, декором, длиной рукавов и подолов. Руки, украшенные на за-

Рис. 3. В. М. Васнецов «Три царевны подземного царства», 1881. Государственная Третьяковская галерея
Fig. 3. Three Princesses of the Underworld, 1881, by Viktor Vasnetsov. State Tretyakov Gallery

пястях поручами, они держат сложенными на животах, что придает фигурам статность. Нам видны лишь кончики пальцев царевен, унизанные перстнями и аккуратно придерживающие треугольники белых блестящих шелковых платочков. По обилию золота в costume одной царевны и драгоценных камней в costume другой мы узнаем об их принадлежности подземным царствам. Головной убор «золотой» царевны – высокий, состоящий из лепесткообразных фрагментов кокошник, украшенный тонкими жемчужными подвесками (ряснами). Более холодный образ ее сестры завершают невысокий венец из драгоценных камней с массивными ряснами и полностью скрывающее шею объемное ожерелье.

Очевидно, что сюжет картины развивается по мере того, как зритель переводит взгляд, уставший от подробностей и роскоши нарядов двух старших сестер, и замечает справа отдельно стоящую, более низкую фигуру младшей царевны на черном угольном фоне. Ее легкое, струящееся, почти бесформенное, сверкающее одеяние, украшенное бриллиан-

тами, кажется слишком футуристичным не только в контексте времени написания картины. Платье «угольной» царевны не имеет признаков исторического костюма, в нем нет ничего русского. Однако, как известно, скромная фигура в сказочном венце символизирует главное и самое дорогое богатство Донецкой земли – каменный уголь (В. М. Васнецов заменил медь из сказки углем, что было необходимо для символизации богатств донбасских недр). Так, младшая царевна становится героиней нового, приближающегося двадцатого века с его принципиально иным взглядом на человека, историю, культуру, о чем говорит непохожесть ее на сестер.

В этой монументальной композиции, вовсе лишенной динамики, художник рассказал историю только за счет описания вещей, то есть за счет визуального нарратива. Все три фигуры чужды странному, неприветливому пейзажу. На их лицах томление, грусть, задумчивость, они как будто готовы исчезнуть на глазах у зрителя, оставив впечатление, схожее тому, что нередко оставляет в нашем сознании сновидение: мы долго помним увиденную во сне яркую, очень реалистичную деталь, при этом сложные сюжетные перипетии забываются сразу после пробуждения. Сказочность полотна В. М. Васнецова тоже формируется в нашей памяти благодаря детально проработанному костюму, раскрывающемуся постепенно, увлекающему наше воображение, делая пространственное искусство временным.

«Три царевны подземного царства» были излюбленной картиной самого художника, а его брат писал о ней: «Ничего нет на выставке, что сравнилось бы по широте письма и натуральности» (Цит. по [5, с. 200]). В 1884 г. В. М. Васнецов создал вариант картины под тем же названием, немного изменив композицию и колорит, отчего она стала еще более утонченной.

К этим двум изначально интерьерным работам примыкает картина «Иван-царевич на Сером Волке» (Рис. 4) (1889) – знаменитая масштабная иллюстрация, которую В. М. Васнецов создавал во время работы над росписями Владимирского собора в Киеве и сразу после завершения представил на очередной передвижной выставке. Образ Елены Прекрасной, которую, словно сонную, прижимает к себе Иван-царевич, создавался художником на основе портретов сестер Мамонтовых – Натальи Анатольевны и Татьяны Анатольевны (1882). Это каноничное сказочное полотно В. М. Васнецова – своеобразный эталон жанра. В костюмах героев картины много золота и металла: полувосточный голубой летник Елены Прекрасной отделан золотой окантовкой и металлическими гладкими поручами, талия перетянута золотым поясом, а голову с развевающимися золотистыми волосами венчает шапочка с металлическими ряснами. Отделан золотом кафтан Ивана-царевича, золотым шитьем украшена его черная рукавица, намечающая центр композиции, вслед за ним тянется меч в золотых ножнах. Все это обилие металлических деталей заставляет зрителя слышать звон и шорох, сопровождающие бегство героев, мчащихся на замершем в вечном прыжке волке «из мехового магазина» [2, с. 236], которого все мы, будучи детьми и слушая волшебные сказки, скорее всего, представляли себе именно таким. Итак, костюм в этой картине означает действие, сопровождаемое звуками, чье происхождение можно проследить визуально.

На всех четырех рассмотренных полотнах костюм персонажей в целом и его отдельные атрибуты являются, с одной стороны, элементами динамического характера, придающими подвижность застывшей, казалось бы, в статичном состоянии живописной форме, а с другой – подчеркивают авторский замысел, фокусируя внимание на скрытых на первый взгляд смыслах и подтекстах. Так, черный сарафан Аленушки с одноименной картины украшен разноцветными цветами, причем динамика их расположения соотносится с ритмом, в соответствии с которым изображены листья на водной глади, отражающей образ девушки. Этот прием призван показать нераз-

Рис. 4. В. М. Васнецов «Иван-царевич на Сером Волке», 1889.

Государственная Третьяковская галерея
Fig. 4. Ivan Tsarevich on the Gray Wolf, 1889, by Viktor Vasnetsov. State Tretyakov Gallery

рывную органичную связь персонажа и окружающей природы.

Облик младшей царевны («Три царевны подземного царства») и ее одеяние во многом противопоставлены художником массивной статике величественных костюмов двух ее сестер. Вместе с тем эта антиномия сама по себе не является единственным визуальным нарративом полотна: сам образ царевны каменного угля можно воспринимать как олицетворение грядущего мира, ценности которого отнюдь не коррелируют с помпезной величием ушедших эпох.

Другие рассмотренные полотна («Ковер-самолет» и «Иван-царевич на Сером Волке») наполнены внутренним динамизмом, при этом именно манера и характер изображения костюмов являются чуть ли не основным средством художественной передачи этой динамики. Обогащенные внутренним смыслом сюжеты не только насыщены образностью,

успешное сочетание элементов позволят воспринимать нарратив полотен в качестве цельной структуры, обладающей потенциалом к дальнейшему временному развитию, к продолжению изображенного действия, ожидание которого формируется в сознании воспринимающего картину зрителя.

Таким образом, можно заключить, что нарративная функция костюма в знаменитых сказочных живописных панно В. М. Васнецова

становится условием событийности, то есть основой для необходимого жанра тем и объектов. Нарративная функция костюма в сюжетных фольклорных картинах художника обеспечивает живописному изображению динамику, организует конфликт и производит целый ряд эффектов, погружая зрителя в состояние «саспенса» – характерного для волшебной сказки тревожного ожидания, беспокойства перед встречей с неизведанным.

Sofia K. ZAUST

Cand. Sci. (Art History),

Institute of Economics and Social Technologies,

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,

Saint Petersburg, Russian Federation,

zaust00@bk.ru

***Actualization of the Narrative Functions of the Costume
in Works of Fine Art (On the Example of Paintings by Viktor Vasnetsov)***

Abstract. In the article, on the example of four paintings by Viktor Vasnetsov, the author reveals the range of artistic tasks that can be solved by the artist through the actualization of the narrative function of the clothes of the depicted characters and costume details. The sources for the study were the paintings themselves, as well as the results of related research undertaken by art historians and culturologists. The methodology is based on the approaches inherent in structuralism and post-structuralism (Yuri Lotman, Roland Barthes) and allowing one to perceive a work of art as a coded message accessible for analysis and as a kind of a structure, whose elements are interconnected and interdependent. Canvases based on fairy tales written by Vasnetsov are considered as examples of successful visual narratives that correspond to an oral narrative (a fairy tale). The author shows how the details of the costume, which Vasnetsov depicted, intervened in the composition, changing the original idea of the painting *Alyonushka* (1881). The author states that the plot of this tale, which tells about a sister looking for her lost brother, was expressed in the painting using not quite ordinary images and techniques. The author notes that, in the monumental composition of the panel *Three Princesses of the Underworld* (1884), the artist was able to tell the story only through the description of things – the details of the heroines' costumes. These details form the basis of the visual narrative, and consideration of the static figures of the three princesses in their luxurious outfits is the only way for the audience to read the fairy tale "Underground Kingdoms", encrypted in the picture. The author emphasizes that the narrative function of the ancient Russian male costume, which Ivan Tsarevich, the character of the painting *The Flying Carpet* (1880), is wearing, expands the viewer's understanding of the fairy tale and its hero as a concrete, living person. The author analyzes Vasnetsov's large-scale illustration *Ivan Tsarevich on the Gray Wolf* (1889) and determines that the dynamic manner of depicting the costume details creates a potential expectation of the continuation of the depicted action, which is formed in the mind of the viewer perceiving the picture. The author concludes that the actualization of the narrative function of the costume allowed Vasnetsov to ensure the dynamism of the pictorial image, to express the conflict underlying the plot more clearly, to help immerse the viewer in the state of "suspense" – uncertainty, tension and anxiety before meeting with the mysterious – so characteristic of Russian fairy tales.

Keywords: Viktor Vasnetsov, Russian painting, costume functions, fairy tale, costume in painting, narrative, visual narrative, narrative function, Vasnetsov's fairy tale cycle.

Использованная литература:

1. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989, С. 424-462.
2. Виктор Васнецов. Письма. Новые материалы / авт.-сост. Людмила Короткина. СПб.: АРС, 2004.
3. Горюнова Т. А. Язык и образ в искусстве: эстетика взаимодействия // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 25-31. С. 28. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.021
4. Грицанов А. А. Нарратив // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 327-329.
5. Евстратова Е.Н. Виктор Васнецов. М.: Терра, 2004.
6. Зауст С.К. Костюм в русской исторической живописи второй половины XVIII–XIX в. : дис. ... кандидата искусствоведения. Краснодар, 2020.
7. Злыднева Н. В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М.: Индик, 2013.
8. Леви-Стросс К. Из книги «Мифологические. I. Сырое и вареное» // Семиотика и искусствознание / Сост. и ред. Ю. М. Лотмана и В. М. Петрова. М.: Мир, 1972. С. 27-49.
9. Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. С. 462-484.
10. Маковский С.К. Силуэты русских художников. М.: Республика, 1999.
11. Маслов Е.С. Что такое нарратив. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / Науч. ред., коммент. И. В. Пешкова, М.: Лабиринт, 2001.
13. Сухих С. И. «Технологическая» поэтика формальной школы. Из лекций по истории русского литературоведения. Нижний Новгород: КиТиздат, 2001.
14. Топоров В. Н. Апология Плюшкина: вещь в антропологической перспективе // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура. 1995. С. 7-112. С. 17.
15. Топоров В. Н. История и мифы // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. I. С. 572-574.

References:

1. Barthes, R. (1989) *Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po* [Textual Analysis of a Tale by Edgar Poe]. In: Kosikov, G.K. (ed.) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 424-462.
2. Korotkina, L. (2004) *Viktor Vasnetsov. Pis'ma. Novye materialy* [Viktor Vasnetsov. Letters. New Materials]. St. Petersburg: ARS.
3. Goryunova, T.A. (2020) Language and Image in Art: Aesthetics of Interaction. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2 (136). pp. 25-31. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.021
4. Gritsanov, A.A. (2007) *Narrativ* [Narrative]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiy filosofskiy slovar'. Postmodernizm* [The Latest Philosophical Dictionary. Postmodernism]. Minsk: Sovremennyy literator, pp. 327-329.
5. Evstratova, E.N. (2004) *Viktor Vasnetsov*. Moscow: Terra.
6. Zaust, S.K. (2020) *Kostyum v russkoy istoricheskoy zhivopisi vtoroy poloviny XVIII-XIX v.* [Costume in Russian Historical Painting of the Second Half of the 18th-19th Centuries]. Art Criticism Cand. Diss. Krasnodar.
7. Zlydneva, N.V. (2013) *Vizual'nyy narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya* [Visual Narrative: An Experience of a Mythopoetic Reading]. Moscow: Indrik.
8. Levi-Strauss, C. (1972) *Iz knigi "Mifologichnye. I. Syroye i varenoe"* [From the Book "The Raw and the Cooked"]. Translated from French. In: Lotman, Yu.M. & Petrov, V.M. (eds) *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and Artmetry]. Moscow: Mir. pp. 27-49.
9. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPb. pp. 462-484.
10. Makovskiy, S.K. (1999) *Siluety russkikh khudozhnikov* [Silhouettes of Russian Artists]. Moscow: Respublika.
11. Maslov, E.S. (2020) *Chto takoe narrativ* [What a Narrative Is]. Kazan: Kazan State University.
12. Propp, V.Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Moscow: Labirint.
13. Sukhikh, S.I. (2001) *"Tekhnologicheskaya" poetika formal'noy shkoly. Iz lektsiy po istorii russkogo literaturovedeniya* ["Technological" Poetics of the Formal School. From Lectures on the History of Russian Literary Criticism]. Nizhniy Novgorod: KiTizdat.
14. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the Field of the Mythopoetic]. Moscow: Progress-Kul'tura. pp. 7-112.
15. Toporov, V.N. (1980) *Istoriya i mify* [History and Myths]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: In 2 Vols]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 572-574.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Зауст, С. К. Актуализация нарративных функций костюма в произведениях изобразительного искусства (на примере живописных полотен В. М. Васнецова) / С. К. Зауст // Наследие веков. – 2022. – № 2. – С. 47-56. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.003

Full bibliographic reference to the article:

Zaust, S.K. (2022) Actualization of the Narrative Functions of the Costume in Works of Fine Art (On the Example of Paintings by Viktor Vasnetsov). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 47-56. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.003

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS

КОРЕННОЙ Александр Сергеевич

старший научный сотрудник Сибирского филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева,

Омск, Российская Федерация

Aleksandr S. KORENNOY

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Siberian Branch,

Omsk, Russian Federation,

akorennoy@mail.ru

УДК: [351.853:338.246.2](4-11)

ГРНТИ: 13.61.91

ВАК: 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.004

**Государственно-частное
партнерство в сфере охраны
культурного наследия:
восточноевропейский опыт
и возможности
его применения в России**

**Public-Private Partnership
in the Field of Cultural Heritage
Protection: Eastern European
Experience and Possibilities
of Its Application in Russia**

Работа посвящена анализу правового и организационного опыта стран Юго-Восточной и Восточной Европы (Хорватия, Словения, Польша) в сфере реализации государственно-частного партнерства (ГЧП) при мероприятиях, связанных с охраной культурного наследия. Круг материалов составили нормативные документы Российской Федерации и изучаемых стран, отчеты европейской программы INTERREG и результаты изысканий отечественных и зарубежных исследователей. Указано, что опыт изученных государств в области ГЧП, несмотря на явные негативные перегибы политического характера, допускаемые в отношении культурного наследия в целом, представляет теоретическую значимость. Описаны механизмы создания и развития проектов ГЧП в этих странах. Установлено, что в российских условиях комплексное заимствование практики ГЧП рассмотренных государств невозможно и нецелесообразно в силу их под-

чиненности политике Евросоюза, с одной стороны, и несравнимостью их национальных экономик с экономикой России по ряду критериев – с другой.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, объекты культурного наследия, Хорватия, Словения, Польша, Российская Федерация, нормативно-правовая база, государство, коммерческий сектор, сотрудничество, культура, общество, инвестиции.

Проблема финансирования различных социальных проектов, отрасли культуры в целом и, в частности, деятельности, направленной на охрану объектов культурного наследия, сегодня является одной из наиболее сложных и многоплановых проблем, стоящих перед российским государством и обществом. Памятники прошлого, оставаясь ярчайшим свидетельством ушедших эпох и колоссальным ресурсом для воспитания подрастающих поколений в духе уважения к многовековой истории России, к сожалению, подвержены процессам разрушения, практически постоянно нуждаются в реставрации, текущем ремонте, контроле технического состояния – все эти меры подчас требуют принятия безотлагательных решений. В свою очередь, динамично изменяющаяся система экономических, социально-политических, социокультурных и других условий, а также не терпящий промедлений темп современной жизни актуализируют поиски стабильных, но вместе с тем гибких моделей, позволяющих наладить финансовое обеспечение усилий по охране памятников истории и культуры.

Объемы и содержание деятельности, нацеленной на охрану культурного наследия, в любой развитой стране таковы, что ни одно государство в мире не может полностью принять на себя бремя расходов на содержание или поддержание в должном техническом состоянии всех учтенных памятников истории, архитектуры и монументального искусства. Зачастую ассигнования, предназначенные для этих целей (как и для развития культуры в целом) нельзя считать достаточными. Так, например, в Российской Федерации «средства федерального бюджета РФ, направляемые на культуру и кинематографию, в... период 2015–2021 гг., выделяются в условиях нестабильной динамики» [17, с. 306], а в 2020 г. «сокращение расходов на культуру наблюдалось

в 38 субъектах РФ и в среднем по России составило 3,3%» [1, с. 93].

На фоне этих тенденций нарастающую актуальность приобретает создание оптимальных методик многоканального финансирования данной деятельности через привлечение частных инвесторов при руководящей роли государства в рамках так называемого государственно-частного партнерства (ГЧП).

В Российской Федерации данный термин был введен в правовое поле Федеральным законом от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и определен как «долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество публичного и частного партнеров, направленное на реализацию проектов, в целях достижения задач социально-экономического развития публично-правовых образований, повышения уровня доступности и качества публичных услуг, достигаемое посредством разделения рисков и привлечения частных ресурсов» [20].

Принятие данной дефиниции в качестве юридически значимого определения, очевидно, явилось следствием консенсуса между представителями научного сообщества, еще до момента принятия упомянутого закона в целом практически одинаково оценивавшими сущность и природу данного взаимодействия. В частности, И. А. Морозова и И. Б. Дьяконова утверждали, что такое сотрудничество представляет собой «зафиксированное в официальных документах взаимовыгодное взаимодействие государственного и частного секторов экономики и науки, основанное на определенных принципах» [10, с. 93].

В. А. Фильченков, дополняя свое определение ГЧП (в целом выстроенное в соответствии с общей линией научной интуиции), ука-

зывает на его основной принцип: «Публичная власть выступает как гарантом соблюдения прав, так и стороной партнерства с тем или иным участием в управлении и ведении дел в течение всего периода его существования» [21, с. 169]. Целью ГЧП при этом названо осуществление «международных, национальных, региональных и местных, масштабных и локальных, но всегда общественно значимых программ и проектов в широком спектре сфер компетенции и ответственности публичной власти» [21, с. 169]. В. Г. Варнавский при определении целей ГЧП солидарен с В. А. Фильченковым, однако дополнительно акцентирует внимание на временном характере возникающего партнерства: «...Альянс создается на определенный срок в целях осуществления конкретного проекта и прекращает свое существование после его реализации» [2].

По мнению Е. В. Махоткиной, выявившей основные характеристики ГЧП, отличающие его от других моделей, определяющих отношения государства с бизнесом, «ключевым моментом в понимании данных отношений выступает термин “партнерство”», которое формируется с определенными целями и базируется «на соответствующих договоренностях сторон» [7, с. 102]. Действительно, данный термин является смысловым ядром как в лексическом, так и в сущностном смысле, и, будучи заимствованным из французского (*partenaire*) и английского (*partnership*) языков, переводится как «соучастник, сорботник». Этимологически приставка «со-» несет вспомогательную смысловую нагрузку, указывающую на совместную деятельность, совместную ответственность и совместную взаимовыгодную ценность результатов для всех сторон – участников этой политики.

Основой ГЧП служит взаимная выгода, реализующаяся во множестве конкретных аспектов, которые представляются не столь существенными, чтобы подробно останавливаться на них в рамках рассматриваемой темы. Стоит лишь подчеркнуть, что сотрудничество с бизнесом позволяет властным структурам сэкономить средства соответствующего бюджета и увеличить свой политический капитал. Бизнес-структуры при этом получают возможность на выгодных условиях инвестиро-

вать средства в социально значимые отрасли, результатом чего является рост их прибыли и улучшение общественного имиджа. Существенный попутный интерес представляет наращивание опыта контактов представителей власти и бизнеса (зачастую неформальных, происходящих за рамками заключаемых соглашений), который может быть использован как при реализации социокультурных проектов, так и в иных сферах экономической деятельности.

Следует также отметить, что зачастую социум негативно оценивает проекты ГЧП из-за того, что общественным сознанием неправильно воспринимается участие частного сектора, который обвиняют в «приватизации» и коммерциализации культурных ценностей. Чтобы избежать подобных перегибов, договоренности правовых субъектов, вовлеченных в партнерство, должны быть подготовлены на необходимом качественном уровне, а сами участники – разделять обязанности и риски, связанные с ним.

Изучение примеров использования системы ГЧП в сфере сохранения культурного наследия представляет важность еще и потому, что механизмы такого взаимодействия для коммерческого сектора являются, по сути, единственным реальным и законным способом интеграции объектов культурного наследия в свою хозяйственную деятельность. Дело в том, что в Российской Федерации приватизация памятников истории и культуры, включенных в соответствующий реестр, осуществляется с учетом существенных ограничений, определяемых ст. 29 Федерального закона от 21.12.2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». В частности, продажа подобных объектов проводится лишь через процедуру публичных торгов. Между тем более простое в юридическом плане оформление арендных отношений и использование иных инструментов позволяет государственным и частным структурам взаимодействовать с большей эффективностью и социальной ответственностью.

Изучение общих оснований и механизмов ГЧП в сфере охраны наследия в России продолжается более десяти лет, при

этом можно выделить несколько направлений, по которым осуществляются научные разработки.

Так, значительное внимание уделяется правовой стороне вопроса, причем этот тематический аспект всегда будет актуальным в условиях постоянного изменения нормативно-правовой базы. Например, Т. Е. Сиволап анализирует особенности правового обеспечения процесса приватизации объектов культурного наследия, выявляет круг проблем, с которыми сталкиваются государственные органы, зачатую лишенные реальных рычагов влияния на недобросовестных арендаторов [18]. Е. И. Старовойтова и С. А. Хвалев достаточно подробно рассматривают формы ГЧП применительно к объектам наследия, определяя при этом аспекты, которые должны охватываться охранным обязательством, заключаемым между собственником и государственной структурой, проводящей политику в сфере охраны наследия [19].

Значительный корпус исследований посвящен практике проведения в жизнь ГЧП в регионах и городах России: Красноярском крае [8], Казани [22], Санкт-Петербурге [15], Краснодаре [4].

Исследователями также затрагивается целый ряд других моментов, связанных с проблематикой ГЧП: вопросы взаимодействия власти и бизнеса в рамках реализации контрактов, связанных с охраной объектов культурного наследия [14] [18]; экономические аспекты ГЧП в памятникоохранной сфере [3] [6] [13]; аналитические разработки обзорного характера [5] [10] [12] [16].

Аналізу зарубежного опыта посвящено не так много работ, что, вероятно, объясняется как новизной и многоаспектностью рассматриваемой темы, так и стремлением российских ученых уделить внимание преимущественно отечественным реалиям. Тем не менее достаточно заметны на общем фоне исследование М. С. Нагорной и В. В. Шевцовой [11], в котором дается достаточно широкий обзор зарубежной практики ГЧП (в том числе и на материале развивающихся стран), а также статья Т. Н. Мироновой, посвященная соответствующему опыту, накопленному в Итальянской Республике [9].

Между тем практика ГЧП в ряде европейских стран (в частности, государств Восточной Европы) еще не подвергалась анализу в плане ее применимости к российским социокультурным и экономическим реалиям, тем не менее эти государства только недавно начали осваивать соответствующие механизмы государственно-частного взаимодействия, и наблюдение за их успехами и неудачами на этом пути (несмотря на явные противоречия и негативные перегибы, свойственные идеологическому аспекту их политики в отношении культурного наследия) будет способствовать совершенствованию отечественных разработок, по крайней мере, в теоретическом смысле.

Цель данного исследования, таким образом, состоит в том, чтобы охарактеризовать нормативно-правовую базу ГЧП в нескольких государствах упомянутого региона (Хорватии, Польши и Словении) и проанализировать систему условий, определяющую взаимодействие власти и частного бизнеса в сфере охраны памятников истории и культуры в этих странах. Кроме того, важность представляет вопрос о возможности применения данного опыта в российских социально-экономических реалиях.

Основными источниками исследования послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации и зарубежных стран, отчеты программы Interreg (Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития) по изучаемым странам, а также результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, касающиеся различных аспектов осуществления ГЧП в сфере охраны наследия и культуры в целом. Методологическую основу составили описательный, сравнительный, историко-генетический и формально-юридический методы. Предполагается, что изучение технологий ГЧП в восточноевропейских странах будет способствовать приращению научных знаний в области теоретического обоснования государственной (в том числе и региональной) культурной политики.

ГЧП в сфере охраны культурного наследия существует практически во всех развитых западных странах, при этом определенный (и зачастую достаточно богатый) опыт накоп-

лен в каждой из них, однако государственная культурная политика и правовая база, регулирующая ГЧП, варьируется от страны к стране.

Европейский союз, национальные министерства и правительства регионов (провинций, земель и т.д.) при проведении мероприятий по охране культурного наследия, как правило, задействуют разнообразные грантовые схемы. Соответствующие предложения обычно подготавливаются местными (муниципальными) властями и рассматриваются затем на более высоком уровне, при этом в качестве одного из важных критериев отбора часто используется наличие предварительных соглашений между государственным и частным секторами.

Формирование таких партнерских отношений получило законодательную поддержку в рамках инициатив Европейского сообщества, изданных Генеральным директором региональной политики и Европейской комиссией. Схемы, предложенные в этих инициативах, были впоследствии воспроизведены министерствами нескольких государств – членов ЕС: в Нидерландах – Министерством жилищного строительства и планирования; в Великобритании – бывшей канцелярией вице-премьер-министра; во Франции – Министерством оборудования; в Италии – Министерством общественных работ и Министерством транспорта и инфраструктуры.

Для сбора и обработки информации о текущих проектах и механизмах их успешной работы ряд правительств стран Евросоюза содействовали созданию наблюдательных центров ГЧП, включающих правительственные учреждения, оказывающие, например, техническую поддержку органам государственного управления (Ирландия и Нидерланды) [26]. В ряде других стран (часто не входящих в ЕС) с целью публикации ценной информации для профессионалов и инвесторов на местах были созданы некоммерческие организации (например, Канадский совет по ГЧП – ССРРР).

Основы соответствующего законодательства в странах Восточной и Юго-Восточной Европы сформировались относительно недавно, например, действующая правовая база в Республике Хорватия восходит к 2008 г., когда впервые был принят закон о ГЧП, впо-

следствии измененный в 2012 г. (Закон о государственно-частном партнерстве [27]). Данный национальный закон устанавливает четкие правила для всех участников партнерства, а также обеспечивает правовую основу для прочной безопасности проектов, как для частного сектора, так и для государственных органов [23, р. 5–6]. В перспективном аспекте развитие партнерств в Хорватии регулируется нормами документа «Стратегическая основа развития ГЧП» (2009).

В Хорватии, несмотря на в целом достаточно значительное число примеров ГЧП, официально лишь один случай относится к сфере охраны культурного наследия – это восстановление Окружного дворца в Вараждине. Кроме того, с намерением использовать принципы ГЧП в стране разрабатывались два дополнительных проекта в области культуры: возрождение Хорватского исторического музея и Хорватского государственного архива. Несмотря на наличие огромного числа объектов культурного наследия, их включение в разнообразные программы по восстановлению наталкивается на системные управленческие проблемы, существующие в сфере учета этих объектов. Так, национальный Реестр культурных ценностей все еще не завершен, и, поскольку наличие объекта в нем является формальной основой для инвестиций в рамках проектов ГЧП, реализация соответствующих предложений зачастую существенно замедляется [23, р. 20–21].

В Польше формальная правовая основа для совместных проектов между частным сектором и государственными органами определяется Законом о государственно-частном партнерстве от 2008 г., которым, в частности, введены налоговые льготы по подоходному налогу с юридических лиц (в том числе и работающих в сфере управления недвижимостью), уплачиваемому в местные бюджеты и национальное казначейство. Кроме того, Министерство развития Польши включило в свои инструкции право на возмещение расходов, понесенных в связи с реализацией проектов ГЧП, за счет грантов, финансируемых из Европейского фонда регионального развития, Европейского социального фонда и Фонда сплочения на 2014–2020 гг. [24, р. 8–9].

Основным перспективным документом по защите культурного наследия Польской Республики является Национальный план возрождения (2014), включающий в себя ценный опыт, накопленный в предыдущие годы. Кроме того, Министерство развития работает над созданием стандартизированных документов и сводов данных, отражающих передовую практику и успешные решения для использования в будущих проектах [24, р. 14–17].

В Словении отсутствуют какие-либо законодательные инструменты, определяющие механизмы финансирования развития и поддержки проектов ГЧП [25, р. 6]. Деятельность же по охране культурного наследия осуществляется Центром информации и документации по наследию Управления культурного наследия Министерства культуры. Данный орган является основным учреждением, ответственным за выделение субсидий из государственного бюджета и европейских структурных фондов. Центр ведет реестр культурного наследия, отвечает за надзор над национальными проектами, руководство мероприятиями по сохранению памятников истории и культуры и археологическими исследованиями.

Одним из основных препятствий для успешности проектов ГЧП в области охраны объектов культурного наследия Словении является то, что они в значительной степени представляют собой замки и дворцы с их обширными архитектурными комплексами и территориями, охраняемые мероприятия в отношении которых требуют очень больших инвестиций. Отреставрированные объекты в основном служат туристическими достопримечательностями и музеями. Кроме того, масштабы требований и различные методы, реализованные в рамках проектов, финансируемых ЕС, увеличили участие и интерес словенской общественности к таким проектам, усилили их поддержку и значимость в местной и национальной общественной жизни [25, р. 10–16].

Исследования ГЧП, проведенные в европейских странах, показывают, что частный сектор более опытен в данной сфере, чем государственный, который работал относительно медленно как в подготовке проектов, так

и в исследованиях заинтересованности частных компаний в их реализации. Тем не менее государственные структуры демонстрируют высокую осведомленность о потребностях подведомственных учреждений в сфере охраны наследия. Частный сектор видит три основных препятствия для возрождения наследия на основе ГЧП: недостаточные знания о реализации проектов ГЧП, высокая стоимость подготовки проектов ГЧП, а также правовая и институциональная база [23, р. 22].

Государственно-частное партнерство можно рассматривать как актуальный альтернативный способ финансирования культурного наследия, поскольку оно обеспечивает новые способы инвестирования и источники капитала для сферы культуры. Успешное применение его механизмов обеспечивает уверенность в том, что объект культурного наследия сохранит свою внутреннюю ценность благодаря участию государственного сектора.

До сих пор нормативно-правовая и организационная основа ГЧП в сфере охраны культурного наследия в странах Центральной и Восточной Европы, а также осуществляемые там практические проекты ограничены. Однако следует признать, что эти государства могли бы извлечь от их реализации большую пользу, поскольку бюджетное финансирование подобной деятельности относительно невелико. Предпосылками для успешности ГЧП в области сохранения культурного наследия являются: накопленный опыт, государственная политика в области разработки основ таких партнерств, правовая база, а также наличие достаточно развитого (хотя и испытывающего подчас дефицит крупных инвесторов) коммерческого сектора, который готов инвестировать средства в эту сферу.

В Хорватии, Польше и Словении национальная политика, а также правовая и институциональная база ГЧП вместе с поддержкой таких проектов государственными структурами могут привести к значительной экономии бюджетных средств и обеспечить необходимое «соотношение цены и качества» при реализации проектов. Однако, судя по всему, рыночные стимулы еще недостаточно развиты, чтобы привлечь большой объем частных инвестиций и обеспечить долгосрочное поло-

жительное влияние на макроэкономические последствия реализации контрактов, заключенных в рамках партнерств.

Почти все указанные страны разработали основы государственной политики и соответствующую правовую базу для развития ГЧП, но они существенно отличаются. Так, в некоторых странах (Хорватия) существует назначенное государственное учреждение, в других ответственность за ГЧП остается в компетенции министерства (Словения) или обязанности распределяются между несколькими органами (Словения).

Механизмы финансирования также различаются: от концессионных договоров и финансирования из имеющихся активов до получения средств из фондов ЕС или денежного обеспечения путем продажи проектных облигаций и т.д. Только в Словении в настоящее время отсутствуют какие-либо законодательные стимулы к обеспечению доступных механизмов развития ГЧП.

В области осуществления конкретных проектов следует выделить опыт Хорватии, хотя все стадии реализации прошел только один контракт ГЧП, еще два находятся на этапе подготовки. Другим странам пока не удалось обеспечить реставрацию или ремонт объектов культурного наследия посредством контрактов ГЧП.

Самыми большими проблемами в использовании ГЧП для возрождения объектов культурного наследия, по-видимому, являются отсутствие или неполнота национальных реестров, а также относительно низкий уровень осведомленности общественности о важности памятников истории и культуры. Когда речь идет только о государственном секторе, отсутствие финансирования представляется главной причиной проблем, связанных с восстановлением исторических зданий. Когда дело доходит до реализации проектов в рамках схемы ГЧП, подчас имеет место негативное отношение как государственных, так и частных учреждений друг к другу, что приводит к отсутствию сотрудничества между частным и государственным сектором в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Выходы из таких ситуаций можно найти в образовательных программах по ГЧП как для

частных, так и для государственных учреждений, стандартизированной документации, финансировании подготовки документации для ГЧП, улучшении правовой базы, а также в доступе к внешней экспертной поддержке. Думается, что выполнение этих предварительных условий может способствовать расширению участия государственного и частного секторов в проектах ГЧП.

Рассматривая возможность использования опыта ГЧП, накопленного в странах Восточной Европы, применительно к российским общественно-экономическим, правовым и социокультурным условиям, следует отметить, что безоглядное копирование европейских моделей в России невозможно по ряду причин. Во-первых, в своей политике Российская Федерация стремится к достижению максимального суверенитета, в том числе и в сфере культуры. Практика ГЧП восточноевропейских государств, напротив, основана на рекомендациях Евросоюза и во многом опирается на финансовую поддержку европейских институций, что не вполне согласуется с принципами культурной политики, основанной на национальных интересах, и полностью противоречит концепции культурного суверенитета.

Во-вторых, развитие ГЧП в этих странах сдерживается отсутствием крупных инвесторов, способных вкладывать средства в долгосрочные проекты – выходом здесь может являться создание крупных консорциумов из нескольких объединяющих свои возможности хозяйствующих субъектов. В России же практика реализации ГЧП существенно упрощается наличием мощных финансовых и промышленных корпораций (Газпром, Сбер, ВТБ, Роснефть, Альфа-Банк и т.д.), которые могут выступить и выступают в качестве экономической силы, поддерживающей финансово-хозяйственное обеспечение контрактов ГЧП. Контрольные пакеты акций многих из них принадлежат государству, что создает еще более солидные гарантии для реализации соответствующих проектов.

Иными словами, в российских условиях комплексное заимствование практики ГЧП восточноевропейских стран невозможно и нецелесообразно в силу их подчиненности политике Евросоюза, с одной стороны, и принци-

пиальной несравнимостью их национальных экономик с экономикой России по критериям общего объема и наличия крупных инвестирующих корпораций – с другой.

Между тем ряд отдельных моментов из практики ГЧП в рассмотренных государствах может быть адаптирован и к российской специфике. В данной связи интерес представ-

ляет, например, использование проектных облигаций, которые могут реализовываться среди населения в качестве ценных бумаг, подтверждающих вклад гражданина в восстановление объекта культурного наследия за небольшой процент. Таким образом можно стимулировать общественное участие в деле охраны памятников истории и культуры.

Aleksandr S. KORENNOY

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Siberian Branch,
Omsk, Russian Federation,
akorennoy@mail.ru

***Public-Private Partnership in the Field of Cultural Heritage Protection:
Eastern European Experience and Possibilities
of Its Application in Russia***

Abstract. The study analyzes the legal and organizational experience gained in the countries of Southeastern and Eastern Europe (Croatia, Slovenia, Poland) in the implementation of public-private partnership (PPP) in activities related to the protection of cultural heritage. The main aim was to identify the possibilities of using this experience in relation to Russian socioeconomic realities. The range of research materials included regulatory legal documents of the Russian Federation and the countries under study, reports of the European INTERREG program, as well as the results of domestic and foreign research related to various aspects of implementing PPP in the field of heritage protection and culture in general. The research approach is based on the use of descriptive, comparative, historical genetic and formal legal methods. The author gives the definition of PPP, which the Russian legislation uses, reveals the positions of various researchers who expand the understanding of this term. He points out that the experience of the countries of Eastern Europe has not been sufficiently explored, which (despite the obvious contradictions and negative excesses inherent in the ideological aspect of their policy towards cultural heritage) could contribute to the improvement of Russian theoretical developments in this area. The author characterizes mechanisms for the creation and development of projects related to the revival of cultural monuments adopted in the European Union; studies the basics of the legalization of PPP in Croatia, Slovenia, and Poland; describes the main legislative and strategic documents defining the forms and methods of protecting cultural heritage in these countries; indicates the features inherent in the array of these objects in each of the considered countries. The author has learned that the implementation of practical PPP projects in Croatia, Slovenia, and Poland is limited by various reasons, including the incompleteness of cultural heritage registers; identified the prerequisites for the successful implementation of PPP contracts in the field of cultural heritage protection; and shown the sources of funding currently used in the studied countries. The author concludes that, under Russian conditions, a comprehensive borrowing of the PPP practice of Eastern European countries is impossible and inappropriate due to their subordination to the EU policy, on the one hand, and the fundamental incomparability of their national economies with the Russian economy in terms of total volume and the presence of large investing corporations, on the other.

Keywords: public-private partnership, cultural heritage sites, Croatia, Slovenia, Poland, Russian Federation, regulatory framework, state, commercial sector, cooperation, culture, society, investment.

Использованная литература:

1. Абанкина Т. В., Мацкевич А. В., Ксынкина Г. М. и др. Отраслевые сюжеты: экономические и социальные последствия COVID-19 в сфере культуры в России // Аналитический бюллетень Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 8. С. 91–119.
2. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2004. № 6. URL: <https://strana-oz.ru/2004/6/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-rossii-problemy-stanovleniya> (дата обращения: 30.05.2022).
3. Геворгян М. А. Роль государственно-частного партнерства в сфере сохранения и популяризации объектов культурного наследия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 3 (51). С. 212–219. DOI 10.26456/2219-1453/2020.3.212.
4. Зайцева А. Н. Риски реализации проектов государственно-частного партнерства (на примере заключенного соглашения в отношении кинотеатра «Аврора» по ул. Красной в г. Краснодаре) // Modern Science. 2021. № 1–2. С. 47–50.
5. Лебедев В. Н., Якушев А. Ж. Государственно-частное партнерство как важнейший элемент механизма восстановления и сохранения культурно-исторического наследия России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2010. № 4. С. 138–151.
6. Лукашенко Д. О., Шаброва Н. В. Государственно-частное партнерство как механизм включения бизнеса в процесс сохранения объектов культурного наследия // Современный город: власть, управление, экономика. 2017. Т. 1. С. 187–194.
7. Махоткина Е. В. Государственно-частное партнерство (ГЧП) как этап взаимодействия государства и бизнеса в экономическом развитии // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2008. № 2. С. 95–104.
8. Микрюкова О. А. Государственно-частное партнерство в реставрации объектов архитектурного наследия Красноярского края // International scientific news 2017: XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 22 декабря 2017 г.). М.: Олимп, 2017. С. 358–362.
9. Миронова Т. Н. Сохранение культурного и природного наследия как главная черта культурной политики европейского региона: Италия // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 41–48.
10. Морозова И. А., Дьяконова И. Б. ГЧП – оптимальная модель взаимодействия частного бизнеса и государства в условиях инновационной экономики // Успехи современного естествознания. 2010. № 11. С. 91–98.
11. Нагорная М. С., Шевцова В. В. Зарубежный опыт государственно-частного партнерства в сфере культуры // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2017. Т. 4. № 4 (19). С. 43–51.
12. Нагорная М. С., Шевцова В. В. Практика государственно-частного партнерства в сфере сохранения культурного наследия России // Управление в современных системах. 2018. № 1 (17). С. 34–43.

References:

1. Abankina, T.V. et al. (2020) Otrasleyve syuzhety: ekonomicheskie i sotsial'nye posledstviya COVID-19 v sfere kul'tury v Rossii [Industry Stories: Economic and Social Consequences of COVID-19 in the Sphere of Culture in Russia]. *Analiticheskiy byulleten' Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki" ob ekonomicheskikh i sotsial'nykh posledstviyakh koronavirusa v Rossii i v mire*. 8. pp. 91–119.
2. Varnavskiy, V.G. (2004) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii: problemy stanovleniya [Public-Private Partnership in Russia: Problems of Formation]. *Otechestvennye zapiski*. 6. [Online] Available from: <https://strana-oz.ru/2004/6/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-v-rossii-problemy-stanovleniya> (Accessed: 30.05.2022).
3. Gevorgyan, M.A. (2020) Public-Private Partnership in Preservation and Popularization of Cultural Heritage. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. 3 (51). pp. 212–219. DOI: 10.26456/2219-1453/2020.3.212
4. Zaytseva, A.N. (2021) Riski realizatsii proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva (na primere zaklyuchennogo soglasheniya v otnoshenii "kinoteatra "Aurora" po ul. Krasnoy v G. Krasnodare) [Risks of Implementing Public-Private Partnership Projects (On the Example of an Agreement Concluded Regarding the Aurora Cinema on Krasnaya St. in Krasnodar)]. *Modern Science*. 1-2. pp. 47–50.
5. Lebedev, V.N. & Yakushev, A.Zh. (2010) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak vazhneyshiy element mekhanizma vosstanovleniya i sokhraneniya kul'turno-istoricheskogo naslediya Rossii [Public-Private Partnership as the Most Important Element of the Mechanism for Restoring and Preserving the Cultural and Historical Heritage of Russia]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 4. pp. 138–151.
6. Lukashenko, D.O. & Shabrova, N.V. (2017) Public-Private Partnership as a Mechanism of Inclusion of Business in the Process of Conservation of Cultural Heritage. *Sovremennyy gorod: vlast', upravlenie, ekonomika*. 1. pp. 187–194.
7. Makhotkina, E.V. (2008) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo (GChP) kak etap vzaimodeystviya gosudarstva i biznesa v ekonomicheskom razvitii [Public-Private Partnership (PPP) as a Stage of Interaction Between the State and Business in Economic Development]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*. 2. pp. 95–104.
8. Mikryukova, O.A. (2017) [Public-Private Partnership in the Restoration of Architectural Heritage Objects of Krasnoyarsk Krai]. *International Scientific News 2017. Proceedings of the XXVIII International Conference*. Moscow. 22 December 2017. Moscow: Olimp. pp. 358–362. (In Russian).
9. Mironova, T.N. (2009) Sokhranenie kul'turnogo i prirodnogo naslediya kak glavnyaya cherta kul'turnoy politiki evropeyskogo regiona: Italiya [Preservation of Cultural and Natural Heritage as the Main Feature of the Cultural Policy of the European Region: Italy]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 41–48.
10. Morozova, I.A. & D'yakonova, I.B. (2010) GChP — optimal'naya model' vzaimodeystviya chastnogo biznesa

13. Нежданова-Байковская А. В. Государственно-частное партнерство как способ сохранения и возрождения памятников культурного наследия // Евразийское научное объединение. 2016. Т. 2. № 10 (22). С. 117–120.
14. Однопозов А. М. Бессонова А. А. Особенности взаимодействия власти и бизнеса в сфере управления объектами культурного наследия // Вестник Академии знаний. 2021. № 2 (43). С. 179–181. DOI 10.24412/2304-6139-2021-11062.
15. Палий К. Р. К вопросу о государственно-частном партнерстве в сфере охраны объектов культурного наследия Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2019. № 5 (125). С. 140–150. DOI 10.22394/1726-1139-2019-5-140-150.
16. Руסיнова Н. С. Государственно-частное партнерство в сфере сохранения и развития памятников культурного наследия // Фотинские чтения – 2021 (весеннее собрание): материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ижевск, 25–27 марта 2021 г.). Ижевск: Изд-во упр. информ. ресурсов Ижевского гос. техн. ун-та им. М. Т. Калашникова, 2021. С. 134–139.
17. Серяева М. Г. Финансирование сферы культуры Российской Федерации и показатели результативности ее развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 305–308.
18. Сиволап Т. Е. Взаимодействие государства и предпринимательства в сфере охраны объектов культурного наследия России: проблемы правового регулирования // Право и образование. 2015. № 5. С. 140–149.
19. Старовойтова Е. И., Хвалев С. А. Формы реализации государственно-частного партнерства в сфере использования и сохранения объектов культурного наследия // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского. 2016. № 2 (38). С. 7–15.
20. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 25.05.2022).
21. Фильченков В. А. Понятие, принципы, условия эффективности и признаки ГЧП // Сервис в России и за рубежом. 2007. № 2. С. 166–139.
22. Хакимов Р. С., Забирова Ф. М. Опыт взаимодействия общественных организаций и государственно-частное партнерство в деле сохранения историко-культурного наследия Казани // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2013. № 2 (02). С. 48–51.
23. Restaura: Revitalizing Historic Buildings through Public-Private Partnership Schemes. Country Report on the Legal Framework on Public-Private Partnership (PPP): Croatia. Version 1. November 2016 // Interreg Central Europe. URL: <https://www.interreg-central.eu/Content.Node/RESTAURA/D.T1.2.1-Countryreport-Croatia-V1.pdf> (date of access: 12.05.2022).
24. Restaura: Revitalizing Historic Buildings through Public-Private Partnership Schemes. Country Report on the Legal Framework on Public-Private Partnership (PPP): i gosudarstva v usloviyakh innovatsionnoy ekonomiki [PPP as an Optimal Model of Interaction Between Private Business and the State in an Innovative Economy]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 11. pp. 91–98.
11. Nagornaya, M.S. & Shevtsova, V.V. (2017) Zarubezhnyy opyt gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere kul'tury [Foreign Experience of Public-Private Partnership in the Field of Culture]. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti*. 4-4 (19). pp. 43–51.
12. Nagornaya, M.S. & Shevtsova, V.V. (2018) The Practice of Public-Private Partnerships in the Sphere of Preservation of Cultural Heritage of Russia. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 1 (17). pp. 34–43. (In Russian).
13. Nezhdanova-Baykovskaya, A.V. (2016) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak sposob sokhraneniya i vrozozhdeniya pamyatnikov kul'turnogo naslediya [Public-Private Partnership as a Way of Preserving and Reviving Cultural Heritage]. *Evraziyskoe Nauchnoe Ob'edinenie*. 2-10 (22). pp. 117–120.
14. Odnozpozov, A.M. & Bessonova, A.A. (2021) Features of Interaction Between Government and Business in the Field of Management of Cultural Heritage Objects. *Vestnik Akademii znaniy*. 2 (43). pp. 179–181. (In Russian). DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11062
15. Paliy, K.R. (2019) On the Question of Public-Private Partnership in the Field of Protecting Cultural Heritage of St. Petersburg. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 5 (125). pp. 140–150. (In Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2019-5-140-150.
16. Rusinova, N.S. (2021) [Public-Private Partnership in the Field of Preservation and Development of Cultural Heritage Monuments]. *Fotinskie chteniya – 2021 (vesennee sobranie)* [Fotin Readings – 2021 (Spring Meeting)]. Proceedings of the VIII International Conferene. Izhevsk. 25–27 March 2021. Izhevsk: Izd-vo upr. inform. resursov Izhevskogo gos. tekhn. un-ta imeni M. T. Kalashnikova. pp. 134–139. (In Russian).
17. Seryaeva, M.G. (2019) Financing of the Sphere of Culture of the Russian Federation and Indicators of the Performance of Its Development. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 8-2 (27). pp. 305–308. (In Russian).
18. Sivolap, T.E. (2015) Vzaimodeystvie gosudarstva i predprinimatel'stva v sfere okhrany ob'ektov kul'turnogo naslediya Rossii: problemy pravovogo regulirovaniya [Interaction Between the State and Entrepreneurship in the Sphere of Protection of Objects of Cultural Heritage of Russia: Problems of Legal Regulation]. *Pravo i obrazovanie*. 5. pp. 140–149.
19. Starovoytova, E.I. & Khvalev, S.A. (2016) Formy realizatsii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere ispol'zovaniya i sokhraneniya ob'ektov kul'turnogo naslediya [Forms of Implementation of Public-Private Partnership in the Sphere of Use and Preservation of Objects of Cultural Heritage]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii im. M.M. Speranskogo*. 2 (38). pp. 7–15.
20. Consultant Plus. (2015) *Federal Law "On Public-Private Partnerships and Municipal-Private Partnerships in the Russian Federation, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" of July 13, 2015, No.*

Poland. Version 1. November 2016. // Interreg Central Europe. URL: <https://www.interreg-central.eu/Content.Node/RESTAURA/D.T1.2.1-Country-report-Poland-V1.pdf> (date of access: 12.05.2022).

25. Restaura: Revitalizing Historic Buildings through Public-Private Partnership Schemes. Country Report on the Legal Framework on Public-Private Partnership (PPP): Slovenia. Version 1. November 2016. // Interreg Central Europe. URL: <https://www.interreg-central.eu/Content.Node/RESTAURA/D.T1.2.1-Country-report-Slovenia-V1.pdf> (date of access: 12.05.2022).

26. Teisman G.R., Edelenbos J., Klijn E.H. & Reudink M. State of the Art Coproductie: STIP-Studie. Den Haag: Kenniscentrum Grote Steden, 2004.

27. Zakon o javno-privatnom partnerstvu [Elektronički izvor] // Narodne Novine. 13. srpnja 2012. URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2012_07_78_1833.html (datum prijave: 18.05.2022).

224-FZ. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (Accessed: 25.05.2022).

21. Fil'chenkov, V.A. (2007) Ponyatie, printsipy, usloviya effektivnosti i priznaki GChP [Concept, Principles, Conditions for Efficiency and Signs of PPP]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2. pp. 166–139.

22. Khakimov, R.S. & Zabirova, F.M. (2013) Opyt vzaimodeystviya obshchestvennykh organizatsiy i gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v dele sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya Kazani [Experience of Public Organizations' Interaction and Public-Private Partnership in the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of Kazan]. *Mir iskusstv: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata*. 2 (02). pp. 48–51.

23. Interreg Central Europe. (2016) *Restaura: Revitalizing Historic Buildings through Public-Private Partnership Schemes. Country Report on the Legal Framework on Public-Private Partnership (PPP): Croatia*. Version 1. November 2016. [Online] Available from: <https://www.interreg-central.eu/Content.Node/RESTAURA/D.T1.2.1-Countryreport-Croatia-V1.pdf> (Accessed: 12.05.2022).

24. Interreg Central Europe. (2016) *Restaura: Revitalizing Historic Buildings through Public-Private Partnership Schemes. Country Report on the Legal Framework on Public-Private Partnership (PPP): Poland*. Version 1. November 2016. [Online] Available from: <https://www.interreg-central.eu/Content.Node/RESTAURA/D.T1.2.1-Country-report-Poland-V1.pdf> (Accessed: 12.05.2022).

25. Interreg Central Europe. (2016) *Restaura: Revitalizing Historic Buildings through Public-Private Partnership Schemes. Country Report on the Legal Framework on Public-Private Partnership (PPP): Slovenia*. Version 1. November 2016. [Online] Available from: <https://www.interreg-central.eu/Content.Node/RESTAURA/D.T1.2.1-Country-report-Slovenia-V1.pdf> (Accessed: 12.05.2022).

26. Teisman, G.R., Edelenbos, J., Klijn, E.H. & Reudink, M. (2004) *State of the Art Coproductie: STIP-Studie*. Den Haag: Kenniscentrum Grote Steden.

27. Narodne Novine. (2012) *Zakon o javno-privatnom partnerstvu* [The Law on Public-Private Partnership]. [Online] Available from: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2012_07_78_1833.html (Accessed: 18.05.2022).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Коренной, А. С. Государственно-частное партнерство в сфере охраны культурного наследия: восточноевропейский опыт и возможности его применения в России / А. С. Коренной // *Наследие веков*. – 2022. – № 2. – С. 57-67. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.004

Full bibliographic reference to the article:

Korennoy, A.S. (2022) Public-Private Partnership in the Field of Cultural Heritage Protection: Eastern European Experience and Possibilities of Its Application in Russia. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 57-67. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.004

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

САТУБАЛДИН Абай Каримтаевич
заместитель директора
Национального музея Республики Казахстан,
Нур-Султан, Республика Казахстан,
Abay K. SATUBALDIN
National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan,
abaykarimtaevich@mail.ru

УДК: 069.1:930.85
ГРНТИ: 13.51.07
ВАК: 5.10.2.

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.005

**Функции современного музея:
опыт историко-культурного
анализа**

**Functions of a Modern Museum:
An Experience of a Historical
and Cultural Analysis**

Автор статьи выявляет совокупность функций современного музея, рассматривая при этом каждую из них в историко-культурном аспекте. Методологический инструментарий исследования включает в себя анализ, синтез, обобщение, аналогию, системный подход и проблемно-хронологический метод. В качестве материалов использованы работы зарубежных и российских исследователей, документы международных организаций (Устав Международного Совета музеев), отчеты крупных музейных учреждений (отчет музея Метрополитен за 2015 г. или годовой отчет Британского музея за 2016 г.), законодательные источники (Закон Республики Казахстан «О культуре»). Исследование состоит из нескольких частей: (1) изучение общепринятых официальных формулировок термина «музей», (2) анализ научных воззрений на состав и характеристики музейных функций, (3) выделение исторических этапов развития феномена музея и факторов, которые повлияли на этот процесс, (4) определение результатов и выводов. Отмечено, что в каждый из этапов своей эволюции музей как социокультурное явление изменялся, трансформировался, приобретал новые функции, всякий раз находя свою нишу в рамках

социокультурной среды. Установлено, что музей современного типа оформляется в Европе в XIX в., в XX в. данная форма приобрела всеобщий характер. В институциональном оформлении музея и его деятельности важную роль сыграл ряд факторов: (1) развитие научного знания в XIX и XX вв., (2) повышение уровня грамотности населения, (3) промышленная и техническая революция XIX в., сопровождавшаяся стремительными изменениями условий жизни и необратимой трансформацией традиционной культуры. Автор заключает, что (1) музей — сложное, многокомпонентное явление культуры, социальный и культурный институт, основными функциями которого на современном этапе являются сбор, хранение, изучение и репрезентация материала, (2) социокультурная трансформация музея как явления и комплекса его функций имеет многовековую историю и продолжается в настоящее время, (3) помимо основных, перечисленных выше функций, музей помогает решать и другие задачи, основанные на репрезентации материала: педагогические, дидактические, идеологические. Он может выступать в качестве базы для развития некоторых наук, таких как археология, этнография, геология, палеонтология и др. Кроме того, музей является также экономическим объектом и туристическим аттрактором.

Ключевые слова: музей; музейное дело; функции музея; социокультурное явление; культура; сбор; хранение; изучение и репрезентация материала.

In connection with the development of science and culture, as well as the growth of educational, cognitive and cultural demands of society to the museum, its goals and objectives are changing, new areas of activity are being formed, thereby expanding the horizons and scope of the work of the modern museum, which in turn causes the problem of studying the role and significance of its sociocultural functions.

Having appeared in a form close to the modern one in the 19th century, developing throughout the 20th century, the museum has now become an integral part of the modern world. Despite the fact that the question of defining a museum as a phenomenon, its functions and goals has been considered by a number of researchers, it is worth noting that at the beginning of the 21st century the museum continues to develop, acquires new forms, which actualizes the problem presented in the title of this article.

Attempts to formulate a definition of the term “museum” were made at the dawn of the formation of museology as a science. Back in 1751, in Volume 10 of Diderot’s Encyclopedia, the following definition is given: “The word ‘museum’ today applies to any place where things directly related to art and muses are stored” [22, p. 893–894]. This definition, given by the author of the article Louis de Jacourt, is quite relevant for the era of “cabi-

nets”, but it loses relevance due to its narrowness already in the 19th century. In particular, in 1817 Friedrich von Adelung, proposing to create the Russian National Museum, suggests dividing the exhibits into the following classes:

- 1) literature and art;
- 2) monuments;
- 3) folk studies (ethnography);
- 4) works of nature and goods [3, p. 5].

As we can see from this example, already at the beginning of the 19th century there existed concepts of museums close to modern local history museums by the composition of exhibits.

Returning to the question of the scientific definition of the museum’s functions, I note that by the end of the 19th century there appeared a number of works discussing this problem. I refer, in particular, to the article “Museums and Their Purposes” (1891) by Newton Horace Winchell, in which its author identified the criteria of an “ideal museum”. In particular, an ideal museum should have a permanent, purpose-built building with rooms for exhibitions, storage facilities, laboratories, classrooms. Also, the museum should be able to constantly expand its collections, ways to exchange materials, an extensive library, a corps of well-paid researchers, the opportunity to publish research results and lecture activities [33, p. 45]. The functions of the museum, according to

Winchell, are reduced to the collection and representation of material, scientific and teaching activities.

To the same time belongs the work *The Principles of Museum Administration* by George Brown Goode, which gives the following definition of a museum: "h. an institution for the preservation of those objects that best illustrate the phenomena of nature and the works of man, and the utilization of these for the increase of knowledge and for the culture and enlightenment of the people" [11, p. 196]. Developing the topic of museum interaction, Goode believes that museums should actively cooperate with universities, colleges, the scientific community and libraries. At the same time, he emphasizes: "The care and utilization of material objects being the peculiar duty of the museum, it should not enter the field of other institutions of learning, except to such a degree as may be found absolutely necessary in connection with its own work" [11, p. 197].

In the 20th century, research on the functions of the museum and attempts to define its phenomenon continue. In 1911, the American George Byron Gordon notes the importance of the museum as an educational institution [12, p. 5]. In 1914, the Belgian museologist Gustave Gilsen gives the following definition of a museum: "A modern museum is an institution that is engaged in the search, research and exposition of material objects" [10, p. 9].

Thus, in Europe and the USA at the turn of the 20th century, the scientific concept of the museum as an institution for storing and displaying material, a cultural, scientific center and an educational center was formed. For several decades, this concept did not practically undergo major changes.

In particular, Douglas Allan's definition of 1960, although formulated somewhat extravagantly: "A museum in its simplest form is a building for collections of objects for inspiration, study and enjoyment", in fact also speaks about a museum as a center for the preservation of art and scientific materials (cit. ex [26, p. 141]).

George Osborne focuses on the aesthetic function of the museum and talks about the potential ability of museums to influence contemporary art [24, p. 47].

If to speak about the works of the beginning of the 21st century, I can state that many research-

ers note a certain shift in the functions of museums. In particular, Elena N. Mastenitsa says that the modern museum has ceased to be an institution that only records the achieved level of public consciousness, but becomes an actor contributing to its dynamics, an educational, communicative, cultural center [19, p. 139].

Marianne Achiam and Jan Sølberg, based on the materials of the 2013 Ecsite Conference, identify nine metafunctions of the modern museum:

1) scientific function;

2) cultural function; like Mastenitsa, the authors emphasize that the museum can act as a cultural resource for society and as an independent actor;

3) educational function;

4) social function;

5) network function;

6) political function;

7) economic function;

8) conservative function;

9) symbolic function [2, p. 8–18].

Nikolay A. Tomilov highlights even more functions of the museum [31, p. 141].

Most researchers of recent years, as a rule, concentrate on some particular function of the museum, and, when considering it comprehensively, they do not focus on the historical prerequisites and factors of the formation of a particular function.

The aim of this article is to conduct a historical and cultural analysis of the functions of a modern museum. In particular, I must identify and generalize the sociocultural functions of the museum, I must answer the questions of what a museum is as a socio-cultural phenomenon, what role it plays in modern culture, what its social significance is, what factors influenced its formation at different stages.

The sources used during the implementation of the work can be divided into the following groups:

1) scientific works of foreign and Russian researchers who have studied this problem before;

2) documents of international organizations, in particular, the Charter of the International Council of Museums;

3) reports of organizations, for example, the 2015 Tax Report of the Metropolitan Museum

of Art, the annual report of the British Museum for 2016;

4) laws, for example, the law of the Republic of Kazakhstan On Culture.

Among the general scientific methods I used are analysis, the use of which is determined directly by the aim formulated above. The museum is an integral phenomenon; however, in order to study the sociocultural functions of this phenomenon, it seems necessary to identify and consider each function and aspect of activity separately. Considering the trends and functions of the museum as a phenomenon also implies the use of methods such as synthesis, generalization and a systematic approach. Of great importance was the problem-chronological method, which was actively used in the framework of the diachronic description of the development of the phenomenon of the museum.

I have divided this study into the following sections:

1) study of the generally accepted official formulations of the term “museum”;

2) consideration of museum functions accepted in historiography as seen by various researchers;

3) determination of the historical stages of the development of the museum phenomenon and the factors that influenced this process;

4) summarizing of the results and conclusions.

I hope that the provisions and conclusions of this article will contribute to the scientific understanding of the functions of the modern museum and the role it plays in modern society.

During historical development, the museum as a sociocultural phenomenon has undergone significant changes. The functions of museums, their number, the target audience changed depending on the sociocultural environment and the needs of society. The semantic content of the very concept “museum” was transformed, various forms of museum collections appeared and disappeared, the ways of data representation changed.

The definition formulated in the Charter of the International Council of Museums (ICOM) (1989) reads: “The Museum is a permanent non-profit institution serving the cause of society and its development, accessible to the general public, engaged in the acquisition, storage,

research, popularization and display of material evidence of a person and his environment for the purpose of study, education, as well as for the satisfaction of spiritual needs.” Further in the text of the Charter it is noted that this definition also includes “natural, archaeological and ethnographic monuments and attractions, historical monuments”, “botanical, zoological gardens, aquariums, vivariums”, “scientific centers and planetariums”, “non-commercial art galleries”, “nature reserves”, etc. [7, pp. 3–4].

Article 25 of the Law of the Republic of Kazakhstan On Culture provides the following definition of a museum: “Museums are cultural organizations created for the storage, study and public representation of museum items and museum collections, designed to carry out cultural, educational, research functions and to ensure the popularization of historical and cultural heritage of the Republic of Kazakhstan” [23].

Several functions and properties of a museum can be derived from this definition. Among the functions, one can name research, educational functions, as well as the function of ensuring the safety of “material evidence of a person” (conservative). Among the properties are the availability and non-commercial nature of the museum’s activities. Regarding the latter, it can be assumed that the activities of the museum may well have a partly commercial nature without prejudice to the main functions.

Various researchers often identify a significantly larger number of functions. One of the most complete formulations of the functions of museums was given by Tomilov, who speaks about 15 functions of the museum, which include: documentation (proves the existence of phenomena and processes in the past and present); protection and storage (ensures the safety of museum funds); cognitive or research (makes it possible to simulate historical and historical cultural processes, the ability to reproduce past reality in people’s thinking); educational (delivers knowledge to people about the historical and cultural past through the informative significance of museum items); ideological (forms the attitudes of people towards the community of humanity and its diversity); political (allows the use of historical and sociocultural heritage to prove certain political processes in the past and present, for the formation of

state actions, etc.); economic (increases the values of humanity, including in the financial situation); creative (increases the volume of participation of historical, cultural and natural resources of museums in the development of society); integration (provides links between the sociocultural realities of the present and the past); identification (makes people aware of the similarities and differences between modern and past sociocultural systems); communication (promotes mutual understanding and interaction between people within the depth of the history of humankind and its culture); consolidation (contributes to an increase in the volume of common cultural phenomena in the communities of humanity); differentiation (divides humanity along sociocultural boundaries); educational (evokes respect for the past of humanity and its peoples, develops patriotic attitudes and feelings, directs the spiritual development of the individual); aesthetic (forms tastes in the field of beauty and value assessments of artistic activities of people)" [31, p. 141].

Vladimir M. Grusman identifies five functions of the museum: information-integrative, storage, educational-developmental, transformative-constructive, and entertainment-cognitive [15, p. 26].

Ivan Gaskell speaks about the variability of the functions of various museums, but identifies six interrelated functions: collection, preservation, display, publication, education, and scientific research [8, p. 86].

The functions of a modern museum are the object of research not only by museum scholars, but also by sociologists and anthropologists. For example, Volker Kirchberg examines the functions of the museum in a post-industrial city. He divides the functions of the city museum into two categories: manifest and latent. Thus, in the matter of structuring the urban landscape, a manifest function is the ability to "streamline the urban chaos", to become the "face" of the localization area. A latent function is gentrification, expulsion of the population with a low social status out of the localization area. Another example of a manifest function, according to Kirchberg, is that a museum should serve as a platform for communication between the intellectual elite and the "democratic" strata of the population, and encourage contacts between different lifestyles. However, in reality,

this function is not realized and the city museum in a post-industrial city is a platform for dialogue only for a very specific group of people [16, p. 66].

Richard Sandell views museums in the UK as a means that can be used to both disunite and unite different social groups. This is done through such a function of the museum as broadcasting public values, creating and representing the image of society. By encouraging certain values, paying attention to certain facts and "ignoring" others, the museum, as a sociocultural phenomenon, can thus be part of the mechanisms of reintegration [27, p. 407]. Within the framework of his constructivist approach, Sandell argues that the museum can act as a "vehicle of broad social change", contributing to social integration. As one example, he cites the Museum of Migration in Adelaide (Australia), which covers the history of immigration and seeks to destroy the residents' fear of the "other" (representative of a different culture) [27, p. 414].

All of the functions listed above by various researchers can be conditionally divided into direct and mediated. The direct functions of the museum include:

- 1) collection and storage of material;
- 2) representation of material;
- 3) scientific-research activities.

All others should be classified as mediated functions. This does not mean that they are less important than the direct ones. It only means that practically all of them, whether it is an educational, political or integrative function, fit into the framework of the primary direct function designated here as "representation of material". In this case, it should rather be argued that the primary function of representing the material is only a means to achieve some higher goal, didactic, political, or some other.

In fact, we can imagine a modern museum as a conceptual message aimed at the target audience, or a set of messages that together form a specific text. Unlike collections, of which it is to some extent a descendant, the museum is always directed outward, towards the visitor, towards the recipient, who must perceive the message hidden in the representation of the museum material.

The modern complex of functions is the result of a relatively long evolution of the museum as a sociocultural phenomenon. Let us take a closer look at some of them.

The collection and storage of material is undoubtedly one of the primary functions of the museum, and this function, in fact, gave rise to the museum as a phenomenon. However, since the time of the first proto-museum collections, this function has acquired some new meanings, which became actualized during the evolution of society, technological and economic development. If, initially, in the collections of the Renaissance, the aesthetic side of collecting dominated, later, if it did not recede into the background, then, at least, stood in a row with other functions, no less important.

So, at the dawn of the New Age, natural science collections appear and, later, natural science museums. Between 1620–1654 the Danish scientist Ole Worm creates the natural science Museum Wormianum, whose collections after his death in 1654 were included in the Danish Royal Kunstkamera [28, p. 81–82]. In 1683, the Ashmole Museum was founded in Oxford, the oldest of the university and, apparently, of the public museums [1, p. 115].

The 19th century was a time of irreversible changes, rapidly developing technologies and the final collapse of traditional society. It was at this time that the need to preserve the historical memory and the appearance of traditional cultures and artifacts, and to take on the irrevocably passing time was actualized. The 19th century accounts for the design of such scientific disciplines as archeology and ethnography, which from that time to the present day regularly supply the museum with the necessary material. The development of archeology and ethnology also determined the development of the museum as a scientific organization and largely determined some of the directions of its activities. The converse statement is also true, the development of the museum as a sociocultural institution had a significant impact on the development of such humanitarian disciplines as archeology, ethnography, and art history.

From that time on the museum has acquired the function of preserving purely scientific material not intended for display. Since representativeness is one of the main requirements for a museum exhibition, many artifacts of scientific interest are not of interest to visitors.

The educational function of the museum is indisputable and, with certain reservations, its

beginning can be traced back to ancient times. Ancient museums, whose development peak was the Alexandrian mouseion, were, of course, not museums in the modern sense. Thus, the Encyclopaedia Britannica defines the Mouseion of Alexandria as a “center of classical learning” and a “research institute” [4]. Valentin P. Gritskevich also speaks about the scientific and pedagogical function of museums, noting, however, the “proto-museum” nature of their meetings [13, p. 65].

At the same time, Valeriy Porshnev, examining the functions of ancient museums, distinguishes two of them, which are in direct agreement with the modern definition of a museum given by ICOM. This is “the preservation of historical memory”, which led to the formation of the objective environment, as well as, indirectly, “the transfer of accumulated experience” [25, p. 280]. The degree of continuity between ancient museums and modern museums is a rather controversial issue, and its identification is not among the tasks of this work.

Educational functions at an embryonic level can also be distinguished in the proto-museum collections of the Renaissance, which is expressed, in particular, in the term “studiolo” (from *studiare* – to study), which has survived to this day.

At the end of the 18th century systemic changes of a socioeconomic and cultural nature took place in Europe, which was reflected in the development of museums. In particular, the revolution in France and the accompanying nationalization of royal and church property led to the emergence of public museums accessible to representatives of different segments of the population [14]. At the same time, an important role is played by the fact that the end of the 18th – beginning of the 19th century was the time of the formation of a common French identity, which to some extent actualized the museum. Overall, similar processes were characteristic of Europe at that time. In addition, the end of the 18th – the beginning of the 19th century was the beginning of significant advances in the development of the economy, industry, science and technology.

The number of museums was increasing, a division by specialization appeared, the concept of the role of the museum in educating people was developing. During this period, many museum forms habitual for the 20th–21st centuries, such

as dioramas and panoramas, were formed. Nevertheless, according to Gritskevich, during this period museums, despite their rapid growth, continued to remain inaccessible to a wide audience.

The design of the educational function of the museum should be dated to the 19th century, and its final consolidation took place in the 20th century. I should note that, in different countries, the evolution of the museum was uneven and depended on the social environment. The most important factors that contributed to the development of the museum as an educational institution were the spread of literacy among the population and the actual number of museums. These two factors, in the context of considering the educational function of the museum, depend on each other. The more people in the country with at least a primary education, the more urgent is the social demand for museums. The more museums there are, the more relevant is their educational function. It is no coincidence that the flagship of Europe in terms of the development of the museum as an educational institution in Europe was and still is Germany.

Since the end of the 18th century, an increase in literacy has been recorded in Germany. Already in the 1830s in Prussia, the proportion of children attending school was close to 100% [9, p. 45]. In other states of Germany, the figures were, although not always so high, but comparable. Circulation of printed editions also speaks about it. In 1803, Hamburgische Correspondent had a circulation of 50,000 copies. Another example is Rudolph Zacharias Becker's peasant almanac. If in 1798 150,000 copies of the almanac were sold, in 1811 their number was already 1,000,000 [9, p. 47]. It can be assumed that it was the high level of literacy of the population that became one of the cornerstones of the development of the museum in Germany in the 19th century. Thus, speaking about the rapid growth of the number of museums in Germany in the 19th century, Geoffrey Lewis cites the fact that in only five years, from 1876 to 1880, 50 museums appeared in this country [17]; while Hildegard Vieregg gives the following figures: 15 museums in 1835, about 179 in 1900, about 2000 in 1982 [32, p. 136]. In the 20th century, the number of museums in Germany continued to grow. According to Neal Asherson, only in Germany there were 2076 museums in 1981, and by 1995 their number grew to 3923 [6, p. 59].

In 2008, according to Vieregg, the number of museums in Germany was 6190 [32, p. 151].

Germany is also a European leader in the development of school museums. In 2004, according to Pablo Alvarez, Pauli Davila and Luis M Nighy, Europe had at least 442 school museums used in the educational process, of which 103 were located in Germany [5, p. 3].

According to the research of Elena B. Medvedeva, museum pedagogy in Germany originated in the late 19th – early 20th centuries, more precisely, at the end of the 19th century preconditions and ideas appeared, which were implemented in the first third of the 20th century [20, p. 55].

Close to the educational function is the idea of a children's museum, which appeared in the United States and Russia at the turn of the 20th century [18, p. 23; 29, p. 344].

Even though the official definition of ICOM emphasizes the non-commercial nature of the museum's activities, its economic function should also be touched upon, which, as I see it, can be divided into several diverse elements:

1. Museum as a place of employment. It is the simplest element of the economic function. Museums of different sizes and importance are places of work for different numbers of people. The largest museums provide a relatively large number of jobs. Thus, the number of employees of the British Museum in 2016 was 1064 [30, p. 50]. Another example is the Metropolitan Museum of Art in New York, which has more than 2,000 employees and in 2015 spent more than \$ 125 million on salaries alone, not counting other payments and compensation [21].

2. Museum as a tourist attraction. It is no secret that museums are a means of attracting tourists, and the most famous museums occupy key places in tourists' plans. For example, opinion polls have shown that visits to museums, primarily the State Hermitage, are planned by most of the tourists arriving in St. Petersburg. The most famous museums in this case participate in the formation of the cultural image of the tourist destination. In general, museums, even in the absence of admission fees, but with a competent strategy, are able to provide an economic effect for the tourist destination as a whole.

3. The third aspect of the economic function of the museum is difficult to express in objective

economic indicators, and, in general, its formulation seems somewhat debatable. It is associated with the educational and consolidating role of the museum, the formation of a person and a citizen. If to remember that, from an economic perspective, a person is the same resource of the country as other resources, the participation of the museum in the educational and ideological processes also gives a certain economic effect.

Thus, having considered the sociocultural functions of the museum, I can come to drawing the following conclusions. The museum is a complex multifunctional sociocultural institution. Various functions of the museum are the result of a fairly long evolution, they appeared at different times and are a response to the social needs of a changing society. The modern museum took shape in the 20th century, although many of its functions and forms appeared much earlier. To put it more precisely, all the basic principles of the 20th century museum were formed in the 19th century, but it was in the 20th century that the museum's potential was revealed. Among the factors that determined the design of the modern museum system, are: an increase in the level of education of the population, widespread literacy, state control (in some countries), the design of national identity, a significantly increased degree of human influence on the environment, an increase in the role of tourism and the overall economic development of society, the rapidly accelerated social development of society, which threatened the preservation of the values and realities of traditional culture.

Applying the cultural-semiotic approach, we will see in the museum a collection of subject-specific texts addressed to the visitor. Combining the cultural-semiotic approach with the constructivist one, we also see that the content of the transmitted message can be constructed depending on the goals of the author. Thus, the museum is a potentially flexible and powerful tool for informational, pedagogical, educational, and ideological impact. In this case, the impact can be both positive and negative; for example, it can serve for the integration or reintegration of society, impose certain cultural norms and rules, aesthetic ideas.

The museum is not an isolated phenomenon; it is included in the environment at different

levels, being part of a system, or more precisely, several systems.

At the first level, the museum is physically inscribed in the landscape, often being not just a part of it, but having structure-forming functions. At the same time, often the location of the museum, the shape of the building, its architectural features, represent a message. An example is the building of the National Museum of the Republic of Kazakhstan, opened in 2014. The largest museum in Central Asia (which, of course, is communicated to visitors), located at the main square of the country around buildings with similar statuses (Palace of Peace and Reconciliation, Khazret Sultan Mosque), represents a kind of "claim for leadership" not only in the country, but also in the region. Here are some other examples: Titanic Belfast, built on the site of the docks, where the ship of the same name was created; Azerbaijan Carpet Museum, built in the form of a rolled carpet; Museum of the Soviet-Polish Military Commonwealth, built in the form of a helmet, etc.

At the second level, the museum is part of the system of museums within the city, region, country and, as a result, the whole world. Here it would be useful to remember that the motive force of the museum, its foundation, which fulfills public requests and ensures the functioning of the entire mechanism, are people. Museum workers, like representatives of other professions, are a kind of subculture, a community of people, within which a certain conceptual apparatus is formed, a system of connections, exchange of information and experience is established.

At the third level, the museum is part of the cultural environment and interacts with other sociocultural actors. The complex system of relations here includes interactions of the "museum – visitor", "museum – state" (government regulators, various control services), "museum – educational institutions", "museum – religious organizations" and other types.

Summing up, I should note that the above three levels, separated for convenience, are not actually separated from each other, and represent a single system, all the elements of which, in one way or another, are directly or indirectly related to each other.

An important factor in the development of museums was the development of science in the

19th and 20th centuries, in particular, of historical disciplines such as ethnography and archeology, natural sciences, and art history. An equally important factor was the increase in the level of literacy of the population, which to some extent determined the growth in the number of museums, ensuring the demand for them. The third factor was the industrial and technical revolution of the 19th century, accompanied by rapid changes in living conditions and the irreversible transformation of traditional culture, which necessitated its conservation and study. This trend in the 20th century increased by many times.

Thus, the accumulation and systematization of information, the need for its visual representation, as well as the increase in the number of potential recipients caused by the development of society are the main factors that contributed to the spread of the museum, the fact of its expansion from the academic and elite environment to the public. This can also include the development of tourism, economic and ideological factors.

The main functions of a modern museum are collection, storage, study, and presentation of material. The first three of them, as a rule, relate to the activities of narrow specialists, scientists, museologists, restorers, etc. The function of representing the material is the point of contact of the museum with the “outside world”, visitors, recipients of the information that the museum

can provide. It is this function that turns the museum into a potentially powerful didactic, educating, and ideological tool – an instrument of integration (reintegration), adaptation, upbringing, education.

Thus, based on the study of various sources, I have considered and summarized the functions of the modern museum in the historical and cultural aspect, and determined its role in the socio-cultural space.

Speaking about the direction of future research on the functions of the modern museum, I should note that it is necessary to focus on the individual functions of the museum. In particular, the pedagogical function of the museum is important. Despite the fact that this function has not been ignored by researchers, the potential of the museum in this area is still high and, with the development of society and technology, the pedagogical function of the museum as an area of research is gaining relevance. As a perspective research direction, I see the function of the museum as a center for working with socially vulnerable segments of the population, a platform for dialogue.

In my opinion, the study of the museum’s capabilities in cyberspace, the mechanisms for implementing its functions through the Internet, the impact on the audience and interaction with it through computers and mobile devices has a potentially high applied value.

Abay K. SATUBALDIN

National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan,
abaykarimtaevich@mail.ru

***Functions of a Modern Museum:
An Experience of a Historical and Cultural Analysis***

Abstract. The author reveals the totality of the functions of a modern museum, while considering each of them in a historical and cultural aspect. The methodological research tools include analysis, synthesis, generalization, analogy, a systematic approach, and a problem-chronological method. The materials used are the works of foreign and Russian researchers, documents of international organizations (Charter of the International Council of Museums), reports of major museum institutions (the 2015 Report of the Metropolitan Museum, the annual report of the British Museum for 2016), legislative sources (Law of the Republic of Kazakhstan On Culture). The study consists of several parts: (1) the study of the generally accepted official wording of the term “museum”, (2) the analysis of scientific views on the composition and characteristics of museum functions, (3) the identification of the historical stages in the development of the museum phenomenon and the factors that influenced

this process, (4) the description of results and the formulation of conclusions. The author notes that in each of the stages of its evolution, the museum as a sociocultural phenomenon has changed, transformed, acquired new functions, each time finding its niche within the sociocultural environment. The author has established that the museum of the modern type was formed in Europe in the 19th century; in the 20th century. this type became universal. A number of factors played an important role in the institutional design of the museum and its activities: (1) the development of scientific knowledge in the 19th and 20th centuries, (2) the increase in the level of literacy of the population, (3) the industrial and technical revolution of the 19th century, accompanied by rapid changes in living conditions and an irreversible transformation of traditional culture. The author concludes that (1) a museum is a complex, multicomponent cultural phenomenon, a social and cultural institution whose main functions at the present stage are the collection, storage, study and representation of material, (2) the sociocultural transformation of a museum as a phenomenon and a complex of its functions has a centuries-old history that continues at the present time, (3) in addition to the main functions listed above, the museum helps to solve other tasks based on the representation of the material: pedagogical, didactic, ideological. It can act as a base for the development of certain sciences, such as archeology, ethnography, geology, paleontology, etc. In addition, the museum is also an economic object and a tourist attractor.

Keywords: museum, museum business, museum functions, sociocultural phenomenon, culture, collection, storage, study and presentation of material.

Использованная литература:

1. Abt, J. The Origins of the Public Museum // *A Companion to Museum Studies*. Ed. by Sh. Macdonald. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006. P. 115–134.
2. Achiam M., Solberg J. Nine meta-functions for science museums and science centres // *Museum Management and Curatorship*. 32(2). 2016. P. 123–143.
3. Аделунг Ф. Предложение об учреждении Русского национального музея. СПб.: Типография Н. Греча, 1817.
4. Alexandrian Museum // *Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/Alexandrian-Museum> (Date of access: 09.11.2021).
5. Álvarez P, Dávila P, Naya L. Education museums: historical educational discourse, typology and characteristics. The case of Spain // *Paedagogica Historica*. 2017. vol. 53. № 6. pp. 827–845.
6. Ascherson N. Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. Ed. by Heinrich Härke // *Public Archaeology*. 2001. vol.2. №.1. P. 57–60.
7. Устав Международного совета музеев (ИКОМ) (Гаага, Нидерланды, 5 сентября 1989 г.) с дополнениями и изменениями. URL: <https://icom-russia.com/upload/uf/0a2/0a2d7639e64b4ca55e355c9bf51bdffc.doc> (Date of access: 02.11.2021).
8. Gaskell I. Museums and Philosophy – Of Art, and Many Other Things. Part II // *Philosophy Compass*. 2012. vol. 7. №. 2. P. 85–102. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0505-5_2
9. Gawthrop R. Literacy Drives in Preindustrial Germany // *National Literacy Campaigns. Historical and Comparative Perspectives*. New York: Springer Science+Business Media, 1987. P. 29–48.
10. Gilson G. Le Musée d’Histoire Naturelle Moderne – Sa mission, son organisation, ses droits // *Mémoires du*

References:

1. Abt, J. (2006) The Origins of the Public Museum. In: Macdonald, S. (ed.) *A Companion to Museum Studies*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd. pp. 115–134.
2. Achiam, M. & Sølberg, J. (2016) Nine meta-functions for science museums and science centres. *Museum Management and Curatorship*. 32 (2). pp. 123–143.
3. Adelung, F. (1817) *Proposal to establish the Russian National Museum*. St. Petersburg: N. Grech Printing House. (In Russian).
4. Encyclopaedia Britannica. (n.d.) *Alexandrian Museum*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/topic/Alexandrian-Museum> (Accessed: 09.11.2021).
5. Álvarez, P., Dávila, P. & Naya, L. (2017) Education Museums: Historical Educational Discourse, Typology and Characteristics. The Case of Spain. *Paedagogica Historica*. 53 (6). pp. 827–845.
6. Ascherson, N. (2001) Archaeology, Ideology and Society: The German Experience. *Public Archaeology*. 2 (1). pp. 57–60.
7. ICOM. (1989) *Charter of the International Council of Museums (ICOM)*. The Hague, Netherlands, 5 September 1989, with additions and amendments. [Online] Available from: icom-russia.com/upload/uf/0a2/0a2d7639e64b4ca55e355c9bf51bdffc.doc. (Accessed: 02.11.2021).
8. Gaskell, I. (2012) Museums and Philosophy – Of Art, and Many Other Things Part II. *Philosophy Compass*. 7 (2). pp. 85–102.
9. Gawthrop, R. (1987) Literacy Drives in Preindustrial Germany. In: Arnove, R.F. & Graff, H.J. (eds) *National Literacy Campaigns. Historical and Comparative Perspectives*. New York: Springer Science+Business Media, LLC, pp. 29–48.
10. Gilson, G. (1914) *Le Musée d’Histoire Naturelle Moderne – Sa Mission, Son Organisation, Ses Droits*.

Musée Royal d'Histoire Naturelle de Belgique. VII (25). Hayez, imprimeur de l'Académie royale de Belgique: Bruxelles, 1914.

11. Goode G. B. The principles of museum administration // Report of the United States National Museum for the year ending. 1897. June, 30. pp. 193–240

12. Gordon G. B. The functions of the modern museum // The Museum Journal. 1911. Volume 2. № 1. P. 2–5

13. Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004.

14. Грицкевич В.П. История музейного дела конца XVIII – начала XX вв. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: С.- Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2007.

15. Грусман В.М. Становление и развитие социально-культурных функций российских музеев: дис. ... канд. пед. наук: СПб., 2001.

16. Kirchberg V. Categorizing Urban Tasks: Functions of Museums In the Post-Industrial City // Curator: The Museum Journal. 2010. №. 46. P. 60 - 79.

17. Lewis G. The history of museums. URL: http://www.muuseum.ee/uploads/files/g_lewis_the_history_of_museums.pdf (Date of access: 20.11.2021).

18. Макарова Н.Г. Детские музеи Америки: история и современность // Музейная педагогика за рубежом: работа музеев с детской аудиторией / Сост. и ред. М.Ю. Юхневич. М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. С. 22–39. URL: http://www.future.museum.ru/lmp/web/archive/m-pro_5.pdf (Дата обращения: 21.11.2021).

19. Мастеница Е. Н. Новые тенденции в развитии музея и музейной деятельности // Триумф музея? СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2005. С. 138–145.

20. Медведева Е.Б. Музейная педагогика Германии в прошлом и настоящем // Музейная педагогика за рубежом: работа музеев с детской аудиторией / Сост. и ред. М.Ю. Юхневич. М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. С. 45–64 / http://www.future.museum.ru/lmp/web/archive/m-pro_5.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

21. Metropolitan Museum of Art. Return of Organization Exempt From Income Tax. 2015. URL: <https://www.metmuseum.org/-/media/Files/About%20The%20Met/990%20Forms/2015%20IRS%20Form%20990%20for%20FY2016.pdf> (Date of access: 17.11.2021).

22. MUSÉE // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 10. Neufchastel, S. Faulche & compagnie, 1765. P. 893–894.

23. О культуре. Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года № 207. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207_ (дата обращения: 24.09.2021).

24. Osborne H. Museums and Their Functions // Journal of Aesthetic Education. 1985. vol. 19. № 2. 3. 41–51.

25. Поршневу В.П. Музей в культурном наследии античности. М.: Новый Акрополь, 2012.

26. Raymond S. Museum: A Legal Definition // Curator: The Museum Journal. 1983. vol. 26. № 2. P. 137–153.

27. Sandell R. Museums as Agents of Social Inclusion // Museum Management and Curatorship. 1998. vol. 17. № 4. P. 401–418.

28. Schepelern H.(1990). The Museum Wormianum reconstructed. A Note on the Illustration of 1655 // Journal of the History of Collections. 1990. vol. 2. № 1. pp. 81–85.

29. Шеховская Н. Л., Мандебура Е. П. Музейная педагогика: историко-педагогический анализ // Научные

Mémoires du Musée Royal d'Histoire Naturelle de Belgique. VII (25). Bruxelles: Hayez, imprimeur de l'Académie royale de Belgique.

11. Goode, G.B. (1897) The Principles of Museum Administration. In: *Report of the United States National Museum for the Year Ending*. 30 June 1897. Washington, DC: Government Printing Office. pp. 193–240.

12. Gordon, G.B. (1911) The Functions of the Modern Museum. *The Museum Journal*. II (1). pp. 2–5.

13. Gritskevich, V. (2004) *History of Museum Affairs Before the End of the 18th Century*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts. (In Russian).

14. Gritskevich, V. (2007) *History of Museum Affairs of the End of the 18th – Beginning of the 20th Centuries*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts. (In Russian).

15. Grusman, V. (2001). *Formation and Development of Social and Cultural Functions of Russian Museums*. Pedagogy Cand. Diss. Saint Petersburg. (In Russian).

16. Kirchberg, V. (2010) Categorizing Urban Tasks: Functions of Museums in the Post-Industrial City. *Curator: The Museum Journal*. 46. pp. 60–79.

17. Lewis, G. (2006) *The History of Museums*. [Online] Available from: http://www.muuseum.ee/uploads/files/g_lewis_the_history_of_museums.pdf (Accessed: 20.11.2021).

18. Makarova, N. (1997) Children's Museums in America: History and Modernity]. In: Yukhnevich, M.Yu. (ed.) *Museum Pedagogy Abroad: The Work of Museums With a Children's Audience*. [Online] Available from: http://www.future.museum.ru/lmp/web/archive/m-pro_5.pdf (Accessed: 21.11.2021). (In Russian).

19. Mastenitsa, E.N. (2005) New Trends in the Development of the Museum and Museum Activity. In: Piotrovskiy, M.B. et al. (eds) *Triumph of the Museum?* St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 138–145. (In Russian).

20. Medvedeva, E. (1997) Museum Pedagogy in Germany in the Past and Present. In: Yukhnevich, M.Yu. (ed.) *Museum Pedagogy Abroad: The Work of Museums With a Children's Audience*. [Online] Available from: http://www.future.museum.ru/lmp/web/archive/m-pro_5.pdf (Accessed: 21.11.2021).

21. Metropolitan Museum of Art. (2015) *Return of Organization Exempt From Income Tax*. [Online] Available from: <https://www.metmuseum.org/-/media/Files/About%20The%20Met/990%20Forms/2015%20IRS%20Form%20990%20for%20FY2016.pdf> (Accessed: 17.11.2021).

22. Didrot, D. et al. (1765) MUSÉE. In: *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Tome 10. Neufchastel, S. Faulche & compagnie. pp. 893–894.

23. Republic of Kazakhstan. (2006) *On Culture. Law of the Republic of Kazakhstan of December 15, 2006, No. 207*. [Online] Available from: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207_ (Accessed: 24.09.2021). (In Russian).

24. Osborne, H. (1985) Museums and Their Functions. *Journal of Aesthetic Education*. 19 (2). pp. 41–51.

25. Porshnev, V. (2012) *Museums in the Cultural Heritage of Antiquity*. Moscow: New Acropolis. (In Russian).

26. Raymond, S. (1983) Museum: A Legal Definition. *Curator: The Museum Journal*. 26 (2). pp. 137–153.

ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. №6 (101). С. 343–350.

30. The British Museum. Report and accounts for the year ended 31 March 2016. URL: <https://www.britishmuseum.org/pdf/BM-report-and-accounts-2015-2016.pdf> (Date of access: 21.11.2021).

31. Томилов Н.А. История музеев России: вопросы периодизации // Грибушинские чтения – 2011. На стыке традиций, эпох, континентов. Кунгур, 2011. С. 380.

32. Vieregge H. History of Museums: A Focus on Museums and Museology in Germany 1900-2011 // *Journal of Museum and Culture*. 2011. Vol. 26. № 2. P. 137–153.

33. Winchell N. H. Museums and Their Purposes // *Science*. 1891. vol. 18. no. 442 (Jul. 24, 1891). P. 43–46.

27. Sandell, R. (1998) Museums as Agents of Social Inclusion. *Museum Management and Curatorship* 17 (4), pp. 401–418.

28. Schepelern, H. (1990) The Museum Wormianum reconstructed: A Note on the Illustration of 1655. *Journal of the History of Collections*. 2 (1). pp. 81–85.

29. Shekhovskaya, N. & Mandebura, E. (2011) Museum Pedagogy: Historical and Pedagogical Analysis. *Scientific Bulletin of BelSU, Series: Humanities*. 6 (101). pp. 343–350.

30. The British Museum. (2016) *Report and accounts for the Year Ended 31 March*. [Online] Available from: <https://www.britishmuseum.org/pdf/BM-report-and-accounts-2015-2016.pdf> (Accessed: 21.11.2021).

31. Tomilov, N. (2011) History of Russian Museums: Issues of Periodization. *Gribushin Readings: At the Junction of Traditions, Eras, Continents*. Abstracts of the Conference. Kungur: [s.n.]. (In Russian).

32. Vieregge, H. (2011) History of Museums: A Focus on Museums and Museology in Germany 1900–2011. *Journal of Museum and Culture*. 26 (2). pp. 137–153.

33. Winchell, N.H. (1891) Museums and Their Purposes. *Science*. 18 (442). pp. 43–46.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Satubaldin, A. K. Functions of a Modern Museum: An Experience of a Historical and Cultural Analysis / A. K. Satubaldin // *Nasledie vekov*. 2. P. 68-79. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.005

Full bibliographic reference to the article:

Satubaldin, A.K. (2022) Functions of a Modern Museum: An Experience of a Historical and Cultural Analysis. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 68-79. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.005

УГЛЕВА Наталья Владимировна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела дерева и мебели
Государственного исторического музея,
Москва, Российская Федерация

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation
and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
uglevan@ya.ru

УДК: [645.412.1:929.731(470+571)“16”]:[93/94+7.072.5“18/20”]

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.006

ГРНТИ: 13.51.09

ВАК: 5.10.2.

Опыт атрибуции тронного кресла царя Алексея Михайловича Романова и «костяного трона» в XIX–XXI веках

The Experience of Attribution of the Throne Chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov and the Ivory Throne in the 19th–21st Centuries

В статье уточняется атрибуция двух тронных кресел («алмазного трона» и «костяного трона») из собрания Оружейной палаты, датировка и происхождение которых до настоящего времени не были точно установлены. Материалами послужили сами изучаемые предметы мебели, архивные источники, опубликованная документация дворцовых приказов и Архива Оружейной Палаты, коронационные альбомы, а также результаты предшествовавших исследований. Выявлены обстоятельства появления «алмазного трона» в кремлевской сокровищнице, сделан вывод о датировке его создания XV–XVI вв. и первоначальном изготовлении работавшими в Иране европейскими мастерами. Появление «костяного трона» датируется периодом не ранее 1621 г. На основе источников первой половины XVII в. описывается подобный объект – «большой костяной стул», предполагается, что два данных предмета фактически являются одним и тем же артефактом, восходящим к XIV в. и за время своего бытования пережившим множественные реконструкции и изменения.

Ключевые слова: атрибуция, тронные кресла, костяной трон, алмазный трон, царь Алексей Михайлович Романов.

Памятники мебельного искусства представлены во многих музеях мира. Путь диалога с посетителем через предметы мебельного искусства – распространенный прием в музейной практике. Эти крупные яркие объекты, художественное решение которых часто поражает богатством и изысканностью убранства, демонстрируют талант мастеров, создавших форму и декоративную отделку с применением разнообразных техник и материалов, продумавших функциональность предметов мебели. Такие экспонаты в первую очередь привлекают внимание и надолго остаются в памяти посетителей. Именно поэтому особую актуальность приобретает их точная атрибуция, которая должна осуществляться на основании комплексного изучения соответствующих артефактов. Она включает определение стилистики, степени аутентичности, времени, места, технологии изготовления, а иногда – установление автора проекта, мастера, фабрики, конкретного художественного центра. Кроме того (что является весьма важным качеством для музейного предмета), в задачу исследования входит выявление истории каждого из них, то есть места и среды бытования, имен владельцев, связей с конкретными историческими событиями. Такой аспект научных изысканий позволяет определить первоначальную принадлежность предметов до включения их в фонд музея, что в профессиональной терминологии называется провенансом.

Исторические сведения особенно информативны, так как включают объективную характеристику – время и источник поступления, часто являющиеся отправной точкой для определения прежних хозяев, а в перспективе – обстоятельств происхождения предметов. Этот подход значим в музейном деле в целом, но особенно актуален при изучении мебели из-за специфики исследования этой отрасли прикладного искусства, заключающейся в отсутствии традиций клеймения либо фиксации других авторских знаков на подавляющем большинстве изделий. Таким образом, источник поступления можно отнести к важнейшим исходным данным для применения избранной методики изучения конкретного объекта.

Однако некоторые исследования могут продолжаться на протяжении нескольких ве-

ков. Примером тому – два предмета из собрания Музеев Московского Кремля – тронные кресла, которые с XIX по XXI вв. упоминались в публикациях различного характера. Трудно назвать другие мебельные экспонаты, сравнимые с указанными по популярности среди исследователей, по которым они до настоящего времени не пришли к единому мнению по ряду вопросов атрибуции. Хотя, что необычайно важно отметить, никто из обращавших свое внимание на эти артефакты не рассматривал их с точки зрения именно объектов мебельного искусства. Они всегда были значимы в силу двух своих качеств – высочайшей материальной стоимости (благодаря использованным в их отделке драгоценным металлам и минералам) и мемориальному значению (собственность монархической династии Романовых) – и изучались только с этих двух позиций. Подобная практика берет начало с XVII в. – с момента поступления в кремлевское имущество, когда придворные дары были описаны и помещены в казнохранилище.

Следует отметить, что первоначальные описания этих предметов были крайне скудны и сводились, подчеркиваем, к фиксации их драгоценного убора, не включая характеристику формы с выделением конкретных ее особенностей, пригодных для последующей идентификации. Именно поэтому до сих пор нет достаточной ясности, к какому классу предметов они относились. Появившиеся в XVIII в. изображения в коронационных альбомах связали их внешний вид с историей поступления, но и здесь с течением времени возникали разночтения, отмеченные учеными, пытавшимися подтвердить сложившиеся легенды или опровергнуть их.

Исследование призвано уточнить атрибуцию двух тронных кресел («алмазного трона» царя Алексея Михайловича и «костяного трона»), находящихся в собрании Оружейной палаты, датировка и происхождение которых до настоящего времени являются объектами научных дискуссий. Материалами при этом послужили сами изучаемые предметы мебели, документы Российского государственного архива древних актов, опубликованная документация дворцовых приказов и Архива Оружейной Палаты, коронационные альбомы, а также

результаты предшествовавших исторических, искусствоведческих и музееведческих исследований, проводившихся различными учеными на протяжении почти двухсот лет.

В процессе научных изысканий изучаемые артефакты впервые рассмотрены именно как объекты мебельного искусства с применением компаративного метода, стилистического анализа, методов исследования, используемых в историческом источниковедении и профильных вспомогательных научных дисциплинах, а также методы и приемы установления текста.

Достижение целей настоящего исследования будет способствовать совершенствованию методики музейной атрибуции предметов мебельного искусства и других преимущественно редких и ценных экспонатов, имеющих сложный провенанс.

Тронное кресло¹ царя Алексея Михайловича Романова, именуемое в публикациях «трон царя Алексея Михайловича», одно из самых роскошных и дорогостоящих тронных кресел, использовавшихся в церемониях венчания на царство представителей династии Романовых на протяжении почти двух с половиной столетий. Также оно известно под названием «алмазный трон», что обусловлено включением в декоративное оформление большого количество этих драгоценных камней (Рис. 1, 2).

Дата «1659», вышитая на обивке спинки, зафиксирована на этикетке [11] в экспозиции Оружейной Палаты и впоследствии отражена в литературе. Таким образом, время изготовления предмета привязано к 50-м гг. XVII в. и никогда не оспаривалось учеными, не подвергалось сомнению.

В известных атрибуциях разночтения имеются лишь по поводу обстоятельств включения кресла в состав кремлевской сокровищницы. Так, в экспозиционной этикетке отражено мнение сотрудников музея, которые связывают этот предмет с именем Захария Сарадарова, доставившего его ко двору царя Алексея Михайловича из Ирана в 1660 г. Они называют

¹ Тронное кресло – образец парадной мебели для официальных приемов, в том числе для размещения в композиции трона. В нашем тексте будет использоваться именно эта актуальная современная терминология.

этого человека заказчиком и представителем армянской торговой компании [11]. Донатором кресла, по мнению И. И. Вишневецкой, являлся все же не конкретный персонаж, а в целом армянская торговая компания из Новой Джульды, которая получила эксклюзивное право на провоз товаров в Европу через территорию России [3, с. 203]. А. Ф. Малиновский в своей статье «О креслах царя Алексея Михайловича» [6, с. 120–124], опубликованной в 1807 г., придерживается аналогичной точки зрения. В ней подробно описаны обстоятельства доставки и дарения «армянином Сарадовым»² драгоценного кресла от имени «торговой в Испагани Армянской компании» [6, с. 120]. По вопросу оценки трона исследователями также высказывались различные версии, выражающиеся в его стоимостной оценке 24 444 рублями [6, с. 120] или 22 591 рублями 60 алтынами [3, с. 203].

Как мы уже отмечали, в материалах архива Московской Оружейной палаты это тронное кресло фигурирует неоднократно, и датой его включения в кремлевское имущество в качестве дара, преподнесенного царю Алексею Михайловичу, называется 1660 г.

С целью установления имени заказчика этого уникального произведения мебельного и ювелирного искусства обратимся к текстам. Так, упоминание о поступлении в дар кресла зафиксировано в документе 1763 г. под названием «Выписка из статейных списков, хранящихся в архиве Министерства Иностранных дел, о вещах, поднесенных иностранными послами русским государям от царя Иоанна Васильевича Грозного до императора Петра Великого»: «7168/1660 Великому Государю Царю Алексею Михайловичу челом ударил Кизилбашского Шахова ближнего человека Ихто Моделетев купчина арменин Захарей Сарадаров в дарех: Кресла оправлены золотом с камени и с алмазы и с яхонты и с земчуги. По оценке 22,5891 20 алтын³» [10, л. 15].

Из анализа текста следует, что в 1660 г. к царю Алексею Михайловичу обратился («челом ударил») с просьбой и/или с подарками

² Здесь употреблена фамилия не «Сарадаров» (?), а «Сарадов», которая упоминается в известных автору письменных источниках (прим. авт.).

³ Цифра «8» перечеркнута косой линией сверху вниз слева направо. – Н. У.

некто Ихто Моделетев. В документе он значится как «ближний человек», что истолковывается авторами «Словаря русского языка XI–XVII вв.» как доверенное лицо [14, с. 239], который приехал по поручению кизилбашского шаха. Его сопровождал купец-армянин Захарий Сарадаров. При перечислении даров употреблено слово «кресла», значение которого в том же издании считается производным множественного числа от единственного «кресло» [17, с. 39]. Также во множественном числе упоминается, что они украшены золотом и драгоценными камнями, алмазами, рубинами, сапфирами, жемчугом, что оценивается в 22 591 рубль 20 алтын.

Считаем возможным выдвинуть пред-

Рис. 1. Тронное кресло царя Алексея Михайловича Романова. Вид в фас [13, № 62]
Fig. 1. Throne chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov. Front view [13, No. 62]

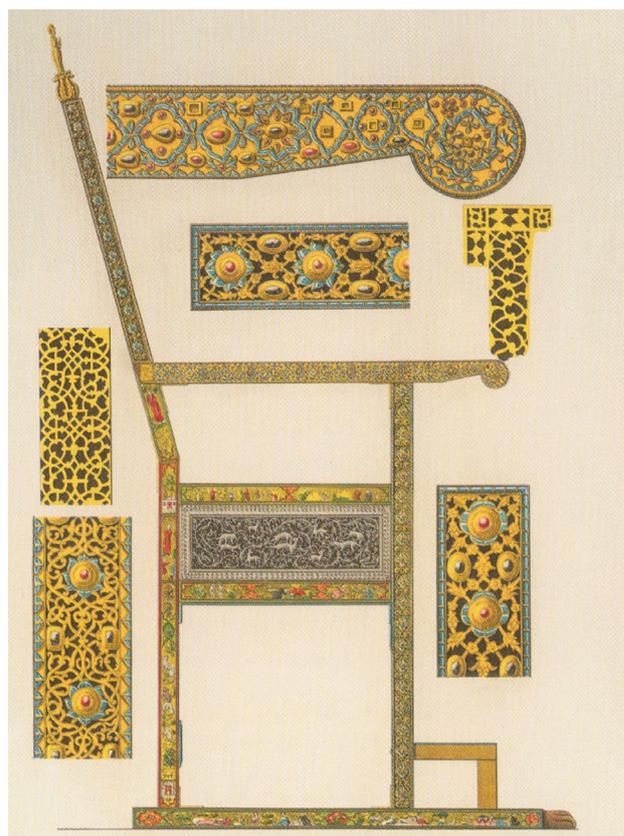

Рис. 2. Тронное кресло царя Алексея Михайловича Романова. Вид в профиль [13, № 63]

Fig. 2. Throne chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov. Profile view [13, No. 63]

положение о том, что речь в источнике может идти о нескольких предметах, как минимум, о двух. Это положение, по нашему мнению, имеет реальное подтверждение, так как в собрании Музеев Московского Кремля находится еще один раритет, который изготовлен в той же манере и мог бы составить пару исследуемому нами экспонату. Это приписываемое другому русскому царю – Михаилу Федоровичу Романову – тронное кресло, история появления которого среди царского имущества до сих пор остается неопределенной. Т.В. Филатова в своей статье, посвященной этому памятнику, выдвигает мнение, которое поддерживают и другие исследователи: «...история трона царя Михаила Федоровича и обстоятельства его появления в казне загадочны и неоднозначны» [20, с. 108].

Возвращаясь к тронному креслу Алексея Михайловича, обратимся к описи «Реестр цар-

ских регалий, а также золотой и серебряной посуды, составленный по распоряжению князя Потемкина капитаном Оболдуевым в 1776–1778 гг.: «Кресла... царю и в. кн. Алексею Михайловичу от кизылбашского ближнего человека Истома Давлетела, привез купчина Захарий в 1660 году» [19, с. 48]. В данном источнике в качестве дарителя трона русскому царю выступает уже упоминавшееся доверенное лицо кизылбашского шаха (Аббаса I) Ихто Моделетев, который здесь назван на славянский лад распространенным именем «Истома», а второе имя «Давлетел» является производным от названия государства Доулет-е Кызылбаш и определяет происхождение дарителя. Известный нам уже «купчина арменин Захарей Сарадаров» представлен в «Выписке из статейных списков...» как перевозчик (или, в современном понимании, представитель транспортной компании), осуществлявший доставку. Эта персона составителю «Реестра царских регалий...» казалась столь незначительной, что его национальность и фамилия вовсе не упоминаются в тексте, а остается лишь «купчина Захарий».

В результате анализа приведенных архивных материалов можно сделать окончательный вывод, что тронное кресло преподнесено Ихто Моделетевым, «ближним человеком», то есть доверенным лицом шаха. Доставка же его в Москву была осуществлена армянским купцом Захарием Сарадаровым.

В коронационном альбоме русской императрицы Анны Иоанновны данное кресло также именуется подарком именно персидского шаха: «Кресло присланное от Шаха Персидского которое в Грановитой Палате на троне стояло...» [8, с. 5]. В другом альбоме, посвященном коронации императрицы Елизаветы Петровны, оно представлено, как «кресла, стоящие на троне в Грановитой палате» [7, ил. 33] без какого-либо упоминания о принадлежности второму из Романовых.

Только в начале XIX в. предмет обрел статусное имя «кресла Царя Алексея Михайловича» [6, с. 121], как это зафиксировано в издании А. Ф. Малиновского, где автором было отражено мемориальное значение музейного предмета, объединившее его изображение, название и обозначившее принадлежность

конкретному русскому царю, включая легенду о заказчиках-армянах, правда, без ссылки на основополагающие источники этих сведений.

Изображения трона, представленные во всех упомянутых публикациях, крайне важны. Это наиболее ранняя фиксация внешнего вида предмета, так как документальные свидетельства содержали лишь информацию о его ювелирном декоре, на основе которой невозможно представить, как выглядело кресло, и идентифицировать его среди других раритетов.

Для определения места и времени создания памятника необходимо провести первичное исследование на основании его описания и последующего анализа информации. Для этого отстранимся от изложенных в источниках и литературе фактов исторического характера и попытаемся рассмотреть экспонат с точки зрения развития мебельного искусства.

Форма тронного кресла отражает принятые в Европе принципы создания кресел эпохи Возрождения. Среди наиболее характерных признаков ренессансной мебели – облегченная система конструкции и решение подлокотников в виде выступающих за пределы сиденья уплощенных брусков. Исходя из этого, можно констатировать, что предмет был выполнен европейскими мастерами, которые работали и при персидском дворе. Время же его создания следует отнести к XV–XVI вв. Привычное датирование артефакта серединой XVII в., когда в Европе, в том числе и в России, установился стиль барокко, широко использовавший в декоре мебели объемную резьбу и точеные детали, кажется несостоятельным. Изготовление подарка для одного из могущественнейших монархов с использованием устаревших художественных и технических приемов кажется абсурдным.

Еще одно наблюдение: корпус трона практически полностью украшен накладными пластинами со вставками из драгоценных камней, подчеркивающими горизонтальное и вертикальное членение. На фасадной царге помещена композиция со слонами и наездниками в чалмах, имеющая ярко выраженный

ориентальный характер индийского происхождения. Убор из драгоценных материалов сосредоточен главным образом на видимых частях трона. Однако, судя по рисункам Ф.Г. Солнцева [13], брусочная конструкция задней части, опорная часть с торцов и даже устои спинки в месте примыкания к сиденью с фасада покрыты изумительной по качеству полихромной миниатюрой, возможно, темперного письма.

Удивительная по своему многообразию тематика миниатюр объединена в общую композицию и включает библейские и бытовые сюжеты, почерпнутые из европейской и восточной культур, она создает впечатление иллюстративного материала к знаменитому труду Марко Поло «Книга о разнообразии мира». Скорее всего, ювелирная декорация и вышивка на спинке появились позже, а первоначально остов был покрыт дивными росписями. Если принять это во внимание, становится очевидно, что кресло было изготовлено задолго до 1659 г., как уже указывалось, в XV–XVI вв.

Если нижняя часть кресла декорирована драгоценными пластинами, то главным украшением спинки является вышивка с изображением двух ангелов с трубами, поддерживающих корону, и надпись на латыни «POTENTISSIMO ET INVICTISSIMOMOS KOVITARVM IMPERA / TORIALEXIOINTE- RRISFELICITER REGNANTINICTRO- / NVSSVMNAARTE ETINDVSTRIAFABR- EFACTVSSITFVTVRIIN / CELISETPEREMIS EAVSTVMFELIXQVE OMEI.AIIIOXRIS TI / 1659».

Пренебрегая различными ошибками, написаниями «е» («Е» вместо «F») и зеркальными «N», что можно объяснить неграмотностью или невнимательностью исполнителя вышивки, текст следует читать: «Potentissimo et Invictissimo Moscovitarum Imperatori ALEXIO in terris feliciter regnanti hic thronus summa arte et industria fabrefactus sit futuri in coelis et perennis faustum felixque omen. Anno Christi 1659», что переводится с латыни, как «Могущественнейшему и Непобедимейшему Императору Московитов Алексею, счастливо царствующему на земле, сей трон, с величайшим искусством и тщанием изготовленный, да будет будущего на небесах и вечного [трона] благоприятным

и счастливым предзнаменованием. В год [от Рождества] Христова 1659»⁴.

Как можно заметить, ориентальной стилистике ювелирного великолепия противопоставлена строгая манера решения спинки, базирующаяся на христианской символике, нарочито подчеркнутой дополнительно композицией наверху, включающей скульптуры апостолов: слева – Петра, справа – Павла. Очевидна и идейная программа произведения, которая заключается в прославлении русского царя, что отражено в тексте вышивки и подкрепляется материальной составляющей.

Подводя итог, следует констатировать, что, по нашему мнению, кресло было выполнено в XV–XVI вв. в ренессансной традиции мастерами, работавшими в Персии. Этот вывод сделан на основании наличия напоминающих лаковые произведения полихромных росписей, которые находятся под металлическим декором. В более поздний период кресло украсили драгоценными камнями и металлом. Возможно, что одновременно с этим или спустя время была создана вышивка на спинке, явно по специальному заказу, что повысило предмет в статусе и отнесло к разряду дорогого подарка, отмеченного датой преподнесения.

Это кресло – «алмазный трон» – являлось одним из самых востребованных предметов во время коронационных торжеств, фигурируя на соответствующих церемониях с 1730 г. и в течение всего XIX в., однако по сей день его атрибуцию нельзя считать окончательной. В этом удивительном артефакте соединились послойно сохранившиеся традиции различных культур, требующие внимательного комплексного изучения и осмысления полученных результатов.

Еще одно знаменитое тронное кресло из собрания Музеев Московского Кремля известно как «костяной трон» (Рис. 3, 4). Обычно он ассоциируется с царем Иваном IV Грозным

⁴ Анализ и перевод текста. – Шичалин Ю. А. Шичалин Юрий Анатольевич – советский и российский филолог-классик, историк философии, переводчик, издатель; канд. филол. наук, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой древних языков и древнехристианской письменности ПСТГУ; член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по теологии.

благодаря скульптуре М. М. Антокольского, изваявшего русского властителя сидящим на нем.

Несмотря на долгую историю своего пребывания сначала в казнохранилище, затем в музеях Московского Кремля, основные вопросы атрибуции этого предмета до сих пор остаются неразрешенными. Например, отсутствует однозначная датировка памятника. Сегодня она варьируется между XVI в. [21, с. 43] (серединой XVI в. [11], его второй половиной [12]) и рубежом XVI и XVII столетий [11]. В одном из первых отечественных специальных изданий о русской мебели Д. Д. Иванов пишет: «Несомненно, однако, что он сделан заново или по меньшей мере сильно обновлен в XVII столетии» [4, с. 11].

Неизвестно и место создания этого раритета: в разные периоды он относился к немецким [12], западноевропейским [1, с. 26] и европейским [21, с. 43] образцам, считался греческим «самой старинной работы» [6, с. 110]. Кресло причислялось и к «произведениям итальянского ренессанса» [11], что определяло место его происхождения и временные рамки создания: начало XIV – первые десятилетия XVII вв. Однако стилистика, разработанная итальянскими мастерами, широко распространилась по европейским странам. На разных исторических этапах выполнялись предметы мебели как с яркими региональными признаками, так и копировавшие или подражавшие итальянским первоисточникам, что, безусловно, крайне затрудняет выявление места изготовления произведений мебельного искусства этого периода.

Кремлевский «костяной трон» представляется нам именно транслирующим заимствованием. Собственно, принципы создания мебели периода Возрождения отразились в этом предмете лишь в использовании гротесковых изображений в декоре спинки и в форме подлокотников, выступающих за периметр основания, в то время как его корпус нарочито сохраняет архаичные черты, восходящие еще к романскому искусству.

До настоящего времени не обнаружены документы, фиксирующие источник поступления предмета [12]. Легенда о принадлеж-

*Рису 3. Тронное кресло «Костяной трон».
Вид в фас [13, № 84]
Fig. 3. Throne chair "The Ivory Throne".
Front view [13, No. 84]*

ности трона супруге великого князя Московского Ивана III Софье Палеолог в составе приданного сегодня считается несостоятельной [12].

При первом взгляде на кремлевский экспонат возникает ассоциация с его дальним предшественником – костяным тронном VI в., выполненным византийскими мастерами для архиепископа Максимиана Равеннского. Оба предмета имеют основание ящичного типа, брусочные устои, украшенные резным растительным побегом, корпус, декорированный резными костяными пластинами с различными сюжетами, в том числе библейскими. Воз-

Рис. 4. Тронное кресло «Костяной трон». Центральная часть спинки [13, № 98]
 Fig. 4. Throne chair «Bone Throne». Center back [13, No. 98]

можно, в основе их художественно-идейного решения общий образец – знаменитый трон царя Соломона, из описания которого в Библии были заимствованы некоторые приемы изготовления: применение слоновой кости, круглые очертания завершения спинки.

Монолитная опора тронного кресла напоминает конструкцию кабинета – одной из разновидностей корпусной мебели, снабженной множеством ящиков. Однако вместо них здесь присутствуют лишь их имитации – фасады в виде прямоугольных панелей. Они обрамлены волнистым профилем, называемым «флемованным дорожником», получившим широкое распространение в европейском искусстве. Этот художественный элемент был создан нюрнбергским художником Гансом Шванхардом в 1621 г. [5, с. 110], в период развития стиля барокко. Следовательно, и кресло могло быть выполнено не ранее этого времени.

Так как артефакт находится в отечественном собрании, имеется большой соблазн исследовать его и с точки зрения возможности русского происхождения.

Основной массив наиболее ранних архивных документов, характеризующих деятельность придворных мастерских в этом направлении, относится ко второй половине XVII – началу XVIII вв. Тем не менее на их основе можно опосредованно получить представление о работе Мастерской палаты при Иване Грозном в предшествующий период и в начале XVII в., когда создавались базовые условия для возникновения знаменитой Оружейной палаты.

В «Приходных и расходных книгах денежной казне Оружейной палаты 1676–1677 гг.» отмечен ряд предметов, на изготовление которых выделялись средства: «Живописцу Ивану Богданову Салтанову 12 руб. Писал он по наряду в Оружейную палату... шкафы, стулы, столовые доски...» (Цит. по [2, с. 443]). Наряду с живописцами работали столяры-мебельщики, которые были знакомы с изготовлением флемованных дорожников, украшающих костяной трон, что зафиксировано в «Приходных и расходных книгах денежной казне Оружейной палаты 1676–1677 гг.»: «Ствольного и столярного дел мастера... делали... сундуки, шкатулы и столы походные с дорожниками...» (Цит. по [2, с. 445]). Кроме того, в штате состояли и косторезы. Один из них упоминается среди иностранных мастеров в «Приходных и расходных делах и документах 1701–1702 гг.»: «Костяного дела мастер Иван Ган, оклад 90 рублей» (Цит. по [2, с. 446]).

Необходимо отметить, что русские столяры были знакомы с модными образцами европейской мебели и выполняли свои изделия в соответствии со вкусами будущих владельцев. Это подтверждается, например, упоминанием в «Приходных и расходных книгах денежной казне Оружейной палаты в 1711 г.» факта изготовления для сестры императора Петра Великого стола в стиле барокко: «Станочного дела мастера... делали в Преображенское в хоромы царевны Наталии Алексеевны стол липовый на польских ногах...» (Цит. по [2, с. 460]).

Все вышеизложенное позволяет предположить, что создание костяного трона в отече-

ственных мастерских, где работали и иностранные специалисты, было делом вполне реальным. Деревообрабатывающая практика в России имела многовековые традиции, а знакомство с европейской мебелью позволяло осваивать новые приемы формообразования и декора, в том числе и резьбу по кости. Однако подтвердить эту гипотезу можно лишь после тщательного исследования нюансов технологии изготовления кремлевского артефакта.

Особенностью художественного оформления этого тронного кресла является украшение костяными панелями, расположенными со всех сторон, что предполагает круговую экспозицию, а не пристенную, что свойственно парадным сидалищам, предназначенным для размещения у стены на тронном престоле. По сути, исследуемое кресло больше напоминает экспонат художественно-промышленной выставки, демонстрирующий, скорее, виртуозную работу косторезов, чем объект мебелировки, предназначенный для использования по прямому назначению. Как декорация воспринимается и ступень на тонких металлических вертлюгах, на первый взгляд кажущаяся откидной. Фактически же конструкция статична, а возможность трансформации – иллюзия.

Впечатление эфемерности ступени усиливается благодаря покрывающим ее тонким пластинкам. Кажется, что резная поверхность не выдержит нагрузки. Столь же хрупкой выглядит и спинка, явно рассчитанная скорее на декоративный эффект, чем на функцию надежной опоры.

Был ли предмет единственным отделанным костью среди придворной мебели для сиденья? По свидетельству Д. Д. Иванова, также размышлявшего над этим вопросом, «...по сохранившимся данным, в обиходе царей имелись и другие “стулья”, резанные из кости. Некоторые посохи, по-видимому, переделаны из стоек подобных предметов, и по ним можно судить, что использование материала направлялось в сторону ажурной, т.е. наиболее трудной резьбы на проем» [4, с. 12].

В источниках, описывающих царское имущество, неоднократно встречается не кресло, а «стул большой костяной». Первые сведения о нем относятся к 1632 г., из них становится очевидно, что это предмет старинный, о чем

говорит его ветхое состояние – «кость порчена во многих местех» [9, л. 53 об.]. Для сохранения раритет был передан в «реставрацию», а затем поставлен на учет: «во 1632 году взят тот стул в мастерскую, а из мастерские отнесен в оружейный приказ и в 1641 году февраля тот стул по памяти из серебряного приказы за приписью подъячего Богдана Силина прислан на казенный двор и в приходскую книгу писан у подъячего Григория Демина» [9, л. 53 об.]. Именно в 1641 г. стул упоминается еще раз в «Записных Взыскных книгах Большому государевому наряду 23 июля 1641 г.»: «Снесен с веру стул большой костяной в казну» [Цит. по: 2, с. 36]. А в 1642 г. появляется его описание: «Стул большой костяной резной аблока серебрен прорезные через грань золочены под стулом шесть левиков медяных золочены верх атлас турецкий по серебряной земле золото в местах шолк зелен подложен бархатом черевчатым гладким тесьмы в четырех местах шелком шесть кистей шелк черевчатый золотом ворворки⁵ низанный по камке⁶ таусинном⁷ жемчугом» [9, л. 53].

В современном понимании это описание следует трактовать так: «Стул большой костяной резной; (по углам спинки находятся. – Н. У.) серебряные яблоки (шарообразные детали. – Н. У.) прорезные с золочеными гранями; стул опирается на шесть медных позолоченных скульптурных изображений львов; стул обит турецким золотным, зеленым в основе, атласом; зеленый шелк и гладкий красный бархат (вероятно. – Н. У.) составляют вкладную подушку или сиденье; стул отделан шелковой тесьмой (которая, скорее всего, скрывает края обивки. – Н. У.) и шестью исходящими из золотных “бусин” кистями, составленными из красных шелковых и фиолетовых нитей, низанных жемчугом»⁸.

⁵ Ворворки – украшение на одежде, конской сбруе и т.п. в виде шарика на тесьме или шнурке, прикрепляемого к кистям [16, с. 29].

⁶ Камка – шелковая цветная узорчатая ткань [15, с. 48].

⁷ Таусинь – ткань темно-синего с вишневым отливом цвета [18, с. 226].

⁸ Характеристика тканого декора была составлена на основании консультации с Н. В. Суэтовой, заведующей отделом ткани и костюма Исторического музея.

По принципу обивки этот памятник напоминает кресло царя Михаила Федоровича, в отделке которого также использованы различные ткани, тесьма и кисти. Костяной декор, вероятно, располагался лишь на деталях конструкции.

Возвращаясь к вопросу о количестве костяных кресел в составе кремлевского имущества, думается, что оно было представлено не в единичном экземпляре. Обращение к тексту источников позволяет установить кардинальные отличия облика ныне существующего предмета и описанного в документах: доминирующему костяному обряду здесь противопоставляется продуманная, согласованная по цвету отделка «стула большого костяного» из драгоценных металлов и тканей, с использованием тесьмы и кистей, сложных по составу.

В художественном решении «большого стула» и «костяного трона» воплотились совершенно разные манеры исполнения. Их сходство заключается лишь в наличии шести скульптурных изображений львов, выполняющих функцию ножек. Именно так сегодня выглядят опоры костяного кресла. Однако на изображениях, зафиксированных А. Ф. Малиновским [6, с. 111], и на рисунках Ф. Г. Солнцева [13, с. 84] они отсутствуют.

Еще одно наблюдение, которое кажется важным, – фигуры львов под ступенью и непосредственно под креслом расположены под прямым углом друг к другу, что выглядит крайне неорганично для статичной в целом композиции, где строго соблюдаются параллельность и осевая симметрия. Кроме того, их объем наполовину скрыт корпусом предмета, исключая задние ножки – наименее значимые для фронтальной экспозиции. В связи с этим возникает сомнение в аутентичной принадлежности указанных деталей. Вероятно, их появление следует связать с результатами поздних реставраций и прежней принадлежностью другому памятнику. Представляется, что это тот случай, когда по описанию 1630–1640-х гг. в единую композицию были включены «шесть левинок медяных золочены» и «шесть кистей шелк черевчатый», а «кость порчена во многих местех» [9, л. 53 об.]. Возникает вопрос, не об этом ли старинном пред-

мете идет речь в истории о привезенном Софьей Палеолог в Москву приданном?

Если верно предположение А. Ф. Малиновского [6, с. 110], что трон Палеологов получен из сокровищниц императора Мануила II Палеолога⁹ или его сына, Андроника Палеолога¹⁰, то это парадное кресло вполне могло быть выполнено в ренессансной традиции и по принципу построения конструкции напоминать известные нам троны русских царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых.

Возможно, этот византийский раритет не был утрачен и ныне находится в основе существующего костяного трона, поскольку преобразования его внешнего облика осуществлялись неоднократно. Вполне вероятно, что в процессе бытования реконструирована ступень, перекрывшая фигуры скульптурных опор, а поверхности, прежде украшенные драгоценными тканями, использовали как основу для костяных пластин.

На следующем этапе кардинальные изменения коснулись спинки, что следует из анализа изобразительного материала. Со времени публикации 1807 г. [6, с. 84] до 1851 г. [13, с. 84] были заменены не только боковые навершия («яблоки»), но и вся антиквизированная стилистика спинки преобразилась в ренессансную с гротесками весьма фривольного характера, обрамляющими российский герб. Интересно отметить, что именно в 1830-е гг. вошел в моду стиль «à la Renaissance», породивший целое направление, развивавшееся на протяжении всего XIX столетия как в Европе в целом, так и в России в частности. В его основе лежал интерес к переосмыслению наследия этого художественного направления, на базе которого создавались современные интерпретации, копиянные произведения, а также стилизованные предметы с включением подлинных деталей работы итальянских мастеров. В таком ракурсе, по нашему мнению, изменение декора трона могло стать программным

⁹ Мануил II Палеолог (1350–1425) – представитель византийской императорской династии Палеологов, император в 1391–1425 гг.

¹⁰ Андроник Палеолог (1400–1429) – византийский деспот Фессалоник, 1408–1423 гг.

шагом для эпохи историзма. Это время в мировой практике явилось благодатным периодом для создания как совершенно новых произведений в стилях ушедших эпох, так и объектов, представляющих собой, по сути, компиляции из деталей древности, включенных в структуру современных предметов и ставших таким образом умышленно созданными мемориями.

Именно после такой значительной переделки кресло было использовано в коронационных торжествах императора Александра II в 1856 г. и изображено на его парадном портрете работы В. Тимма наряду с короной, скипетром и державой. Возможно, этот выбор обусловлен желанием подчеркнуть связь российского престола с византийским и вместо традиционных для подобного случая кресел царей Бориса Годунова, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича Романовых отдать предпочтение «креслам греческим... самой старинной работы» [6, с. 110].

Говоря об атрибуции «костяного трона», следует отметить, что основная часть его

декора, безусловно, сделана европейскими мастерами. Несмотря на то, что форма подлокотников характерна для мебели Ренессанса, определяющим фактором все же является наличие флемованного дорожника – характерного элемента барокко, что, в конечном итоге, и позволяет выяснить нижнюю границу даты создания предмета – после 1621 г. Этот период возможно определить как переходный от эпохи Возрождения к барокко, когда выполнялись предметы с чертами уходящего и нарождающегося стилей.

Верхняя граница создания памятника относится к 1830-м гг., когда было зафиксировано изображение трона с рядом очевидных преобразований, близкое к его современному облику. Безусловно, что мы находимся только в самом начале пути экспертирования этого уникального памятника, но обнаруженные факты и выдвинутые нами предположения важны для эффективного продолжения этого крайне важного дела, составляющего основу музейной практики, – атрибуции экспонатов.

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
uglevan@ya.ru

The Experience of Attribution of the Throne Chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov and the Ivory Throne in the 19th–21st Centuries

Abstract. The study aims to clarify the attribution of two throne chairs (“diamond throne” and “ivory throne”), which are part of the collection of the Kremlin Armoury, since their dating and origin are still objects of scientific discussion. The materials used were the furniture items themselves, documents from the Russian State Archive of Ancient Acts, published documents of palace orders and the Armoury Archive, coronation albums, as well as the results of previous historical, art history and museological studies conducted by various scientists during almost two hundred years. The author for the first time considers the studied artifacts as objects of furniture art, using the method of stylistic analysis, the comparative method, research methods used in source studies and specialized auxiliary scientific disciplines, as well as methods and techniques for establishing the text. The author substantiates the dating of the appearance of Alexei Mikhailovich’s throne chair in the Kremlin Treasury, reveals the name of the person who ordered the throne and the role of persons involved in donating the throne chair. The author analyzes references to the chair in the coronation albums and in later studies containing the image of the subject. The exhibit is considered from the point of view of the development of furniture art: the author examines its shape, decorations, miniatures placed on its body, and the dedicatory inscription. The author infers that the throne chair dates back to the 15th–16th centuries, its original manufacturers were European masters working in Persia, and that new elements were

added to the decor in a later period. Analyzing the ivory throne, the author draws an analogy between this throne and the throne of Maximianus of Ravenna (6th century), tracing the two chairs back to the legendary throne of King Solomon. Based on the analysis of the decor details, the author argues that the ivory throne appeared no earlier than in 1621. She hypothesizes that the throne has a Russian origin. The author describes the decoration of the throne and proves the idea that it was not the only piece of furniture decorated with ivory decor in the royal treasury. Based on the sources of the first half of the 17th century, the author describes a similar object – a “large ivory chair”, indicates the details that distinguish it from the ivory throne. She assumes that these two items are actually the same artifact dating back to the 14th century, which, during its existence, survived multiple reconstructions and changes, and took its final shape in the 1830s.

Keywords: attribution, throne chairs, ivory throne, diamond throne, Tsar Alexei Mikhailovich Romanov.

Использованная литература:

1. Бобровницкая И.А. Регалии российских государей. М.: ИД Максима Светланова, 2004.
2. Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 гг. Вып. 2. М.: Типо-лит. С.П. Архипова и К°, 1883.
3. Вишневецкая И.И. Ювелирные изделия и торевтика Востока // Сокровища Оружейной палаты. Посольские дары. М.: Красная площадь, 1996. С. 199–227.
4. Иванов Д.Д. Искусство мебели. М.: Гос. изд-во, 1924.
5. Кес Д. Стили мебели. М.: В. Шевчук, 2001.
6. Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего русского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. М.: Тип. имп. мос. ун-та, 1807.
7. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшего императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Императорская акад. наук, 1744.
8. Описание коронации ея величества императрицы, и самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году. М.: Сенатская тип., 1730.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1292.
11. Сайт Музеев Московского Кремля, витрина 51 [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL: <http://http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (дата обращения 01.05.2017).
12. Сайт Музеев Московского Кремля, Приглашение на заседание ученого совета Музеев Московского Кремля 14 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL: <http://www.kreml.ru/research/scientific-council/zasedanie-uchenogo-soveta-20100414/>. (дата обращения 13.06.2016).
13. Солнцев Ф.Г. Древности Российского государ-

References:

1. Bobrovnitskaya, I.A. (2004) *Regalii rossiyskikh gosudarey* [Regalia of Russian Sovereigns]. Moscow: ID Maksima Svetlanova.
2. Viktorov, A.E. (1883) *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613–1725 gg.* [Description of Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders of 1613–1725]. Vol. 2. Moscow: Tipo-lit. S.P. Arkhipova i K°.
3. Vishnevskaya, I.I. (1996) *Yuvelirnye izdeliya i torevtika Vostoka* [Jewelry and Toreutics of the East]. In: Vishnevskaya, I.I. et al. *Sokrovishcha Oruzheynoy palaty. Posol'skie dary* [Treasures of the Armory. Ambassador Gifts]. Moscow: Krasnaya ploshchad'. pp. 199–227.
4. Ivanov, D.D. (1924) *Iskusstvo mebeli* [Furniture Art]. Moscow: Gos. izd-vo.
5. Kes, D. (2001) *Stili mebeli* [Styles of Furniture]. Moscow: V. Shevchuk.
6. Malinovskiy, A.F. (1807) *Istoricheskoe opisanie drevnego rossiyskogo muzeya, pod nazvaniem Masterskoy i Oruzheynoy palaty v Moskve obretayushchegosya* [A Historical Description of an Ancient Russian Museum Called the Workshop and Armory in Moscow]. Moscow: Imperial Moscow University.
7. Imperial Academy of Sciences. (1744) *Obstoyatel'noe opisanie torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnago vshestiya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchenneyshago koronovaniya eya avgusteyshago imperatorskago velichestva vsepresvetleyshiya derzhavneyshiya velikiya gosudaryni iperatrity Elisavet Petrovny samoderzhitsy vserossiyskoy, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda* [A Detailed Description of the Solemn Procedures for the Successful Entry Into the Reigning City of Moscow and the Most Sacred Coronation of Her Imperial Majesty, the Most Serene Great Empress Elizaveta Petrovna, the Autocrat of All Russia. The Entry Was on February 28, Coronation on April 25, 1742]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Anon. (1730) *Opisanie koronatsii eya velichestva imperatrity, i samoderzhitsy vserossiiskoi, Anny Ioannovny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve, 28 aprelya 1730 godu* [Description of the Coronation of Her Majesty Anna Ioannovna, the Empress and the Autocrat of All Russia, Solemnly Sent in the Reigning City of Moscow, April 28, 1730]. Moscow: Senatskaya tip., 1730.

- ства. М.: Тип. Александра Семена, [1849–1853]. Отд. II.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975.
 15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975.
 16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М.: Наука, 1976.
 17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
 18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 29. М.: Наука, 2011.
 19. Успенский А. Описи Мастерской палаты (1727–1810 гг.) // Успенский А. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVIII–XIX вв. бывшего Архива Оружейной Палаты. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906. С. 25–64.
 20. Филатова Т.В. Трон царя Михаила Федоровича в собрании Оружейной палаты // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 24. М.: Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2014. С. 108–118.
 21. Чернуха Э.П. Коллекция тронов // Оружейная палата Московского Кремля / науч. ред. А. К. Левыкин. М.: Слово, 2006. С. 43–54.
 9. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 396. List 2. Part 1. Item 6.
 10. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 396. List 2. Part 3. Item 1292.
 11. Moscow Kremlin Museums. (2017) *Sayt Muzeev Moskovskogo Kremlya, vitrina 51* [Website of the Moscow Kremlin Museums, Showcase 51]. [Online] Available from: <http://http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (Accessed: 01.05.2017).
 12. Moscow Kremlin Museums. (2010) *Sayt Muzeev Moskovskogo Kremlya, Priglasenie na zasedanie uchenogo soveta Muzeev Moskovskogo Kremlya 14 aprelya 2010 goda* [Invitation to the Meeting of the Academic Council of the Moscow Kremlin Museums on April 14, 2010]. [Online] Available from: <http://www.kreml.ru/research/scientific-council/zasedanie-uchenogo-soveta-20100414/> (Accessed: 13.06.2016).
 13. Solntsev, F.G. (1849–1853) *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva* [Antiquities of the Russian State]. Part 2. Moscow: Tip. Aleksandra Semena.
 14. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
 15. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
 16. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1976) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
 17. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 8. Moscow: Nauka.
 18. Barkhudarov, S.G. (ed.) (2011) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 29. Moscow: Nauka.
 19. Uspenskiy, A. (1906) *Zapisnye knigi i bumagi starinnykh dvortsovykh prikazov. Dokumenty XVIII–XIX vv. byvshego Arkhiva Oruzheynoy Palaty* [Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders. Documents of the 18th–19th Centuries of the Former Archives of the Armory]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy. pp. 25–64.
 20. Filatova, T.V. (2014) *Tron tsarya Mikhaila Fedorovicha v sobranii Oruzheynoy palaty* [Throne of Tsar Mikhail Fedorovich in the Collection of the Armory]. In: Batlov, A.L. (ed.) *Muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya* [Museums of the Moscow Kremlin. Materials and Research]. Vol. 24. Moscow: Gos. ist.-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml". pp. 108–118.
 21. Chernukha, E.P. (2006). *Kollektsiya tronov* [Collection of Thrones]. In: Levynkin, A.K. (ed.) *Oruzheynaya palata Moskovskogo Kremlya* [The Armory of the Moscow Kremlin]. Moscow: Slovo. pp. 43–54.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Углева, Н. В. Опыт атрибуции тронного кресла царя Алексея Михайловича Романова и «костяного трона» в XIX–XXI веках / Н. В. Углева // Наследие веков. – 2022. – № 2. – С. 80–92. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.006

Full bibliographic reference to the article:

Ugleva, N.V. (2022) The Experience of Attribution of the Throne Chair of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov and the Ivory Throne in the 19th–21st Centuries. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 80–92. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.006

ЛОСЕВА Марина Александровна
младший научный сотрудник отдела нумизматики
Государственного исторического музея,
Москва, Российская Федерация
Marina A. LOSEVA
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
marina.loseva1@yandex.ru

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.007

УДК: 737.1:069.4(470+571-25)

ГРНТИ: 13.51.09

ВАК: 5.10.2.

История формирования русской нумизматической коллекции Государственного исторического музея в 1883-1917 годах

The History of the Formation of the Russian Numismatic Collection of the State Historical Museum (1883–1917)

В статье определены основные характеристики коллекции русских монет отдела нумизматики Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве и выделены особенности процесса формирования этой коллекции в досоветский период истории музея. Опираясь на учетную документацию музея и изданную справочную литературу по коллекции ГИМ, автор определил круг поступлений (от древнерусских монет до современных денег); выявил их основные источники: дары (пожертвования) частных лиц, передача из научных обществ, государственных учреждений. Характерными чертами коллекции и процесса ее формирования являлись: широта хронологии представленных памятников нумизматики, хаотичный характер фондобразования, происходившего без четких принципов, преобладание даров (пожертвований) как основной формы комплектования фондов, достаточно разнообразный состав дарителей, развитие профессиональных связей сотрудников музея с отдельными учеными-нумизматами и нумизматическими научными обществами.

Ключевые слова: Государственный исторический музей, нумизматика, коллекция, комплектование, история формирования, монета, музейный фонд, музейный предмет.

Комплектование фондов музея, представляющего историю целого народа или нации, – одна из самых сложных и наименее разработанных проблем современной теории и практики музейного дела. Особенно остро

она ощутима в музеях, фонды которых включают многочисленные коллекции.

Вопросы формирования собрания Государственного исторического музея (ГИМ), являющегося крупнейшим в стране, неодно-

кратно рассматривались исследователями. Изучались как отдельные аспекты процессов комплектования коллекций, так и в целом деятельность, связанная с формированием музейного собрания. Однако история образования одной из самых крупных коллекций музея – нумизматической, ее развития на протяжении более чем столетнего периода существования музея была в значительной степени обойдена вниманием ученых. Некоторым исключением здесь является Нумизматический сборник ГИМ № 12, посвященный истории отдела нумизматики. Значительное место в книге уделяется процессам формирования собрания, источникам пополнения, факторам, влиявшим на специфику комплектования в отделе. Особо стоит выделить статью Т.В. Берестецкой [1], посвященную истории отдела в 1883–1968 гг. и являющуюся фактически единственной на сегодняшний день работой, которая непосредственно относится к избранной теме, помимо краткого доклада автора настоящей статьи на Всероссийской Нумизматической конференции в 2021 г. [6].

Между тем нумизматический материал – один из важнейших источников, документирующих историю общества и государства. В последние десятилетия роль нумизматики возросла в значительной мере, все чаще исследователи истории и экономики, понимая роль денег в жизни общества, обращаются к трудам ученых-нумизматов. Усиливающийся интерес к данной вспомогательной исторической дисциплине актуализирует и процессы комплектования, изучения и популяризации нумизматических коллекций в музеях, что обуславливает необходимость исследования опыта формирования нумизматического собрания и практики описания специалистами монет как музейных предметов.

Научное осмысление перечисленных тематических аспектов поможет выявить значение опыта Государственного исторического музея по формированию и изучению своей нумизматической коллекции. На сегодняшний день Отдел нумизматики ГИМ обладает крупнейшим собранием в России, насчитывающим свыше 1 миллиона 700 тысяч музейных предметов и включающим в себя

монеты России, Запада и Востока с древнейших времен до современности. Значимость и полнота коллекции Исторического музея ставит ее в один ряд со всемирно известными нумизматическими собраниями Британского музея, Берлинского Мюнцкабинета, Музея Американского нумизматического общества, Национальной библиотеки Франции, Смитсоновского института, Государственного Эрмитажа. Кроме того, необходимость изучения проблем формирования этой важной части музейного собрания ГИМ обусловлена значимостью самого музея (и отдела нумизматики как его структурной части) как научно-исследовательского и методического центра.

Однако охватить всю историю столь обширного собрания в одной статье представляется затруднительным, поэтому тематические рамки исследования ограничены историей русского нумизматического собрания Исторического музея. Данная коллекция представляет собой основополагающую часть нумизматических фондов ГИМ. Она насчитывает порядка 600 тысяч экземпляров монет – от сребреников до современных юбилейных денег, включая при этом редкие, уникальные, подчас существующие в единственном экземпляре монеты. Процесс изучения особенностей формирования такого крупного собрания, безусловно, стоит начинать с момента его зарождения, поэтому нижняя хронологическая грань определена с привязкой к 1883 г. – году основания Исторического музея. Временные рамки исследования ограничены периодом до 1917 г.

Итак, цель данной научной работы – проанализировать основные характеристики коллекции русских монет отдела нумизматики ГИМ и определить особенности процесса формирования этой коллекции на этапе становления музея в 1883–1917 гг. Достижение данной цели предполагает выявление и анализ совокупности первых нумизматических поступлений в фонды ГИМ, установление основных источников этих поступлений и определение факта наличия принципов комплектования – все это в целом позволит хотя бы в первом приближении реконструировать процесс формирования русской нумизматической коллекции ГИМ в 1883–1917 гг.

Как уже упоминалось, рассматриваемая проблема долгое время оставалась малоизученной, поэтому в связи с недостатком исследовательских разработок научные изыскания следует основывать в первую очередь на учетной документации Исторического музея (Главная инвентарная книга, Книга регистрации отдела нумизматики, акты поступлений и передач в постоянное пользование и т.д.). Именно эти материалы позволяют сформировать круг поступлений, в ряде случаев определить источник, а также количество предметов и способ их получения. В работе с учетной документацией важно обращать внимание на пометки и исправления, которые дают пояснения к записи, свидетельствуя о процессе сверки и изучения музейных предметов. Необходимо отметить, что за многолетнюю историю формирования нумизматической коллекции учетная документация музея претерпела изменения, номера предметов списывались по распоряжению Министерства культуры. Сегодня большая часть нумизматического собрания имеет другие учетные номера, при этом в работе ссылки даны на первичные записи поступлений.

В процессе исследования также важно было обратиться к обзорам, описаниям и каталогам собрания Исторического музея (Предположение о составе «Музея имени Государя Наследника Цесаревича» [2], Указатель к первым десяти залам [4], Опись старинных вещей собрания П. И. Щукина [7], Обзор важнейших памятников Исторического музея [10], Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова [5]). Из этих изданий можно извлечь сведения об основных направлениях работы по комплектованию фондов в конце XIX – начале XX вв., что позволяет дать примерную характеристику коллекции на самом раннем этапе ее истории. Кроме этого, весьма значимым для целей настоящего исследования представляется Отчет музея за 1883–1908 гг. [9], содержащий информацию о способах формирования музейной коллекции в тот период. В процессе работы были использованы методы исторического исследования (описательный, диахронический, историко-сравнительный и историко-типологический).

Свою историю нумизматическая коллекция ведет с момента основания ГИМ. Уже в первых экспозиционных залах, открывшихся в мае 1883 г., были представлены русские монеты. В первом музейном «Указателе» значится, что в зале с историческими памятниками «от 988 до 1054 года» под № 32 экспонировались «Монеты Великого Князя Владимира (988–1054)»: «В Могилевской губернии, Старо-Быховском уезде, в имении Вотне, в шести верстах от станции Обидовичи, в сосновом лесу находятся два рода курганов. Одни – высокие, с почти остроконечной насыпью и с крутыми боками – содержат сожженные тела; другие курганы, почти плоские, – погребенные тела. Костяки лежат с юга-востока к северо-западу, на спине, и пересыпаны пеплом и кусками угля. На одном из таких костяков, на обыкновенном, у шеи, ожерелье, между другими металлическими привесками, находились пять серебряников Вел. Князя Владимира и одна восточная монета» [4, с. 92–126]. Описываемые предметы попали в собрание музея благодаря экспедиции Николая Матвеевича Турбина, известного археолога и коллекционера. Его находки в 1881 г. были переданы музею Императорским Московским археологическим обществом (МАО) [3, т. 1, № 2105–2107]. Следует заметить, что в дальнейшем МАО сыграет значительную роль в процессе формирования коллекции.

О том, что нумизматическая коллекция была неотъемлемой частью музейного собрания с момента зарождения музея, свидетельствует и Главная инвентарная книга, в которой отражен ряд поступлений «Из Севастопольского отдела», датированных 1881 г. Исторический и Севастопольский отделы Политехнической выставки 1872 г. изначально предполагались как основа собрания будущего музея национальной истории. Среди различных трофеев и предметов изобразительного искусства, поступивших в музей после выставки, встречаются также русские монеты царского (серебряная монета Лжедмитрия I, четыре серебряных монеты Алексея Михайловича) и императорского (серебряная монета Петра I в 2 рубля, медная гривна квадратной формы 1726 г., монета времен правления Екатерины II) периодов. Важное место среди

поступлений занимает «монета св. Владимира» – один из наиболее редких нумизматических памятников [3, т. 1, № 9703–9750].

Коллекция продолжает формироваться и в 1880–1890-х гг. за счет различных даров и пожертвований. Так, в 1882 г. профессором Киевского Императорского университета св. Владимира В. Б. Антоновичем в музей была передана коллекция священника Яновского. Собрание включало в себя две серебряные копейки Петра I, четыре полушки Петра I, 5 копеек Петра II, шесть монет Елизаветы Петровны, три монеты Екатерины II и две серебряные копейки Ивана Грозного, а также одна монета «Владимирово серебро». В этот же период фонды музея пополняются русскими монетами за счет поступлений от Г. Жизневского, Г. Сацердотова, Н. И. Лихонина и др. [3, т. 1, № 5637–5671, 7053, 7102–7119, 8219, 8415].

Однако формирование коллекции осуществлялось хаотично и непоследовательно, поскольку принимались фактически любые нумизматические памятники без какой-либо предварительной оценки. Ситуация изменилась с приходом на должность главного хранителя музея Алексея Васильевича Орешникова – одного из крупнейших русских нумизматов. С его деятельностью связано начало серьезного отбора нумизматических предметов, которые теперь не просто принимались в коллекцию – начинался процесс их изучения под руководством опытного ученого. Помогали процессу комплектования и обширные связи главного хранителя музея с нумизматическим сообществом.

Кроме того, вышел в свет научный труд А. В. Орешникова «Русские монеты до 1547 года», посвященный удельным монетам из собрания Исторического музея. Основанием для издания этой книги послужило поступление в музей наиболее крупной и, можно сказать, основополагающей для всего русского собрания коллекции монет Александра Дмитриевича Черткова, переданной его сыном Г. А. Чертковым 16 мая 1874 г. Собрание было принято Управлением музея только в 1886 г. [8, с. 5]. В коллекции представлены великокняжеские, царские и императорские монеты, отражавшие историю русского монетного обращения с самых ранних его пери-

одов до конца XIX в. Однако поступила в музей она не в полном объеме. А. В. Орешников в предисловии к упомянутой монографии пишет, что «к сожалению, не достает многих, изданных в его “Описании”, экземпляров» [8, с. 5]. «Описание» – это труд А. Д. Черткова, в котором в полном составе охарактеризована доцарская часть его коллекции. А. В. Орешников, отмечая значимость этого документа, указывал, что «Описание» «может быть названо первым серьезным нумизматическим каталогом, так как труды его предшественников – кн. Щербатова, Бакмейстера, Мальгина, Бекетова и др. не представляют никакого значения для нумизматики» [8, с. 6].

Определение А. В. Орешниковым труда А. Д. Черткова как самой значимой среди других уже изданных работ, возможно, связано с ограниченностью и разрозненностью более ранних нумизматических сочинений. До появления исследования А. Д. Черткова нумизматы использовали относительно небольшой состав имеющихся у них коллекций, в большинстве случаев состоящих из специально отобранных чистых экземпляров, место находки которых в отдельных случаях могло быть уже утрачено. Опираясь на материал таких коллекций, достаточно трудно производить полноценный научный анализ и делать какие-либо выводы, поскольку массовость и локализация находок крайне важны при изучении монет и денежного обращения. Работы нумизматов того времени часто представляли собой красивые каталоги без достаточного научного описания либо содержали ошибки и не обладали необходимой полнотой информации: определять новые монеты по таким работам было сложно, и ученый-нумизмат крайне редко к ним обращался. «Описание» А. Д. Черткова, в котором не только были представлены все известные на тот момент типы ранних монет до 1547 г., но и дано их полное научное описание (исходя из уровня развития нумизматики в конце XIX в.), стало в то время «настойной книгой» для нумизматов.

Важными источниками формирования собрания русской нумизматики Исторического музея выступали Императорская археологическая комиссия, Московское археологическое общество (МАО) и Московское

нумизматическое общество (МНО), созданное в 1888 г. на базе музея и проводившее свои заседания в его здании. Первым поступлением русской монеты, согласно Главной инвентарной книге ГИМ, был уже упомянутый сребреник, переданный в дар музею МАО. Императорская археологическая комиссия пополнила фонды следующими предметами: «серебряные гривны в слитках из Черниговской губ., Новгород-Саверского уезда, восемь экземпляров» и 10 экземпляров из Чердынско-го уезда, Пермской губернии; «две медные русские монеты, найденные в с. Константиновское Ставропольской губернии в 1886». Поступления указанных экземпляров монет датированы 1886 и 1887 гг. соответственно [3, т. 1, № 16726, 16980].

Благодаря дарам Императорской археологической комиссии нумизматическое собрание музея начинает пополняться и монетными кладами. Например, 1 мая 1888 г. в музей поступил клад старинных серебряных монет, найденный в 1886 г. в Черкасском уезде Киевской губернии. В 1890 г. Археологическая комиссия передала в дар глиняную кубышку с 42 серебряными копейками из клада, найденного в деревне Плетениха, Нерехского уезда Костромской губернии. Монеты (копейки) данного клада относятся ко временам правления царя Ивана Васильевича Грозного, Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Владислава Сигизмундовича [3, т. 1, № 16980, 21050]. В 1898 г. товарищ председателя Московского нумизматического общества Федор Иванович Прове сообщил на его заседании, что в общество на хранение поступает коллекция русских монет от В. К. Трутовского, крупного нумизмата, являвшегося председателем этой общественной организации и в тот же год ушедшего с занимаемой должности. Эта коллекция пополнялась Ф. И. Прове вплоть до передачи ее Историческому музею, состоявшейся 28 марта 1905 г. [1, с. 12].

С марта 1887 г. по август 1888 г. велись переговоры о передаче в Российский исторический музей некоторых предметов древности, а также русских монет и медалей, хранившихся в Кабинете изящных искусств Московского университета. При этом предъявлялись определенные требования: университет сохранял

право собственности на предоставленные коллекции, а музей размещал их в своих витринах, шкафах и определенных залах как считал нужным, но с сохранением паспортных данных; коллекции, полученные от Кабинета изящных искусств, всегда, в любое время дня должны были быть доступны для университета; не разрешалось их перемещение из стен музея, за исключением выставок в других учреждениях. 25 августа 1888 г. документы о передаче были подписаны И. Е. Забелиным и А. В. Орешниковым [1, с. 12]. Нумизматическая коллекция ГИМ пополнилась экземплярами монет царского и императорского периодов – от правления Алексея Михайловича до времени царствования Александра III; всего Московским университетом было передано 3199 монет [3, т. 9, № 64088].

Важным признанием значимости нумизматического собрания музея может служить тот факт, что с 1895 г. от Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов в ГИМ начинают поступать экземпляры новых монет каждого существующего номинала, что приводит к началу формирования коллекции современных денег, продолжающей комплектоваться музеем по настоящее время.

Таким образом, к концу XIX столетия в Историческом музее уже была сформирована достаточно представительная коллекция русской нумизматики [8, с. 5].

Начало XX в. в истории формирования нумизматического собрания отмечено появлением завещаний, предполагавших передачу нумизматических коллекций в фонды ГИМ после смерти завещателя. Например, Павел Васильевич Зубов, крупный меценат и покровитель музея, в 1901 г., задолго до своей кончины в 1921 г., составил завещание о передаче в музейные фонды принадлежащей ему коллекции монет, медалей, жетонов и старинных ассигнаций. В 1911 г. он подтвердил свое завещание, и после его ухода из жизни коллекция перешла к музею [1, с. 14].

Также помогали в формировании коллекции различные учреждения и должностные лица, не связанные с изучением археологии и истории. Например, пристав 1-го участка Яузской части передал в музей копейки и ден-

ги времени правления Ивана Грозного. Монеты были найдены при сносе строений «во владении Жучкова по Мясницкому проезду в Москве» [3, т. 3, № 30428].

Несмотря на то, что И. Е. Забелин в 1887 г. добился ежегодных ассигнований из казны в размере 10 тыс. рублей на закупку ценностей, она осуществлялась только в случаях, когда музею «предлагались монеты дочарского периода, как наиболее важный исторический материал, а из позднейшего времени только неизданные или более редкие» [9, с. 143].

В первом десятилетии XX в. музей издал отчет о своей деятельности за 1883–1908 гг., где в том числе нашло свое отражение научное осмысление проделанной работы по формированию нумизматической коллекции. Согласно данному отчету, нумизматическая коллекция состояла из двух структурных категорий: русские монеты от древнейших времен до 1908 г. и монетные клады, как с русскими монетами в основном XVII в., так и с иностранными. Отдельно выделялись находки монет при курганных погребениях. Собрание же русской нумизматики, основу которого составляла коллекция А. Д. Черткова, «в течение 25 лет было дополняемо, главным образом, присылками С.-Петербургского монетного двора (начиная с 1895 г.), Императорской Археологической Комиссии, пожертвованиями частных лиц, находками при земляных работах в Москве и по духовным завещаниям» [9, с. 143].

Значительные темпы формирования нумизматического собрания музея и постоянное его пополнение между тем не привели к выделению коллекции в специальный отдел, и она находилась в ведении А. С. Орешникова как главного хранителя. Отдельной составной частью музея нумизматическое собрание станет уже после революционных потрясений 1917 г.

К этому времени русская нумизматическая коллекция уже являла собой крупное качественное собрание, уступая по своим масштабам лишь коллекции Императорского Эрмитажа. Интерес А. В. Орешникова к русской нумизматике позволил собрать в стенах Исторического музея полную коллекцию рус-

ских древних монет X–XVII вв., уникальные памятники императорского периода.

История русской нумизматической коллекции музея на начальном этапе развития ГИМ показала, что процессу формирования собрания в рассматриваемый период была присуща некая хаотичность, которая привела, с одной стороны, к быстрому росту количественного состава коллекции русских монет, а с другой – к появлению дублетных экземпляров. В дальнейшем наличие такого обширного дублетного фонда сыграет и положительную роль: в годы советской власти музей будет осуществлять обмены с другими музеями и передачу в постоянное пользование именно дублетов, не нарушая, таким образом, целостность основной коллекции.

Нет оснований говорить и о каких-либо конкретных отличительных чертах комплектования нумизматической коллекции на раннем этапе ее истории. Однако основные характеристики как самой коллекции, так и процесса ее формирования уже начинали проявляться. Поступление в фонды выпускаемых в обращение новых монет определило хронологию собрания от самых первых древних экземпляров до современных денег. Данной хронологии Отдел нумизматики придерживается и сегодня. Вместе с тем добровольная передача предметов в музейное собрание на фоне относительной редкости закупок сделала дар (в дальнейшем – пожертвование) ведущей формой комплектования русской нумизматической коллекции Исторического музея. Определяются основные источники поступления: простые дарители, различные научные общества, государственные учреждения. Единственным источником, уникальным для рассматриваемого периода, стали поступления по духовным завещаниям. После 1917 г. подобных поступлений уже не зафиксировано.

Кроме этого, развитие связей сотрудников музея, прежде всего главного хранителя А. С. Орешникова, с учеными-нумизматами, крупнейшими нумизматическими и археологическими обществами, а также государственными финансовыми учреждениями положило основу дальнейшему плодотворному профессиональному сотрудничеству.

Marina A. LOSEVA

State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
marina.loseva1@yandex.ru

The History of the Formation of the Russian Numismatic Collection of the State Historical Museum (1883–1917)

Abstract. The study is aimed at determining the main characteristics of the collection of Russian coins of the Numismatics Department of the State Historical Museum in Moscow and highlighting the features of the formation of this collection at the stage of the development of the museum in 1883–1917. The main sources of the study are the museum’s accounting documentation (the Main Inventory Book, the Registration Book of the Numismatics Department, acts of acceptance and transfer for permanent use), as well as indexes, catalogs, and the report of the Historical Museum for 1883–1908. In the study, methods of historical research (descriptive, diachronic, historical comparative and historical typological) were used. The author identifies and analyzes the totality of the first numismatic accessions to the museum’s funds; establishes the main sources of these accessions; and assesses the possibility of having certain principles of forming the collection. The author learns that the numismatic collection has been an integral part of the museum collection since the founding of the State Historical Museum, and was formed in the 1880s–1890s due to numerous gifts. Scientific societies of that time (the Imperial Moscow Archaeological Commission and the Moscow Numismatic Society) were important sources of accessions. In 1895, the museum began to receive copies of modern money of each denomination from the Mint. At the beginning of the 20th century, the museum began to receive collections from individuals’ wills. Various non-scientific institutions assisted the museum in the formation of the collection. The forming of the collection at the initial stage of the State Historical Museum’s development was characterized by a certain chaotic nature, the absence of clear principles for the acquisition of funds. The author concludes that the main characteristics of the collection itself and its formation were: (1) a wide chronology of the presented numismatic monuments (from ancient Russian coins to modern money), (2) the prevalence of gifts as the main form of collecting funds against the background of the relative rarity of purchases, (3) a fairly wide range of donors (individuals, public organizations, officials and government agencies), (4) development of professional ties between museum staff and individual numismatists and numismatic scientific societies.

Keywords: State Historical Museum, numismatics, collection, acquisition, formation history, coin, museum fund, museum item.

Использованная литература:

1. Берестецкая Т. В. К истории отдела нумизматики ГИМ (1918–1965 гг.) // Очерки по истории отдела нумизматики: нумизматический сборник / отв. ред. А. С. Мельникова. М.: ГИМ, 1993. С. 8–37.
2. Бестужев-Рюмин К. Н. Смысл и значение «Музея имени Государя Наследника Цесаревича». СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1873.
3. Главная инвентарная книга Государственного Исторического музея. Т. 1–9.
4. Императорский российский исторический музей : Указатель к первым десяти залам. - Москва : Б.и., 1883.
5. Каталог собраний древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М.: Синодальная тип., 1887.
6. Лосева М. А. Формирование коллекции русских монет Государственного Исторического музея на

References:

1. Berestetskaya, T.V. (1993) K istorii otdela numizmatiki GIM (1918-1965 gg.) [On the History of the Department of Numismatics of the State Historical Museum (1918–1965)]. In: *Ocherki po istorii otdela numizmatiki. Numizmaticheskii sbornik XII* [Essays on the History of the Department of Numismatics. Numismatic Collection XII]. (Trudy GIM [Proceedings of the State Historical Museum]. Vol. 83). Moscow: [s.n.], pp. 8–37.
2. Bestuzhev-Ryumin, K.N. (1873) *Smysl i znachenie "Muzeya imeni Gosudarya Naslednika Tsesarevicha"* [The Meaning and Significance of the Museum Named After the Sovereign Heir Tsesarevich]. St. Petersburg: [s.n.].
3. State Historical Museum. (n.d.) *Glavnaya inventarnaya kniga Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya* [Main Inventory Book of the State Historical Museum]. Vols 1–9. S.l.: [s.n.].

начальном этапе его становления (1883–1917 гг.) // XXI Всероссийская нумизматическая конференция (г. Тверь, 24–29 мая 2021 г.): сб. тезисов докладов и сообщений. Тверь: Тверская фабрика печати, 2021. С. 303–305.

7. Опись старинных вещей собрания П. И. Щукина, составленная П. И. Щукиным и Е. И. Федоровой. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1895–1896.

8. Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1896.

9. Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1883–1908 годы. М.: Синодальная тип., 1916.

10. Щепкин В. Н. Обзор важнейших памятников Исторического музея. Исторический отдел. 1883–1908. М.: Синодальная тип., 1912.

4. Anon. (1883) *Imperatorskiy rossiyskiy istoricheskiy muzey. Ukazatel' k pervym desyati zalam* [Imperial Russian Historical Museum. Index to the First Ten Halls]. Moscow: [s.n.].

5. Anon. (1887) *Katalog sobraniy drevnostey grafa Alekseye Sergeevicha Uvarova* [Catalog of Collections of Antiquities of Count Alexei Uvarov]. Moscow: Sinodal'naya tip.

6. Loseva, M.A. (2021) [Formation of the Collection of Russian Coins of the State Historical Museum at the Initial Stage of Its Formation (1883–1917)]. *XXI numizmaticheskaya konferentsiya* [The 21st Numismatic Conference]. Book of Abstracts. Tver: 24–29 May 2021. Tver: [s.n.]. pp. 303–305. (In Russian).

7. Shchukin, P.I. & Fedorova, E.I. (1895–1896) *Opis' starinnykh veshchey sobraniya P.I. Shchukina* [Inventory of Antiques From the Collection of P.I. Shchukin]. Moscow: [s.n.].

8. Oreshnikov, A.V. (1896) *Russkie monety do 1547 goda* [Russian Coins Before 1547]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova.

9. Imperial Russian Historical Museum. (1916) *Otchet Imperatorskogo Rossiyskogo istoricheskogo muzeya imeni imperatora Aleksandra III v Moskve za XXV let. 1883–1908 gody* [Report of the Imperial Russian Historical Museum Named After Emperor Alexander III in Moscow for 25 Years. 1883–1908]. Moscow: [s.n.].

10. Shchepkin, V.N. (1912) *Obzor vazhneyshikh pamyatnikov Istoricheskogo muzeya. Istoricheskiy otdel. 1883–1908* [Review of the Most Important Monuments of the Historical Museum. Historical Department. 1883–1908]. Moscow: Sinodal'naya tip.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Лосева, М. А. С. История формирования русской нумизматической коллекции Государственного исторического музея в 1883–1917 годах / М. А. Лосева // *Наследие веков*. – 2022. – № 2. – С. 93–100. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.007

Full bibliographic reference to the article:

Loseva, M.A. (2022) The History of the Formation of the Russian Numismatic Collection of the State Historical Museum (1883–1917). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 93–100. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.007

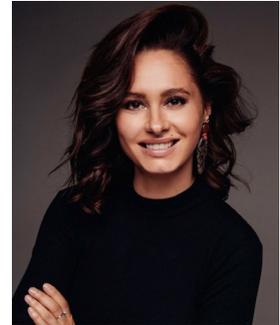

ГОРЛОВА Наталья Ивановна

кандидат исторических наук, доцент кафедры индустрии
гостеприимства, туризма и спорта
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация

Natalya I. GORLOVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
gorlovanat@yandex.ru

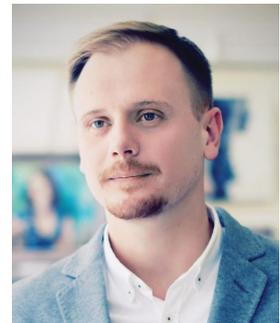

ДЕМИДОВ Артем Геннадьевич

председатель Центрального совета
Всероссийского общества охраны памятников
истории и культуры,
Москва, Российская Федерация

Artem G. DEMIDOV

Central Council,
All-Russian Society for the Protection
of Monuments of History and Culture,
Moscow, Russian Federation,
a.g.demidov@gmail.com

УДК: [323.212:069]:005.966.2(470+571)
ГРНТИ: 13.51.15
ВАК: 5.10.2.

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.008

**Исследование процесса
управления добровольческими
ресурсами (волонтерского
менеджмента) на базе российских
музеев-заповедников¹**

**A Study of Volunteer Management
on the Basis of Russian Museum-
Reserves²**

¹ Работа выполнена на основе данных, полученных в ходе исследования по теме «Создание модели международного волонтерского кампуса по сохранению объектов культурного наследия» [8], проведенного под эгидой Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) с сентября по декабрь 2020 г.

² The work was performed on the basis of data obtained during the study on the topic “Creating a Model of an International Volunteer Campus for the Preservation of Cultural Heritage” [8], conducted under the auspices of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIiK) from September to December 2020.

Статья посвящена анализу специфики организации музеями-заповедниками процесса управления деятельностью волонтеров на различных этапах (привлечение, отбор, обучение, сопровождение во время волонтерских смен, поддержка и мотивация) в оценках сотрудников культурных институций. Анализ производился с опорой на данные социологического исследования, проведенного Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры в 2020 г. Использовались методы анкетного опроса и экспертного интервью. В опросе приняли участие 35 музеев-заповедников из более чем 20 регионов России. Уделено внимание портрету современного волонтера музея-заповедника, описаны демографические характеристики волонтерского сообщества, мотивация и установки добровольных помощников. Выявлено, что доля музеев, в которых созданы волонтерские объединения, невелика; работу с волонтерами в настоящее время невозможно охарактеризовать как сложившееся и устойчивое направление деятельности российских музейных учреждений.

Ключевые слова: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, культурное волонтерство, волонтерский менеджмент, музеи-заповедники, социально-демографические характеристики.

Сегодня планомерное развитие волонтерского движения в музеях-заповедниках одновременно способствует решению нескольких задач [5] [9]. Во-первых, это помощь культурным институциям в тех направлениях деятельности, которые не подкрепляются бюджетным финансированием или финансируются крайне скудно. Второе важное направление сотрудничества с волонтерским движением – содействие в реализации социальных программ, предложенных музеями-заповедниками для местного населения. Музеи-заповедники проводят множество социально значимых мероприятий, таких как: культурные и досуговые проекты для местного сообщества; просветительские программы, рассчитанные на различную целевую аудиторию; циклы образовательных лекций и семинаров для местных школ; социально-культурная работа по организации досуга пожилых людей, маленьких детей и многое другое. Штатная численность отделов культурно-просветительской работы учреждений культуры, как показывает практика, невелика, и помощь добровольных помощников весьма востребована – как в участии в социокультурных и просветительских мероприятиях музеев-заповедников, так и в их организационной поддержке. В-третьих, волонтеры могут оказать содействие учреждениям культуры в обслуживании посетителей в период пиковых нагрузок, вы-

ступая в роли экскурсоводов и их помощников, в организации приема гостей, навигации и распределении их потоков по всей территории музея-заповедника или по его отдельным экспозициям, распространении информационных материалов и рекламных буклетов.

Четвертое перспективное направление деятельности сообщества волонтеров – помощь в создании новых музеев-заповедников. Зачастую заинтересованные и неравнодушные члены местного сообщества инициируют возникновение краеведческих или специализированных музеев в малых исторических городах и селах. Подобные культурные институции сначала образуются на добровольных началах при школах, домах культуры, даже в частных домах и только потом приобретают статус муниципальных или региональных музеев [6].

Совокупность проблем, связанных с участием добровольных помощников в жизни учреждений культуры, отразилась на исследовательском интересе к изучению различных аспектов организации безвозмездных работ на площадках отечественных и зарубежных культурных институций [1] [2] [3] [4] [7]. Катализатором публикационной активности послужило стремительное развитие волонтерского движения в сфере культуры.

В 2020 г. ВООПИиК было проведено социологическое исследование [8]. Одной из его

задач, составившей главный целевой ориентир настоящей статьи, стало определение социально-демографического портрета современного волонтера музея-заповедника и конкретизация модели работы с добровольными помощниками на всех этапах волонтерского менеджмента.

В рамках социологического исследования использовался анализ документов и дискуссий (в форме аудио- и видеозаписей), проводившихся сотрудниками Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в рамках видеоконференций. В исследовании приняло участие 35 музеев-заповедников из более чем 20 регионов страны.

В процессе проведенного анализа были сформулированы мнения сотрудников музеев-заповедников, касающиеся проблем создания добровольческих кампусов. Все проблемы обозначены не были, но между тем выраженные специалистами точки зрения способствуют научной оценке тех возможных путей развития, по которым может развиваться эволюция волонтерского движения в сфере охраны историко-культурного наследия России, осмыслению спектра социальных запросов и объективных барьеров (административно-управленческих, финансовых, информационных и юридических), стесняющих развитие добровольческих инициатив. Данные опроса также затрагивают проблему учета возможностей и специфики отдельных музеев-заповедников при реализации проектов, связанных с привлечением добровольных помощников.

Опираясь на результаты исследования, можно утверждать, что опрошенные музейные объединения работают с волонтерами на непостоянной основе – их общение носит, как правило, ситуативный характер. 84% ответивших представителей музеев-заповедников указали на отсутствие постоянных волонтерских объединений, центров, отрядов. Среди развернутых ответов на этот вариант вопроса – «Постоянных – нет». Еще в трех ответах (8%) указано, что музеи-заповедники привлекают волонтеров в формате разовых акций («музей по мере необходимости сотрудничает с волонтерским корпусом “Волонтеры АППК”», «нет, только привлечение волонтеров в фор-

мате разовых акций») либо в настоящее время планируется регулярное привлечение добровольных помощников. Три волонтерских объединения действуют при музеях на постоянной основе: волонтерские отряды «Сфера» из Шушенского и «Впритомье» из Томска и Общественный совет Музея-заповедника города Одинцова («фактически волонтерский центр»).

В целом почти три четверти участников опроса (72%) заявили о своей готовности работать с волонтерами. Среди озвученных в ходе опроса планов – «Перспективная задача – создать на базе музея-заповедника: 1) постоянно действующий отряд; 2) базу для отработки навыков практической работы “Волонтеров наследия”». Пятая часть участников опроса (22%) указали на имеющийся опыт работы с волонтерами:

«В 2020 году было принято решение о необходимости создания волонтерского корпуса при музее. Работа прервалась в связи с эпидемиологической обстановкой. На данном этапе есть группа лояльных музею волонтеров, которые изъявили свое желание участвовать в жизни музея. Волонтерский корпус не оформлен документально. Работа носит временный и нерегулярный характер». «К работе с волонтерами учреждение готово, некоторый опыт имеется. Приглашали учащихся местной школы при проведении областных фестивалей».

Только 2 участника опроса (6%) указало, что работа с волонтерами не является актуальной.

В рамках проведенного исследования было интересно выяснить ключевые социально-демографические характеристики волонтеров музеев-заповедников. Среди них – представители разных возрастов, но особенно много молодежи: школьников, студентов вузов и учащихся колледжей (совокупная доля лиц в возрасте до 16 и от 16 до 25 лет составляет более 85%). Так, «музей-заповедник “Танаис” взаимодействует с волонтерами – студентами образовательных учреждений (ГБПОУ РО “Ростовский колледж культуры”, г. Ростов-на-Дону) во время проведения массовых мероприятий, а также со студентами ЮФУ при проведении археологических раскопок». Интересно, что людей 36–50 лет, предпенсионно-

го возраста в качестве волонтеров респонденты практически не указывали. Граждане пожилого возраста, от 50 лет, участвуют в волонтерском движении в количестве 4,7%. Работающая молодежь от 25 до 35 лет составляет 9,4%. В то же время большинство участников экспертных интервью отмечали, что учреждения выражают готовность работать со всеми категориями населения. Большинство волонтеров музеев-заповедников приходится на долю женщин (74%).

Проведенный опрос позволил проследить и конкретизировать все основные этапы волонтерского менеджмента в процессе управления добровольческими ресурсами. Так, 40% респондентов обращаются к таким каналам привлечения потенциальных кандидатов, как социальные сети (40%), сайты (17%), другие средства массовой информации (7%). 27% респондентов отдают предпочтение работе с вузами, а 7% опрашиваемых – со школами. Как показывает практика, учреждения культуры направляют соответствующий запрос на предоставление волонтеров на то или иное мероприятие музея-заповедника.

Пятая часть ответов (20%) показывает, что учреждения обращаются к волонтерским объединениям и НКО. 13% участников исследования сообщили, что используют личные контакты сотрудников для поиска подходящих кандидатур на волонтерские вакансии учреждения культуры. Лишь 3% практикуют рассылку информационных писем возможным «поставщикам» волонтеров. 20% респондентов не используют на практике ни один из каналов привлечения волонтеров.

Как показал анализ результатов социологического исследования, четверть респондентов (24%) активно привлекают волонтеров к текущей деятельности организации, краткосрочным проектам и мероприятиям, больше половины (60%) только планируют задействовать волонтерский ресурс в будущем, каждое шестое учреждение культуры (16%) не видит особой необходимости в привлечении волонтеров в дальнейшем.

В рамках исследования стояла особая задача выявления соотношения постоянных и временных волонтеров, которых набирают под ситуативную задачу в учреждениях. Так, 81% опрошенных респондентов отметили, что работают исключительно с временным контингентом волонтеров, приглашаемым для проведения событийных мероприятий и реализации отдельных проектов. 12% участников исследования указали, что имеют постоянный штат волонтеров, это объясняется наличием собственного волонтерского объединения.

Согласно результатам социологического исследования (Табл. 1), всего 18% представителей музеев-заповедников при организации процедуры отбора кандидатов в добровольные помощники обращаются к процедурам анкетирования и собеседования. Большинство респондентов игнорируют этап отбора в системе управления добровольческими ресурсами. Подобное положение дел объясняется тем, что музеи-заповедники получают уже отобранных и обученных волонтеров на конкретные проекты и мероприятия учреждения культуры, поставщиками которых выступают волонтерские центры, учебные заведения и некоммерческие организации.

Профессионализм в работе волонтеров имеет большое значение.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Отбираете ли вы волонтеров? Если да, то какие отборочные процедуры используете?»

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question: "Do you select volunteers? If so, what selection procedures do you use?"

В ходе исследования ставилась задача выяснить у респондентов, какую подготовку должен пройти добровольный помощник музея-заповедника.

В зависимости от функционала во-

Вариант ответа	% от числа ответивших
Отбираем	18
Не отбираем	82

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какую подготовку должен пройти волонтер, прежде чем включиться в работу вашего учреждения?»

Table 2

Table 2. Distribution of respondents' answers to the question: "What training should a volunteer undergo before joining the work of your institution?"

Вариант ответа	% от числа ответивших
Инструктаж	38
Обзорные экскурсии	32
Предварительная подготовка	20

лонтерской вакансии и реализуемого проекта / программы / мероприятия добровольные помощники проходят инструктаж, изучают экскурсионные материалы и др. (Табл. 2).

«Перед началом проекта сотрудники музея знакомят волонтеров с объектом культурного наследия, рассказывают его историю и значимость»;

«Необходимо прослушать обзорные экскурсии и цикл лекций об истории и археологии Танаиса, о проблемах обеспечения сохранности памятников истории и культуры, технике безопасности при выполнении определенного вида работ».

Более трети учреждений культуры (38%) проводят необходимый инструктаж, 32% респондентов практикуют обзорные экскурсии и 20% осуществляют предварительную подготовку волонтеров. В одном случае был сформулирован ответ «Подготовка не требуется», в другом – «Главное – желание помочь».

Подобные организационные встречи, обучение проводят штатные сотрудники музеев. Как указали участники исследования, зачастую это может быть: специалист по связям с общественностью; ответственные за безопасность в музее, отвечающие за инструктаж по охране труда, общий вводный инструктаж; представитель одного из отделов, которому требуется помощь волонтеров.

Эксперты указывают, что добровольные помощники должны быть знакомы со спецификой выполняемых видов работ и обладать соответствующими знаниями и навыками. Естественно, успешное выполнение поставленных перед волонтерами задач возможно только при условии прикрепления к ним наставника из числа сотрудников музея-заповедника. Так, 86% респондентов указали, что задачу координации и сопровождения работы волонтеров берут на себя наиболее опытные сотрудники учреждения культуры, так назы-

ваемые кураторы. Они встречают волонтеров, проводят инструктаж, сопровождают до места работы, осуществляют надзорные функции и дают общую оценку работы добровольных помощников.

«За каждой группой волонтеров закрепляется сотрудник для направления их работы. Постоянных закрепленных сотрудников нет»;

«Организационная структура по управлению группами добровольцев сформирована таким образом, чтобы волонтеры были объединены в группы, а за каждой из таких групп был закреплен куратор».

Согласно полученным результатам исследования (Табл. 3), можно выделить следующие общие механизмы стимулирования волонтеров с использованием различных форм поощрения нематериального и материального характера: награждение благодарностями и грамотами (27%), возможность бесплатного посещения музейных экспозиций (22%), приглашение на бесплатные экскурсии (16%), получение сувенирной продукции (13%).

В большинстве музеев-заповедников (86%) отсутствует отрегулированная система поощрения волонтеров. Для того чтобы люди охотнее вовлекались в добровольческую деятельность, участники исследования обращают внимание на необходимость вести постоянную работу по мотивации волонтеров. Мероприятия мотивационной программы учреждения должны быть разнообразными, охватывать весь спектр волонтерской поддержки. Отлаженная система вознаграждения мотивационна способна показать обществу значимость такой работы

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как вы мотивируете волонтеров?»

Table 3

Table 2. Distribution of respondents' answers to the question:
“How do you motivate volunteers?”

Вариант ответа	% от числа ответивших
Благодарственные письма и дипломы	27
Бесплатное или со скидкой посещение экспозиций музея	22
Приглашение на бесплатные экскурсии	16
Награждение сувенирной продукцией	13
Запись в волонтерской книжке	7
Возможность участия в дополнительных программах музея	7
Знакомство с музейными коллекциями и объектами культурного наследия	4
Участие в квестах и игровых формах экскурсий	4

и для потенциально-го волонтера может стать стимулом войти в команду добровольных помощников музея-заповедника.

В ходе социологического исследования было выявлено, что у значительной части респондентов (45%) волонтеры меняются ежегодно. 36% участников исследования ответили, что добровольные помощники вовлечены в проекты учреждения на протяжении 2–3 лет. 19% отметили, что продолжительность сотрудничества с музеем свыше 4 лет.

Анализ ответов участников исследования позволяет сформулировать основные причины ухода волонтеров из организации.

Так, 48% участников исследования (Табл. 4) указали, что начало трудовой дея-

тельности добровольных помощников напрямую влияет на сокращение численности представителей волонтерского сообщества музея-заповедника. Среди других причин респонденты назвали учебную занятость волонтеров

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Каковы, по вашему мнению, причины ухода волонтеров?»

Table 4

Distribution of respondents' answers to the question: “What, in your opinion, are the reasons for volunteers to leave?”

Вариант ответа	% от числа ответивших
Окончание школы / вуза	48
Занятость школьников и студентов учебной программой	14
Отсутствие постоянных координаторов волонтеров	11
Плотность графика работы волонтеров	7
Отсутствие долгосрочных программ сотрудничества музея-заповедника с волонтерами	5
Затрудняются ответить	4

(школьников и студентов), дефицит времени на участие в общественно значимых практиках (14%), плотный рабочий график (7%). Отсутствие долгосрочных программ сотрудничества музея-заповедника напрямую сказывается на продолжительности участия волонтеров в работе учреждения культуры (5%). На причину «отсутствие координатора волонтеров в музее-заповеднике» обращают внимание 11% респондентов,

5% озвучивают наличие системных проблем в процессах управления волонтерами учреждения культуры. И наконец, 4% участников исследования указали, что снижение мотивации волонтеров вызвано эпидемиологической обстановкой в регионе в 2020 г. и определенными ограничениями на участие в безвозмездной деятельности.

Таким образом, в рамках проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Подавляющее большинство учреждений культуры не располагают собственными добровольческими объединениями, как правило, обращаются к посредникам в лице учебных заведений и ресурсных волонтерских центров для привлечения волонтеров в свои проекты и программы. Тем самым музей-заповедник снимает с себя необходимость выполнения значительного объема организационной работы с волонтерами.

2. Самая большая доля добровольных помощников музеев-заповедников прихо-

дится на женщин в возрасте от 16 до 25 лет. В среднем волонтеры уделяют 5–8 часов в неделю практике общественно значимой деятельности в учреждении культуры.

3. В целом работу с волонтерами невозможно охарактеризовать как сложившееся и устойчивое направление работы музейных учреждений. Преобладающее количество респондентов не владеет на достаточном уровне технологиями волонтерского менеджмента. Отсутствует в штатном расписании музея-заповедника и должность координатора волонтеров, что также сказывается на уровне и качестве работы с сообществом добровольных помощников учреждения культуры.

4. В деятельности части участников исследования просматривается консерватизм и изолированность, проявляющиеся в нежелании выстраивать работу с добровольными помощниками, привлекая последних в текущую деятельность учреждения культуры, реализацию долгосрочных проектов и проведение событийных культурных мероприятий.

Natalya I. GORLOVA

Cand. Sci. (National History),
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
gorlovanat@yandex.ru

Artem G. DEMIDOV

Central Council,
All-Russian Society for the Protection
of Monuments of History and Culture,
Moscow, Russian Federation,
a.g.demidov@gmail.com

A Study of Volunteer Management on the Basis of Russian Museum-Reserves

Abstract. The article analyzes the specifics of organizing the management of the activities of volunteers at various stages (attraction, selection, training, assistance during volunteer shifts, support, and motivation) by museum-reserves in the assessments of employees of cultural institutions. The analysis was based on the data of a sociological survey conducted by the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture in 2020. The respondents were employees of 35 museum-reserves from more than 20 regions of Russia. The methodological basis of the study was the methods of questionnaire survey and in-depth interviews. The questionnaire was aimed at assessing the work of the museum institution with volunteers when implementing various projects. The authors give the results of the survey in a number of areas of work of Russian museums-reserves with volunteers; raise questions about the regularity of museums for volunteer help, their readiness to

work with volunteers, and the presence of permanent volunteer associations at museums. The authors identify the key socio-demographic characteristics of the representatives of the volunteer community; trace and specify all the main stages of volunteer management when managing volunteer resources; characterize the channels for attracting volunteers to museums, the prevalence of various methods of their selection (questionnaires, interviews), preparation for work in the museum, and the range of skills and abilities (including professional ones) that a volunteer involved in activities in the museum should have; list the mechanisms for stimulating volunteers' interest in cooperation with the museum; determine the forms of museums' work aimed at motivating volunteers; analyze the main reasons for volunteers' leaving the organization; learn the terms of volunteers' cooperation with museums and determine the characteristics of the rotation of the volunteer contingent. The authors state that the share of Russian museums in which volunteer associations have been created is small and that working with volunteers cannot currently be characterized as an established and sustainable activity for Russian museums. The authors conclude that the largest proportion of museum-reserve assistants are women aged 16 to 25. They also note the conservatism and isolationism of some of the survey participants, who avoid attracting voluntary assistants.

Keywords: All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture, cultural volunteering, volunteer management, museum-reserves, socio-demographic characteristics.

Использованная литература:

1. Горлова Н. И. Волонтерство в России и за рубежом: исторический опыт и современное состояние сохранения культурного наследия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
2. Горлова Н. И., Губина А. В., Воропаева М. Д. и др. Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции). Тверь: Парето-Принт, 2020.
3. Горлова Н. И., Губина А. В., Демидов А. Г. Современные практики привлечения волонтеров к сохранению историко-культурного наследия: монография. М.: Перспектива, 2021.
4. Горлова Н. И., Маковецкая Д. Т. Сборник волонтерских практик в сфере культуры. М.: Перо, 2020.
5. Зиновьева Ю. В. Музейное волонтерство в структуре добровольчества в сфере культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 4. С. 39–44.
6. Отнюкова М.С. Культурный туризм и социальное конструирование достопримечательностей // Проблемы и перспективы развития культурного туризма Саратовской области. Саратов. 2004. № 3. С. 15–20.
7. Романова А. Г. Сравнительный анализ волонтерских проектов по сохранению исторических знаний и объектов культурного наследия // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 1 (15). С. 117–120.
8. Создание модели международного волонтерского кампуса по сохранению объектов культурного наследия // Добро.Ru. URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/a06/a064d09d1bff02e1cd1117d54509167.pdf> (Дата обращения: 12.05.2022).
9. Тимофеева Л. С. Музеи-заповедники в сфере культурного туризма // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. № 3. С. 197–202.

References:

1. Gorlova, N.I. (2020) *Volonterstvo v Rossii i za rubezhom: istoricheskiy opyt i sovremennoe sostoyanie sokhraneniya kul'turnogo naslediya* [Volunteering in Russia and Abroad: Historical Experience and Current State of Preservation of Cultural Heritage]. Krasnodar: Kuban State University.
2. Gorlova, N.I. et al. (2020) *Analiz praktiki privlecheniya dobrovol'tsev k sokhraneniyu kul'turnogo naslediya (na primere Rossii, Velikobritanii i Frantsii)* [Analysis of the Practice of Involving Volunteers in the Preservation of Cultural Heritage (On the Example of Russia, the UK, and France)]. Tver: Pareto-Print.
3. Gorlova, N.I., Gubina, A.V. & Demidov, A.G. (2021) *Sovremennye praktiki privlecheniya volonterov k sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya* [Modern Practices of Attracting Volunteers to the Preservation of Historical and Cultural Heritage]. Moscow: Perspektiva.
4. Gorlova, N.I. & Makovetskaya, D.T. (2020) *Sbornik volonterskikh praktik v sfere kul'tury* [Collection of Volunteer Practices in the Field of Culture]. Moscow: Pero.
5. Zinov'eva, Yu.V. (2021) *Muzeynoe volonterstvo v strukture dobrovol'chestva v sfere kul'tury* [Museum Volunteering in the Structure of Volunteering in the Field of Culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4. pp. 39–44.
6. Otnyukova, M.S. (2004) *Kul'turnyy turizm i sotsial'noe konstruirovaniye dostoprimechatel'nostey* [Cultural Tourism and Social Construction of Attractions]. *Problemy i perspektivy razvitiya kul'turnogo turizma Saratovskoy oblasti*. 3. pp. 15–20.
7. Romanova, A.G. (2021) *Sravnitel'nyy analiz volonterskikh projektov po sokhraneniyu istoricheskikh znaniy i ob'ektov kul'turnogo naslediya* [Comparative Analysis of Volunteer Projects for the Preservation of Historical Knowledge and Objects of Cultural Heritage]. *Molodezhnyy vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1 (15). pp. 117–120.

8. Gubina, A.V., Gorlova, N.I. & Shul'gin, P.M. (2020) *Sozdanie modeli mezhdunarodnogo volonterskogo kampa po sokhraneniyu ob"ektov kul'turnogo naslediya* [Creating a Model of an International Volunteer Campus for the Preservation of Cultural Heritage]. [Online] Available from: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/a06/a064d09d1bf-f02e1cd11117d54509167.pdf> (Accessed: 12.05.2022).

9. Timofeeva, L.S. (2015) *Muzei-zapovedniki v sfere kul'turnogo turizma* [Museum-Reserves in the Field of Cultural Tourism]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 3. pp. 197–202.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Горлова Н. И. Исследование процесса управления добровольческими ресурсами (волонтерского менеджмента) на базе российских музеев-заповедников / Н. И. Горлова, А. Г. Демидов // *Наследие веков*. – 2022. – № 2. – С. 101-109. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.008

Full bibliographic reference to the article:

Gorlova, N.I. & Demidov, A.G. (2022) A Study of Volunteer Management on the Basis of Russian Museum-Reserves. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 101-109. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.008

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ФЕДИНА Ирина Михайловна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета
Краснодар, Российская Федерация

Irina M. FEDINA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
ir_lap@mail.ru

УДК: 93/94[911.37:304.3]:[001.891.7-054.68]”179/185”

DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.009

ГРНТИ: 03.23.31

ВАК: 5.6.1.

**Поселенческий уклад
и социальный быт
славянского населения Кубани
глазами иностранных ученых
(конец XVIII – первая половина
XIX века)¹**

**Settlement Way of Life and Social
Mode of Life of the Slavic Population
of Kuban Through the Eyes
of Foreign Scientists
(Late 18th – First Half of the 19th
Centuries)²**

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-00330 («Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания»).

² The study was funded by the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-00330: [The Settlement of the Southern Outskirts of the Russian Empire in the 19th Century and the Problems of Land Management and Land Surveying](#)

В статье анализируются сочинения (дневники, путевые заметки и т. д.) иностранных ученых и путешественников, отражающие формирование преимущественно казачьих поселений на Кубани и Черноморском побережье Кавказа в конце XVIII – первой половине XIX вв., при этом автор статьи стремится выявить феномены, создававшие в тот период Image and Communication (образ и коммуникацию) региона в сознании зарубежных исследователей. Круг источников сформирован из работ П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монперё и М. Вагнера. Подчеркнуты различные аспекты путевых впечатлений перечисленных авторов, связанные с происхождением и социальным статусом казачества, психологией его представителей, природно-климатическими условиями региона, описаны казачьи курени как основной бытовавший в то время вид поселений. Автор заключает, что образ региона в сознании зарубежных авторов формировался на основе следующих факторов: облика традиционных поселений, особого темперамента их жителей казаков, а также культурных различий между ними.

Ключевые слова: поселения, казачество, восточные славяне, иностранные исследователи, Кубань, Черноморья, П. Паллас, Э. Кларк, Ф. Дюбуа, М. Вагнер.

Одним из наиболее заметных современных социокультурных явлений становится обращение общества к традиционным ценностям, национальной исторической памяти, наследию прошлого. Эта тенденция, свойственная, впрочем, не только российскому социуму, является, с одной стороны, ответом на вызовы, порожденные глобализацией, угрожающей нивелировать складывавшиеся столетиями культурные особенности этносов и наций, а с другой – свидетельствует о стремлении ряда стран к обретению подлинного культурного суверенитета. Необходимо отметить, что изучение отечественной традиционной культуры опирается прежде всего на региональные изыскания, дающие материал для научных обобщений более высокого уровня.

Исследование истории традиционной культуры регионов, относящихся к так называемым «окраинным», или фронтирным территориям, является, безусловно, важным и актуальным. Жители этих территорий (особенно первопоселенцы), как правило, сталкивались с суровыми условиями быта, враждебным соседствующим окружением и прочими элементами, свойственными пограничью, однако традиционная культура его обитателей, существуя в интенсивно меняющихся условиях, тем не менее демонстрировала поистине феноменальную устойчивость своих фундаментальных компонентов и способность к открытости и обогащению. Сказанное в полной

мере относится и к культуре славянского населения Кубани, активно заселявшего регион с конца XVIII в. и сумевшего сохранить и приумножить свою традиционную культуру, являющуюся одной из важнейших составляющих исторического наследия Юга России и нашей страны в целом. Представляется, что изучение повседневной жизни поселений жителей Кубани в первые десятилетия их существования актуально в плане исследования факторов, определяющих стабильное существование и развитие традиционной культуры в условиях наличия вызовов и неблагоприятных факторов.

Исследования, затрагивающие проблематику изучения иностранными исследователями казачьих поселений, их социального устройства, не получили достаточного освещения в региональной историографии. Имеются лишь фрагментарные упоминания в работах таких ученых, как Б. В. Виноградов, К. В. Скиба и М. В. Спасенова [1], Д. С. Ткаченко [5], А. П. Скорик и И. М. Федина [4]. Поэтому основной целью исследования становится анализ сочинений иностранных путешественников для определения описанных авторами знаковых феноменов, создающих Image and Communication (образ и коммуникацию) и закрепляющих в человеческой памяти представления о казачестве и поселенческом укладе на Кубани. В данном случае имеется в виду образ региона и его обитателей, который фор-

мировался в сознании зарубежных путешественников, а также определенный характер и способы взаимодействия славянского населения Кубани в рамках этого образа с носителями иной культуры и с окружающим миром в целом.

Данная целевая установка реализовывалась на материалах путевых заметок и дневников иностранных авторов, посещавших Кубань в конце XVIII – первой половине XIX вв. Являясь специалистами в разных отраслях научного знания (преимущественно в области естественных наук), они, тем не менее, уделяли достаточное внимание анализу общественной жизни, культуры и быта людей, населявших регион в тот период. В качестве материалов для настоящего исследования были задействованы работы П. С. Палласа («Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах») [3], Э. Д. Кларка («Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки») [6], Ф. Дюбуа де Монперё («Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму») [2] и М. Вагнера («Путешествия в Персию, Грузию и Курдистан») [7].

Методологическим фундаментом исследования выступает примененная в отношении поселений локально-историческая теория, которая формулируется в рамках общего социогуманитарного и цивилизационного подходов. Посредством данной концепции можно объяснить поселенческий алгоритм закрепления казачества на новых российских территориях в конце XVIII – начале XIX вв. Также особо следует выделить сравнительно-исторический метод, с помощью которого устанавливалось сходство и различие взглядов иностранных исследователей на поселенческое устройство славянского населения Кубани в обозначенный период.

Изучение описаний и путевых заметок иностранных авторов, которые в своих работах затрагивали поселенческий уклад изучаемого региона, поможет в научном осмыслении целого ряда проблем, касающихся, в частности, вопросов межкультурного диалога, социальных практик восприятия «иноного», фронтальных культурных процессов и различных

аспектов, связанных с социокультурными последствиями, возникающими при освоении новых территорий и сопровождающими формирование новых поселений. В числе первых внешних наблюдателей на Кубани побывал немецкий ученый-натуралист и путешественник на русской службе Петр Симон Паллас. Большую часть жизни (с 1767 по 1810 гг.) он провел в России, заслужил честь и славу своими многогранными талантами, интересовался бытом россиян и описывал всё, с чем сталкивался в путешествиях. В своих записках он посвятил Южной России отдельную главу «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах».

Немецкий ученый описывает особенности укоренения черноморского казачества на Тамани, характеризует завершающийся процесс строительства крепости на новом месте и, подмечая типичные детали, перечисляет основные оборонительные укрепления: «По дороге в Темрюк черноморские казаки начали постройку новых домов. Каменная мечеть с минаретом не особенно старательной работы теперь обращена в православную церковь. Эта местность имеет шесть колодцев с хорошей водой, что составляет редкость в Тамани» [3, с. 125]. По мнению П. С. Палласа, городу Тамань следовало бы вернуть старинное русское название Тмутаракани, данное властвовавшими здесь прежде русскими князьями.

ольшой фрагмент путевых записей посвящен черноморским казакам: он детально объясняет, откуда они именно появились, какое территориальное пространство заселили, насколько законны полученные ими привилегии, в чем конкретно заключались казачьи предпочтения, какую поддержку им выделяла государственная казна, что за военно-политическая задача на них возложена, какой общей численности они достигают. В этой связи путешественник напоминает, что черноморские казаки, «вступив на службу России, оказали столько храбрости на суше и на воде в последней войне с турками, что заслужили милость и благоволение императрицы [Екатерины II], и она в воздаяние их заслуг поручила им охрану границы по Кубани, перешедшей к нам после Кючук-Кайнарджийского мира» [3, с. 141].

Из сообщения немецкого ученого мы узнаём об офицерском казачьем хуторе, как полагаем, речь шла о месте будущего расположения станицы Ильичёвской (ныне это посёлок Ильич в составе Темрюкского района Краснодарского края). В подтверждение наших рассуждений процитируем фрагмент из старинного источника: «В 18 верстах от большого сводчатого склона достигают хутора, устроенного казачьим лейтенантом Станкевичем на месте разрушенной деревни, лежащей в 6 верстах от грязевого вулкана, находящегося против города Тамани на широкой косе, видимой со всех сторон, вследствие чего я склонен его счесть за Monumentum Satyre, упоминаемый Страбоном [античным историком] как могильный курган» [3, с. 137].

Немецкий путешественник достаточно объективно описывает местные природно-климатические условия на Тамани с их негативными моментами и несомненными достоинствами, упоминает недавно преодоленную жителями тяжелую эпидемию чумы, хвалит местную породу лошадей и определяет возможные перспективы развития эффективной хозяйственной деятельности в сферах земледелия, скотоводства и рыболовства, международных торгово-экономических связей.

В путевых записках П. С. Палласа называется основной на тот исторический момент заселения Черномории вид строящихся жилых поселений – казачьи курени, указывается довольно точное место расположения столицы черноморских казаков, города Екатеринодара, поясняется территориальное размещение казачьих воинских контингентов на Кубани, обозначается примерное нахождение и общая численность казачьих воинских резервов, подчеркивается возможное военно-организационное взаимодействие с русской императорской армией в период ведения боевых действий, фиксируется вид морской службы черноморских казаков и наличие у них артиллерии. Немецкий путешественник отмечал, что черноморские казаки занимали «деревни, или курени, вышележащие по Кубани, а между ними – главный город Екатеринодар, местопребывание кошевого и военного управления» [3, с. 142].

В июле 1800 г. в Черномории побывал профессор минералогии Кембриджского университета Эдвард Даниэль Кларк (1769–1822). Англичанин имел чрезвычайно широкий кругозор, и среди его путевых заметок, помещенных в книге «Путешествия по разным странам Европы, Азии и Африки», сохранились воспоминания и о черноморских казаках, описание их происхождения, обозначение территории расселения. В первой части книги, получившей название «Путешествие через Кубанскую Тартарию к границам Черкесии», Э. Кларк, восхищаясь черноморцами, справедливо отмечал: «Черноморцы – храбрые, но грубые и воинственные люди, среди которых вы не встретите утонченности цивилизованного общества, но есть много добрых сердец. Они готовы проявить величайшее гостеприимство к незнакомцам, обратившимся к ним за помощью. Их первоначальное название – запорожцы... этот термин указывает на их прежнее местоположение “за днепровскими порогами”» [6, с. 135]¹.

Сравнивая черноморцев с донскими казаками, наблюдательный глаз англичанина разглядел важные различия между двумя соседними казачьими группами, отметил веселый нрав и приверженность черноморцев к соблюдению традиций: «Они не похожи на донских казаков по привычкам, характеру или другим чертам. Все донские казаки ходят в одинаковой форме: черноморцы же носят всё, что только заблагорассудится. Донской казак незлобив, приветлив и учтив; черноморец же грубоват порой до наглости вследствие своего ухарства и военного образа жизни. Отличительный признак нижних чинов у черноморцев – оселедец за правым ухом, он есть даже у офицеров; но молодые запорожцы искусно скрывают [его] в своих темных волосах. Кажется, что они стесняются его, хотя и берегут с религиозным почитанием, как реликвию на груди католика; и любой из них скорее расстанется с жизнью, чем с этим знаком принадлежности к своему племени. Черноморцы веселее и шумнее донских казаков, неудержимые в своем веселье; неистовые в беседе, лю-

¹ Здесь и далее перевод иностранных источников наш. – И. Ф.

бят поворчать и, если не участвуют в споре, то обычно веселятся или поют песни. Донцы не жалуют черноморцев, взирая на них сверху как на банду грабителей на государственной службе. Однако следует заметить, что и черноморцы питают к ним такие же чувства, отпуская мимоходом замечания, подобные тем, что слетают с уст необразованной английской черни в адрес иноземцев; например, «один черноморец стоит трех донцов» [6, с. 350].

Англичанину Э. Кларку совершенно не понравилась станица черноморских казаков Старощербиновская (тогда она называлась Щербиновская), небольшое степное приземистое поселение, состоящее исключительно из обычных турлучных хат с неизменными камышовыми крышами. Он зафиксировал первое впечатление следующим образом: «Миновав [реку] Ею, мы вступили на черноморские земли: проехав еще около четырех миль, мы приехали в Щербиновскую – жалкую деревню, построенную из камыша, но имеющую несколько жалких лавок» [6, с. 352].

Автор был приятно удивлен непривычной для его путешествий в далеких странах скорости передвижения, что свидетельствовало о довольно быстром обслуживании на почтовых станциях и выдаче крепких, выносливых лошадей, пригодных к достаточно резвому ходу в степной местности [6, с. 353].

Путешественник из далекой Англии поражен необъятным южнорусским простором и хозяйственному использованию водяных мельниц, ведь на его родине паровые двигатели уже давно стали повседневной реальностью и основой технического прогресса. В своих записях Э. Кларк сообщает: «Мы заметили также несколько кукурузных мельниц с подливными колесами и неизменные древние курганы на горизонте» [6, с. 353].

Автор также обращает внимание на хорошее состояние степных пространств Правобережья Кубани, великолепный травостой, способный решить проблему кормовой базы для местного животноводства и лошадей, предназначенных для кавалерийских частей русской императорской армии, прежде всего, черноморского казачества [6, с. 354].

Одельно отмечает Э. Кларк и хорошую упитанность крупного рогатого скота в Черномо-

рии, а также отсутствие овечьих отар при таких необъятных степных просторах. В его родной Англии огораживание давно уже приобрело огромный размах. Пристальное внимание путешественник обращает на местную породу казачьих лошадей, сравнивая ее с шотландской породой. Он пишет: «Скот здесь больше ростом и округлее, чем в России. Казачьи лошади похожи на малорослую шотландскую породу в Англии. Хозяева хвалят их за быстрый ход и выносливость. По их словам, хорошая лошадь проделает шестьдесят верст или сорок миль галопом без остановки. Но они редко отличаются красотой» [6, с. 354]. Очевидно, что англичанину не хотелось признавать преимущества казачьих лошадей перед английскими.

Любопытное замечание оставил Э. Кларк и о столице черноморских казаков. Екатеринодар показался ему лесным поселением, где среди расчищенного леса и мощных деревьев едва виднелись жилые строения, расставленные на значительном удалении друг от друга и к тому же скрывающиеся лесной растительностью, среди которой выделялись весьма древние деревья. Англичанин пишет: «Екатеринодар, или “дар Екатерины”, столица Черноморского казачества, имеет весьма необычный вид. Он похож не на город, а скорее, на дубовую рощу или лес, где несколько удаленных друг от друга коттеджей скрываются не только от взоров публики, но и даже друг от друга. Жители срубили много деревьев и расчистили себе земли как можно больше; но улицы (если их можно назвать улицами) и промежутки между домами заняты карликовыми дубами и толстыми ветками, растущими из оставленных пеньков. Мы видели несколько деревьев, возможно, одних из самых древних в мире» [6, с. 356].

Будущее столицы черноморских казаков представлялось путешественнику весьма туманным по трем основным обстоятельствам. Во-первых, чрезвычайно медленно велось городское строительство. Во-вторых, постоянная борьба с горцами отнимала слишком много сил, а потому город практически не рос. В-третьих, чтобы выстроить город, надо преодолеть неблагоприятные природно-климатические условия. «Екатеринодар вряд ли станет желанным местом жительства, – писал

Э. Кларк. – Само основание города состоялось всего за восемь лет до нашего приезда, так что он все еще имел вид колонии, только что перенесенной из диких мест Америки, и вел борьбу с негостеприимными туземцами, непроходимыми лесами и нездоровым климатом» [6, с. 357].

Тем не менее автор путевых заметок отмечал достигнутые несомненные успехи качества в строительстве Екатеринодара, правильные архитектурно-планировочные решения, применяемые при возведении жилых зданий, имеющиеся хозяйственные постройки местных жителей, уже заложивших добротные фруктовые сады и неплохие виноградники, а также огороды с плодородной почвой, способной одаривать горожан съестными продуктами. Путешественник подчеркивал: «Дома жителей были аккуратнее, чем наши лучшие английские коттеджи. У каждого домовладельца имелся большой участок перед домом, к которому вела аллея из дубов. Ко двору прилегал сад, где мы заметили виноградные лозы, арбузы и огурцы. Подсолнечник рос самосевом и без всякого ухода. Многие растения, выращиваемые у нас в теплицах, растут здесь как сорняки» [6, с. 357]. Безусловно, сказывалась существенная разница между природно-климатическими условиями Черномории и Туманного Альбиона, что невольно подметил английский путешественник.

Отдельно Э. Кларк описывает казачью старшину Черномории, уделяя преимущественное внимание костюму этой высшей когорты черноморских казаков, подчеркивавших всем своим внешним видом индивидуальный социально-правовой статус. В сохранившемся описании детально перечисляются основные элементы колоритного атаманского костюма, типичные виды личного оружия. «Бразды правления, – пишет англичанин, – полностью в руках атамана и его офицеров, которые носят самые театральные и великолепные костюмы, знакомые любому человеку в мире. На груди у них золотые цепи и кружева, на боку турецкие сабли. Они носят красные сапоги, шапки из черного бархата, отороченные кружевами и серебряными цепочками. За шелковые кушаки на талии заткнуты пистолеты самой дорогой выделки... пороховни-

цы обвешаны серебряными монетами и другими безделушками» [6, с. 358].

Швейцарский ученый, этнограф и археолог Фредерик Дюбуа де Монперё в 30-х гг. XIX в. путешествовал по Крыму и Кавказу. Часть пути он проплыл вдоль Черноморского побережья Кавказа на русском военном корабле. Ему также удалось совершить поездку по западному Закавказью вплоть до Тифлиса. За несколько лет странствий Ф. Дюбуа собрал в своем дневнике огромный материал, который впоследствии был опубликован в шести томах под общим названием «Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму». Заметки Ф. Дюбуа интересны прежде всего описанием укреплений Черноморской береговой линии. Автор прибыл в Геленджик 22 мая 1833 г., где провел целых четыре недели и практически вжился в гарнизонную ситуацию. Благодаря наблюдательным заметкам Ф. Дюбуа, путем множественных исторических сопоставлений мы узнаём немало занимательных деталей о Геленджикском военном укреплении и повседневной гарнизонной жизни его обитателей, что существенно дополняет наши представления о Черноморской береговой линии.

Однако во время визита путешественника сам Геленджик оставался еще достаточно неблагоустроенным селением, несмотря на постоянный приток сторонних жителей. Солдаты местного гарнизона проживали в сырых и холодных землянках. Несколько лучше выглядели жилища офицеров, представлявшие собой типичные трехкамерные турлучные хаты. В одной из таких хат и поселился Ф. Дюбуа, о чем он сообщает так: «Инженер-поручик Яковлев уступил мне одну из комнат, где я мог с удобством работать...» [2, с. 70]. Очевидно, для возведения более основательных жилищ в Геленджике не хватало необходимых строительных материалов; к тому же явно сказывалась еще и неуверенность в будущем Геленджикского военного укрепления.

Путешественник характеризует внешний вид Геленджика как довольно невзрачное небольшое селение: «Геленджик, состоящий из кучки хижин из земли и веток [то есть турлучные хаты. – И. Ф.], с его старыми усачами-воинами с опаленными солнцем лицами

в шрамах; этот беспрестанный звон рожков в воздухе; множество мужчин и отсутствие женщин – все это напоминало мне Рим в дни его зарождения и борьбы с сабинянами» [2, с. 71]. Здесь Дюбуа подмечает значительное преобладание мужчин в составе населения Геленджика, который, по его мнению, может состояться как поселение, только если в нем окажется достаточно представительниц женского пола.

Вдумчивый ученый смог разглядеть и перспективы для Геленджикского поселения, поскольку он детально проанализировал с исторической и археологической точек зрения близлежащую местность и географическое расположение морских бухт. Ф. Дюбуа считал, что в будущем Геленджик сможет стать одним из важных поселений, имея в виду развитие его как торгового порта и крепости [2, с. 74–75].

Путешественник принял участие в обследовании небольшой морской бухты в месте впадения в Черное море горной реки Пшада, куда экипажу русского военного корабля, бригаantine «Нарцисс», удалось подойти вечером 17 мая 1833 г.

По ведением ученого, 27 мая 1833 г. русские военные сожгли в районе Пшады аул и две маломерные турецкие галеры на зимней стоянке в этом порту [2, с. 79]. Другими словами, гавань укрывала турецких работяговцев. В этом месте 6 июня 1837 г. отряд, пришедший из Геленджика под командованием генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова, закладывает Новотроицкое военное укрепление. Но об этом швейцарский ученый узнаёт уже в ходе подготовки своей рукописи к печати: «В наши дни этой местности, кажется, снова суждено стать чем-то значительным, т.к. летом 1837 г. генерал Вельяминов завладел Пшадом и укрепился там» [2, с. 81].

Лишь после окончания Кавказской войны в 1864 г. в долине реки Джубга на черноморском побережье появилась, и не случайно, судя по представлению Ф. Дюбуа, станица Джубгская в составе Шапсугского берегового пешего батальона.

В общих чертах путешественник описал три экспедиции А. А. Вельяминова (1834, 1835, 1836 гг.) с целью закрепления на Черно-

морском побережье, раскритиковал позицию Англии в отношении России, стремившейся подчинить Черкесию, причем вспомнил о жестокости Англии при проникновении в Индию и неоднозначную политику Франции в Алжире, отметил два возможных коридора движения русских войск от Кубани (Ольгинского укрепления) к Черному морю и подчеркнул важность основания Геленджика.

Известный немецкий путешественник, биолог, географ и естествоиспытатель XIX в. Мориц Вагнер (1813–1887) побывал на Кубани в достаточно молодом возрасте. Во время своей второй трехлетней экспедиции (1842–1845) он посетил страны Причерноморья, Кавказ, Армению, Курдистан и Персию, и в результате его естественно-историческими коллекциями пополнились музеи Вены, Мюнхена и Парижа. В феврале 1843 г. М. Вагнер отправился в путешествие вдоль Кубани, собирая и записывая свои впечатления о казачьей повседневности, о самих казаках, о человеческих характерах и судьбах.

Естественно, двигаясь в восточном направлении, путешественник приближался к станциям линейных казаков, которые в отличие от станиц черноморских казаков в большей степени выглядели как небольшие военные укрепления, готовые к отражению нападения противника. «Первая казачья станица [автор употребляет слово «village».– И. Ф.], которую мы достигли,– пишет М. Вагнер,– называлась Корсунская. Она была ограждена рвом и изгородью из кольев. Чем ближе вы подъезжаете к станциям линейных казаков, тем больше они укреплены, так как опасность возрастает по мере движения на восток» [7, с. 171]. В следующей линейной станице – Васюринской – немецкий путешественник застал приготовления казаков к очередному набегу на черкесов, что произвело на него довольно сильное впечатление, которое он зафиксировал в своих путевых заметках.

Немецкий ученый сумел разобраться в различиях между черноморскими и линейными казаками, в заметном расхождении ментальных моделей их поведения, и в том, где проходила граница между двумя казачьими объединениями. Впрочем, сначала он полагал, что от черноморских казаков он попал к черкесам.

Вот как он описывает свое маленькое открытие: «Станица Воронежская образует границу между Черноморией и территорией линейцев. Последние отличаются особым костюмом, физическим сложением, своеобразным религиозным фанатизмом, который, однако, проявляется более во внешней форме, чем в образцовых добродетелях. Их одежда и оружие так похожи на черкесские, что я, к своему ужасу, поначалу спутал их. Они носят шапку и пистолеты, которые изготовлены гораздо элегантнее, но менее надежно, чем у черноморцев» [7, с. 171].

На пути из станицы Воронежской в станицу Кавказскую немецкий путешественник везде встречает население, постоянно готовое к войне. Даже мальчишки способны встать рядом с отцами, если нужно выслеживать врага в зарослях. Но М. Вагнер заметил, что среди линейных казаков находятся группы недавно сюда переселившихся донских казаков. По его свидетельству, «офицеры обычно говорят с презрением о донских казаках, проживших на Кавказе всего лишь три года, сравнивая их неуклюжесть с ловкостью линейных казаков на Тереке и верхней Кубани» [7, с. 172]. Не очень лестную характеристику дал немецкий ученый типичным ментальным качествам черноморских казаков: «Черноморцы более ленивы и менее бдительны, реже пересекают Кубань и живут ближе к врагу. Я часто встречал этих казаков с унылыми лицами, лежащих на траве возле пасущихся лошадей, когда им было приказано прочесать заросли» [7, с. 173].

Запомнилось М. Вагнеру и непродолжительное посещение станицы Усть-Лабинской: он подчеркивает масштабность и значимость поселения на Кубанской кордонной линии, обращает внимание на четкое архитектурно-планировочное устройство населенного пункта, фиксирует приметную станичную церковь с зеленым куполом (вероятно, храм Сергия Радонежского), отмечает наличие в станице фортификационных сооружений, двух наблюдательных вышек и резюмирует в целом хорошую укрепленность станичного поселения. При этом более защищенной диспозиции, чем в Усть-Лабинской, автор не встречал. Он пишет: «Усть-Лаба – одна из крупнейших станиц Линии. Домишки, крытые соломой, стоят

стройными и ровными рядами, как батальон на плацу. Белая церковь с зеленым куполом и вышки посреди деревни укреплены лучше любой из кубанских застав» [7, с. 175].

В его записях мы обнаруживаем описание выражений лиц казаков и казачек с эмоциональными характеристиками. Немецкий исследователь отмечает: «Мужчины у казаков-великороссов обычно красивей, чем женщины. В целях исключительно физиономических исследований я старался заглядывать под платки всех встречающихся казачьих женщин и девушек, когда мы останавливались в станицах. <...> Сколько бы я не странствовал по землям казаков, нигде я не встречал более красивого лица, чем у нашей хозяйки в Тамани». Путешественник далее отмечает красоту мужских лиц, «особенно в селениях Ладожской, Казанской и Кавказской. Мальчишки, встречавшие нас толпой, отличались умными, беззаботными и веселыми лицами с ясным и отважным взором» [7, с. 180].

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что изученные записки путешественников насыщены конкретно-исторической информацией, которая заставляет отчасти корректировать сложившиеся современные представления о повседневной жизни казачества, устройстве поселенческого быта в конце XVIII – середине XIX вв. Свидетельства иностранных путешественников о Кубани первых десятилетий ее освоения славянским населением дают основание для утверждения о том, что подавляющее большинство авторов сохранили благоприятные впечатления о казаках и их поселениях. Основная черта подобного рода сочинений – формирование у каждого путешественника уникального персонального видения региона не с чьих-то слов, а на основании личных впечатлений, полученных при посещении Кубани. Причем, с нашей точки зрения, иностранные гости при относительной мимолетности пребывания сумели разглядеть очень многое, найти болезненные места повседневной жизни казачества и даже сформулировать свои предложения по дальнейшему развитию отдельных населенных пунктов. Путешественники проникали практически во все районы, бывали в поселениях черноморских и линейных казаков, на побе-

режье Черного моря. За редким исключением, в большинстве своем ученые стремились разобраться в устройстве казачьих станиц и хуторов и их соответствии тем реальным природно-климатическим условиям, в которых они находились,

Проанализировав опубликованные записки иностранных исследователей, можно составить практически полное представление о турлучных жилых постройках, об основных хозяйственных занятиях казаков, а также узнать уникальные сведения о промысловых орудиях или традиционной медицине.

К числу феноменов, создававших образ и коммуникацию региона и фиксировавших в памяти путешественников представление о славянском населении Кубани, можно отнести темперамент его представителей, характеристике которого (пусть и достаточно крат-

кой) уделяют внимание почти все авторы изученных сочинений. Вторым важным компонентом – сравнение культуры и психологического склада донцов и черноморцев, которое также проводится большинством авторов. Это означает, что особенности, свойственные представителям двух крупных групп населения Кубани, были достаточно яркими и весьма заметными стороннему наблюдателю. Наконец, третьим важнейшим структурным элементом образа региона являются поселения его жителей, причем на основе собранных исторических свидетельств можно утверждать о наличии в сознании иностранных исследователей, посетивших Кубань в рассмотренный период, некоей эпистемы “well established village” («хорошо организованной деревни») в отношении казачьих поселений как пунктов цивилизации.

Irina M. FEDINA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
ir_lap@mail.ru

***Settlement Way of Life and Social Mode of Life of the Slavic Population
of Kuban Through the Eyes of Foreign Scientists
(Late 18th – First Half of the 19th Centuries)***

Abstract. The article analyzes foreign scientists' and travelers' writings (diaries, travel notes, etc.) that reflect the formation of predominantly Cossack settlements in Kuban and along the Black Sea coast of the Caucasus in the late 18th – first half of the 19th centuries. The author of the article seeks to identify the phenomena that created the image and communication of the region in that period in the minds of foreign researchers. The sources of the study are works by Peter Simon Pallas, Edward Daniel Clarke, Frederic Dubois de Montpereux, and Moritz Wagner. The methodological foundation of the study is the local history theory, applied to settlements, which is formulated within the framework of socio-humanitarian and civilizational approaches. The author analyzes the content of the fragments of Pallas' work related to the territory of Kuban; emphasizes various aspects related to the origin and social status of the Black Sea Cossacks, the natural and climatic conditions of the region; describes Cossack kurens as the main type of settlements that existed at that time. The author studies the text of the memoirs of the English mineralogist Clarke related to his stay on the territory of the Black Sea coast and draws attention to Clarke's description of Yekaterinodar and other settlements, as well as information about the economic activities of the Black Sea people (in particular, about cattle breeding) and the status of military leaders. The author considers chapters from the multi-volume work of the Swiss scientist Dubois de Montpereux, dedicated to his journey to the Caucasus and reflecting the appearance of Gelendzhik in the early 1830s, characteristics of its inhabitants and a number of events from the history of this settlement. The author also studies the impressions of the German biologist and geographer Wagner of his journey along the Kuban River, which he undertook in 1843. The main objects of Wagner's observa-

tions were various aspects of the Cossacks' daily life, the characters and fates of ordinary inhabitants of Kuban. The author shows the features of Wagner's perception of the differences between the Black Sea Cossacks and the representatives of the neighboring Cossack host, gives Wagner's descriptions of some Kuban villages. The author concludes that the image of the region in the minds of foreign authors was formed mainly due to the temperament of its inhabitants, cultural differences between them, as well as the appearance of traditional settlements.

Keywords: settlements, Cossacks, East Slavs, foreign researchers, Kuban, Black Sea region, Peter Simon Pallas, Edward Daniel Clarke, Frederic Dubois de Montpereux, Moritz Wagner.

Использованная литература:

1. Виноградов Б. В., Скиба К. В., Спасенова М. В. Черноморские, линейные и донские казаки в путевых заметках Морица Вагнера «В земле казаков» // Российская государственность в судьбах народов Кавказа - X: материалы регион. науч.-практ. конф. (Пятигорск, 24-25 нояб. 2017 г.) / Под ред. Б. В. Виноградова. Пятигорск: Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2017. С. 78-105
2. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Пер. с франц. Н.А. Данкевич-Пушиной. Т. 1. Сухуми: Абгиз, 1937.
3. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем.; отв. ред. Б.В. Левшин; сост. Н.К. Ткачёва. М.: Наука, 1999.
4. Скорик А. П., Федина И. М. Национальный колорит и повседневность Геленджика в 1833 году (по запискам Фредерика Дюбуа де Монпере) // Взаимоотношения советской власти и общества при реализации национальной политики 1920-х гг.: историческая реальность, память, наследие : Материалы междунар. науч.-практ. конф., (Краснодар, 8–10 окт. 2021 г.)– Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 197-206.
5. Ткаченко Д. С. Народы Северо-Восточного Кавказа в историко-этнографических описаниях и картографии конца XVIII - первой половине XIX в. // Союзы сельских общин в историческом процессе Дагестана, Кавказа и России: новые подходы и дискуссии. Махачкала: Дагестанский гос. пед. ун-т, 2010. С. 285-294.
6. Clarke E.D. Travels in various Countries of Europe, Asia and Africa. Cambridge: University Press, 1810.
7. Wagner M. Travels in Persia, Georgia and Koordistan: With Sketches of the Cossacks and the Caucasus. – London: Hurst and Blackett, 1856. Vol. I.

References:

1. Vinogradov, B.V., Skiba, K.V. & Spasenova, M.V. (2017) [Black Sea Cossacks, Cossack Host, and Don Cossacks in the Travel Notes of Moritz Wagner "In the Land of the Cossacks"]. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza-X* [Russian Statehood in the Fate of the Peoples of the Caucasus-X]. Conference Proceedings. Pyatigorsk. 24–25 November 2017. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University. pp. 78–105. (In Russian).
2. Dubois de Montpereux, F. (1937) *Puteshestvie vokrug Kavkaza. U cherkesov i abkhazov, v Kolkhide, v Gruzii, v Armenii i v Krymu* [Voyage Around the Caucasus, Among the Circassians and the Abkhazians, in Colchis, Georgia, Armenia and in the Crimea]. Translated from French by N.A. Dankevich-Pushchina. Vol. 1. Sukhumi: Abgiz.
3. Pallas, P.S. (1999) *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva* [Observations Made During a Trip to the Southern Governorships of the Russian State]. Translated from German. Moscow: Nauka.
4. Skorik, A.P. & Fedina, I.M. (2021) [The National Flavor and Everyday Life of Gelendzhik in 1833 (According to the Notes of Frederic Dubois de Montpereux)]. *Vzaimootnosheniya sovetskoy vlasti i obshchestva pri realizatsii natsional'noy politiki 1920-kh gg.: istoricheskaya real'nost', pamyat', nasledie* [Relationship Between Soviet Power and Society in the Implementation of the National Policy of the 1920s: Historical Reality, Memory, Heritage]. Proceedings of the International Conference. Krasnodar: 8–10 October 2021. Krasnodar: Kuban State University. pp. 197–206. (In Russian).
5. Tkachenko, D.S. (2010) *Narody Severo-Vostochnogo Kavkaza v istoriko-etnograficheskikh opisaniyakh i kartografii kontsa XVIII – pervoy polovine XIX v.* [The Peoples of the North-Eastern Caucasus in Historical and Ethnographic Descriptions and Cartography of the Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. In: *Soyuzы sel'skikh obshchin v istoricheskom protsesse Dagestana, Kavkaza i Rossii: novye podkhody i diskussii* [Unions of Rural Communities in the Historical Process of Dagestan, the Caucasus and Russia: New Approaches and Discussions]. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University. pp. 285–294.
6. Clarke, E.D. (1810) *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*. Cambridge: University Press.
7. Wagner, M. (1856) *Travels in Persia, Georgia and Koordistan: With Sketches of the Cossacks and the Caucasus*. Vol. I. London: Hurst and Blackett.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Федина, И. М. Поселенческий уклад и социальный быт славянского населения Кубани глазами иностранных ученых (конец XVIII – первая половина XIX века) / И. М. Федина // Наследие веков. – 2022. – № 2. – С. 110-120. DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.009

Full bibliographic reference to the article:

Fedina, I.M. (2022) Settlement Way of Life and Social Mode of Life of the Slavic Population of Kuban Through the Eyes of Foreign Scientists (Late 18th – First Half of the 19th Centuries). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 110-120. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.30.2.009

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ №2 (30) 2022

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии полотна О. П. Цуцковой "Русская идея. Философский пароход", 140 x 110; холст, масло, 2007.

URL: <http://www.painthaus.narod.ru/fp.jpg>

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков, Т. В. Коваленко

Редактура текстов статей:

М. В. Шаройко

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

М. В. Шаройко, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 29. 06. 2022

Размещен в сети Интернет: 30. 06. 2022

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 14.09

Уч.-изд. л.: 11.41

Размер файла: 6,3 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»